

ХАМЗА

ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

БН

Советский
переплёт

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия:

*В. Н. Орлов (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

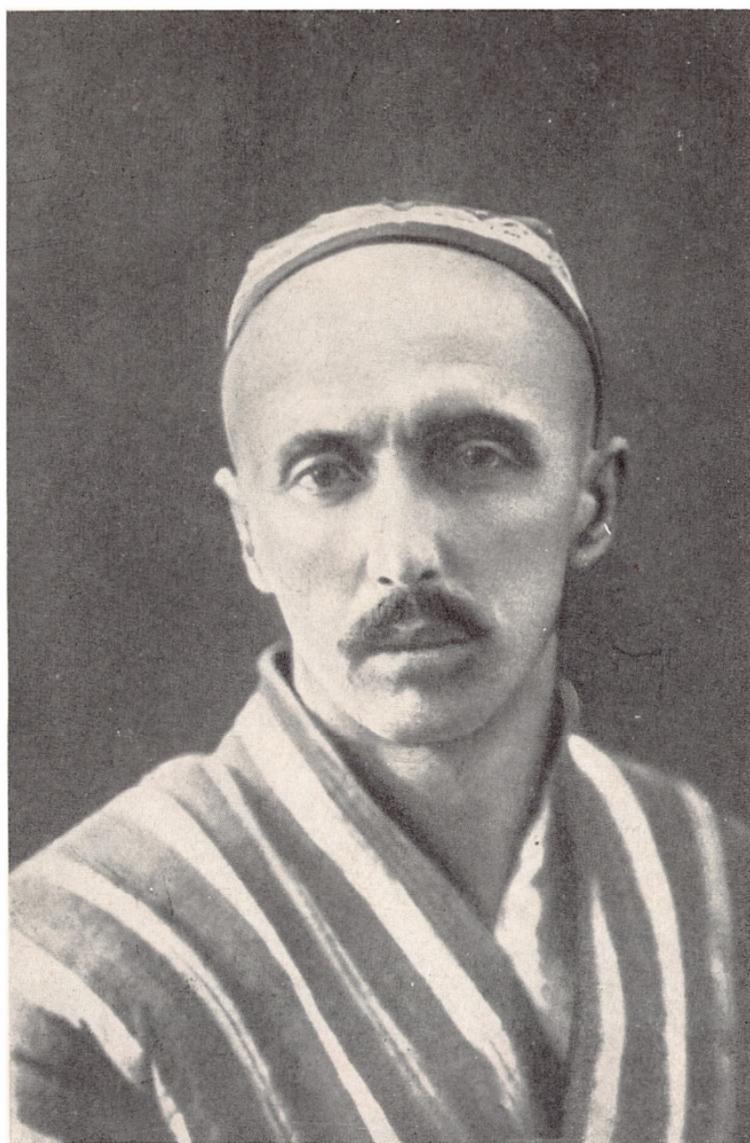
ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Вступительная статья,
составление и примечания
С. Н. Иванова*

*Редакция стихотворных переводов
А. М. Иванова*

Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) — зачинатель новой узбекской поэзии, основоположник современной узбекской драматургии, видный общественный деятель советского Узбекистана. Стихи, созданные поэтом в годы Советской власти, — живая хроника борьбы узбекского народа за победу революции. Настоящее издание — почти полное собрание стихотворных произведений поэта в переводе на русский язык.

ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) — один из основоположников современной узбекской литературы. Его творчество — яркая страница истории узбекской литературы. Поэт и драматург, композитор и режиссер, педагог и общественный деятель, Хамза вступил на литературное поприще в 1905 году и в дальнейшем отдал все свои силы служению победившей революции и культурному строительству в Узбекистане. Он стал первым пролетарским поэтом узбекского народа, а его поэтическое творчество было в полном смысле слова новаторским: он искал новые формы стиха, которые могли бы заменить собой каноны классической поэзии и отразить революционное содержание новой эпохи. Жизнь поэта трагически оборвалась, когда ему было всего сорок лет, но его двадцатипятилетний творческий путь явился отражением тех колоссальных перемен, которые после Октябрьской революции произошли в жизни народов Средней Азии, и тех трудностей, с которыми было сопряжено становление новой жизни.

1

Хамза родился в первой неделе марта 1889 года в городе Коканде. Предки Хамзы происходили из кишлака Авваль в Ферганской долине. Отец его — Нияз-оглы¹ (1836—1920) — был врачом и

¹ Так называет своего отца Хамза в автобиографии (см.: Ю. С. Султанов, Важный документ о Хамзе Хаким-заде Ниязи. — «Звезда Востока», 1963, № 3, с. 150—152). По другим сведениям, имя отца — Ибн-Ямин (см.: Л. П. Каюмов, Общественно-политическая деятельность и поэтическое творчество Хамзы Хаким-заде Ниязи. Автореферат докторской диссертации, Ташкент, 1963, с. 9). Биографические данные приводятся или излагаются здесь по автобиографии Хамзы и по материалам книги Ю. С. Султанова «Хамза. Очерк жизни и творчества» (Ташкент, 1959). Цитаты из автобиографии в дальнейшем приводятся без ссылок.

носил прозвище Хакимджан-табиб (хаким — «ученый», «мудрый», джан — ласкательный суффикс, табиб — «лекарь», «врачеватель»). Хамза был у своих родителей младшим сыном. Собственное имя поэта — Хамза. Другая часть его имени — Хаким-заде — представляет собой своеобразное «отчество» (дословно: «рожденный Хакимом»). Ниязи — один из поэтических псевдонимов поэта, взятый им, по-видимому, в честь отца. Согласно литературной традиции, существовавшей у народов Ближнего Востока и Средней Азии, автор лирических произведений подписывал их не своим настоящим именем, а так называемым тахаллусом — псевдонимом, который поэт должен был искусно «вплести» в текст последней строфы стихотворения.

В 1896 году Хамза поступает в школу, но основы начального образования он получает главным образом дома — под руководством отца. «Так как отец был человеком образованным, — пишет Хамза в автобиографии, — то уже к 1898 году я полностью овладел грамотой по-узбекски и по-персидски, а с 1899 по 1906 год продолжал учение в медресе по старинному методу».

Отец Хамзы в шестнадцатилетнем возрасте уехал из родного кишлака в Бухару, где обучился лекарскому искусству. Во время учения он овладел и основами мусульманской образованности, изучил арабский и персидский языки. По возвращении на родину Хакимджан-табиб занимался врачеванием по народному методу. Интересы его, однако, были шире того круга занятий, которые определялись его профессией. Он был лично знаком с крупнейшими узбекскими поэтами конца XIX века — Мукими (1850—1903) и Фуркатом (1858—1909), у него была большая библиотека.¹

Медресе представляло собой духовное учебное заведение для подготовки служителей мусульманской религии — богословов и правоведов, знатоков мусульманского права. Учащиеся находились на полном пансионе за счет средств, выделявшихся состоятельными благотворителями. Часто источниками этих средств были либо земельный участок, подаренный богачом-меценатом, либо караван-сарай — своеобразная гостиница, пристанище для путников, либо бани и т. д. Учащиеся медресе жили в худжрах — своего рода кельях. Владение кельей давало право на получение доли в доходах медресе. Приобрести келью в богатом медресе было нелегко и было доступно главным образом детям влиятельных и имущих родителей. Имелись также и сравнительно бедные медресе, куда могли попасть и дети людей среднего достатка. Срок обучения не был твердо уста-

¹ См.: Л. П. Каюмов, Общественно-политическая деятельность и поэтическое творчество Хамзы Хаким-заде Ниязи, с. 10.

повлеп, и сыновья богатых родителей могли в течение длительного времени «совершенствоваться» в науках. Главным предметом в курсе наук, изучавшихся в медресе, был Коран — священная книга мусульман. Учащиеся должны были знать текст Корана и толкования к нему. Изучение мусульманского богословия осуществлялось по книге «Хидоят» («Руководство»), которая представляла собой свод религиозных истин и догматов, написанный в XII веке. Светские науки в медресе преподавались в меньшем объеме и в приспособленном к богословским теориям виде: арабский язык и его грамматика с началами филологии как основа для толкования Корана и так называемых хадисов — преданий о пророке Мухаммеде; арифметика, начала лекарского ремесла, сведения по астрономии и естественным наукам. Характерными чертами обучения в медресе были крайний догматизм и взгляд на науку как на определенную сумму угодных богу и неизменных знаний, подлежащих заучиванию. «У меня было сильное желание оставить медресе, — вспоминал Хамза в автобиографии, написанной в 1926 году, — и отправиться куда-нибудь для продолжения образования, но отец мой был человеком малообеспеченным, поэтому материально я оказался бессильным осуществить задуманное».

Конкретных фактов из жизни Хамзы этого периода известно немного. Есть некоторые данные о том, что он пытался продолжить свое образование. В 1906 году Хамза учился на курсах русского языка у преподавателя Орлова при Кокандской русско-туземной школе,¹ а в 1908 году он, по собственному свидетельству, едет в Наманган и «учится там семь-восемь месяцев». Через некоторое время в том же Намангане Хамза изучает арабский язык и «другие науки за три класса» на курсах, созданных, как он сам пишет, по его инициативе. В следующем, 1909 году Хамза отправляется в Бухару, «чтобы завершить изучение арабского языка», но эта поездка оканчивается неудачей: в связи с тем, что в Бухаре обострилась борьба между сторонниками двух основных направлений мусульманской религии — суннитами и шиитами, Хамзе приходится бежать в Каган — город, расположенный вблизи Бухары и являвшийся резиденцией полномочного представителя русского царя при эмире бухарском.

Писать стихи Хамза начал рано. В автобиографии он говорит о том, что у него сохранились стихи, сочиненные им в 1899—1900 годах, то есть в возрасте десяти — одиннадцати лет. Имеются сведения, что в 1902 или в 1903 году Хамза написал стихотворение, посвя-

¹ См.: У. Б. Базаров, Идейные основы творчества Хамзы Хаким-заде Ниязи, Ташкент, 1960, с. 21.

щенное андижанскому землетрясению 1902 года.¹ Раннее пробуждение у себя творческого дара Хамза связывает с тем временем, когда он девятилетним мальчиком читал вслух в кругу семьи стихи Хафиза, Бедия и других поэтов. В автобиографии Хамза вспоминает, что в 1905 году им было написано стихотворение о русско-японской войне, которое он сам положил на музыку. Среди стихотворений, включенных самим Хамзой в рукописный диван (сборник) его стихов, самые ранние датированы 1905 годом. Этот год можно считать датой начала поэтического творчества Хамзы.

Это был памятный период в жизни народов Средней Азии. Революционная волна 1905—1907 годов докатилась и до окраин страны. Еще в 1900-х годах в Средней Азии в связи с ростом промышленности и строительством железных дорог зарождается рабочий класс. В начале 1905 года возникают большевистские организации в Ташкенте, Коканде и других городах, в Среднюю Азию проникает марксистская литература. В Самарканде начинает выходить газета «Самарканд» под редакцией большевика М. В. Морозова, а в Ташкенте — легальная большевистская газета «Русский Туркестан». Появляются первые революционные кружки, трудящиеся местных национальностей принимают участие в стачках 1905 года (забастовка типографских рабочих в Самарканде в январе, забастовка рабочих главных железнодорожных мастерских в Ташкенте в феврале и др.), в кишлаках дехкане (местные крестьяне) восстают против жестокого налогового гнета. «В это время, — рассказывает Хамза в автобиографии, — я получил представление о рабочей революции 1905 года». В Намангане он подружился с одним молодым татаринном, который печатал на ручном станке небольшие брошюры и листовки, и часто беседовал с ним о происходивших событиях.

Начальный этап творчества Хамзы складывался под влиянием демократических тенденций, обозначившихся в узбекской литературе последней четверти XIX века и нашедших наиболее яркое отражение в творчестве виднейших представителей демократического направления — Мукими и Фурката.

Хамза вырос в Коканде, — городе, славившемся своими литературными традициями. Здесь, в одном из культурных центров Узбекистана, жили и творили такие поэты, как Гульхани (конец XVIII — начало XIX века) и Махмур (последняя четверть XVIII века — ок. 1845). С Кокандом же была связана и литературная деятельность всех крупнейших представительниц «женской» поэзии — Надиры

¹ См.: Л. П. Каюмов, Из истории хамзоведения. — Сб. «Статьи о Хамзе», Ташкент, 1960, с. 30 (на узбекском языке).

(ок. 1792—1842), Махзуны (первая половина XIX века), Увайси (первая половина XIX века).¹ Виднейшие поэты-демократы Мукими и Фуркат также были уроженцами Коканда. Выше уже говорилось, что отец Хамзы был знаком с обоими поэтами.

Социальной основой зарождения в узбекской литературе прогрессивных демократических тенденций был исторический сдвиг в жизни народов Средней Азии, происшедший в результате присоединения Средней Азии к России (1865—1876). Сближение народов Средней Азии с народами России, влияние передовых направлений русской общественной мысли и русской культуры вызвали к жизни те изменения, которые определили развитие узбекской литературы в конце XIX века и которые связаны прежде всего с именами Мукими и Фурката.

Хотя на пути проникновения русской культуры в Среднюю Азию местной царской администрацией и чинились всевозможные препятствия, однако русское и европейское культурное влияние доходило до окраин царской России. Вскоре после присоединения Средней Азии к России в Ташкенте стала выходить первая газета на узбекском языке — «Газета Туркестанского края». В Ташкенте, Самарканде, Хиве, Фергане и других городах были открыты типографии и литографии, в которых печатались классические произведения узбекской литературы.

В стихах поэтов прогрессивно-демократического направления под влиянием изменений в общественной жизни появляются новые мотивы и элементы нового содержания. Не порывая связи с богатыми традициями узбекской классической литературы, с теми основами ее, которые были заложены великими узбекскими поэтами прошлых эпох — Навои, Лутфи, Атаи и другими, демократическая поэзия конца XIX — начала XX века ищет новые изобразительные средства и находит их в приближении языка литературы к народному языку. Для творчества Мукими, Фурката, Завки и других представителей этого направления характерны простота языка, более умеренное использование условного поэтического языка в лирических жанрах, обращение к приемам народного острология и подтекстовых намеков.² В творчестве поэтов-демократов значительное место занимают сатирические мотивы: осуждение мусульманского духовенства, средневековых суеверий и невежества. Эти обличения во многом были

¹ См.: А. П. Каюмов, Кокандская литературная среда, Ташкент, 1961 (на узбекском языке).

² См.: Гулям Каримов, Вопросы реализма в узбекской демократической литературе. — Сб. «Вопросы узбекской литературы. Литературно-критические статьи», Ташкент, 1959, с. 356—357.

данью традиции классической поэзии (ср., например, распространенный мотив обличения шейхов у Навои и других поэтов).

Принципиально иными по сравнению с классической поэзией, по-настоящему новаторскими, в творчестве Мукими были его сатирические произведения. В них поэт подвергал осуждению и осмеянию продажных чиновников царской администрации, взяточничество, корыстолюбие и лихоимство тех, кто был поставлен над народом — местных эксплуататоров из узбекской знати, легко уживавшейся с деятелями из правительственных учреждений «белого царя» и осуществлявшей вместе с ними власть над «туземцами» и «инородцами». ¹ Нужны были талант Мукими и долгий путь узбекской классической литературы, чтобы в произведениях поэта зазвучали ноты протеста против несправедливостей и появились достоверные описания бедственного положения тружеников в кишлаках. Это — те элементы реализма, которые предстояло развить следующему поколению узбекских поэтов и в первую очередь Хамзе. Несомненно, что сатирическая струя в творчестве Хамзы — не только в дореволюционном, но и в послереволюционном — имеет своим истоком новаторские находки Мукими.

Другой крупный представитель демократического крыла узбекской литературы рубежа двух веков Фуркат был ревностным поборником просвещения своего народа. Он, как и его друг и сподвижник Мукими, понимал, что поэзия может обрести новую силу посредством изображения реальной жизни, а не в изощренном варьировании и перепеве традиционных образов и мотивов. ² С большой смелостью Фуркат призывал перенимать все то новое, передовое и прогрессивное, что несла с собой культура народов России. ³ Он, так же как и Мукими, изобличает чиновников и местных их приспешников, преуспевающих на стезе ограбления простого народа. Фуркат в своем творчестве был страстным пропагандистом просвещения и развития культуры по образцу культуры европейской. Бесспорно, что просветительские тенденции в творчестве Хамзы отчасти восходят к тем идеям и образам, которые им были восприняты от Фурката и от других видных поэтов-просветителей Средней Азии — Ахмада Дониша (1827—1897) и Садриддина Айни (1878—1954).

Литературная деятельность Хамзы в период 1905—1914 годов

¹ См.: Х. Г. Қор-Оғлы, Узбекская литература, М., 1968, с. 110—113.

² См.: Гулям Каримов, Вопросы реализма в узбекской демократической литературе. — Сб. «Вопросы узбекской литературы», с. 349.

³ См.: Х. Г. Қор-Оғлы, Узбекская литература, с. 115—116.

протекала в двух направлениях: он создает лирические стихотворения, которые по традиции объединяет в рукописный сборник (диван), и пишет дидактические стихи для учебников, подготавливаемых им в период его работы учителем.

«Диван» стихов Хамзы содержит 197 лирических стихотворений. Все произведения, составляющие «Диван», подписаны поэтическим псевдонимом — в соответствии с традицией, идущей от классической литературы народов Ближнего Востока и Средней Азии. В качестве псевдонима Хамза избрал себе имя «Нихан» (другой вариант его — «Нихани»), что означает «скрытый», «тайный».

«Диван» Хамзы продолжает традиции классической узбекской поэзии. Основной жанр в нем — газели, то есть лирические стихотворения, состоящие из семи — одиннадцати бейтов (двустийши) с рифмующимися четными строками (в первом бейте рифмуются обе строки). В некоторых газелях число бейтов доходит до двадцати двух. Содержание большей части газелей, как это и предписывалось традицией, варьируется вокруг темы несчастной, неразделенной любви. Жалобы влюбленного выражаются посредством традиционных образов, оригинально поворачиваемых или комбинируемых автором. Здесь есть и «ночь измены», и ветер, несущий стоны и рыдания влюбленного к его возлюбленной, и истерзанная муками любви печень, и уподобляемый кипарису стан возлюбленной, и оплетающие и губящие влюбленного косы его любимой, и стрелы-ресницы, и другие образы, освященные многовековой традицией узбекской поэзии.

Вместе с тем лирическое дарование Хамзы, придающее его стихам особый настрой, и его способность к творческому обновлению традиционных мотивов несомненны. Лучшие из его газелей убедительно доказывают это. Для них характерны большой лирический порыв и последовательность в развертывании темы. В этом плане примечательна одна из ранних (1908) газелей Хамзы:

Попроси у любимой, ветер, пусть, жалея меня, придет,
Пусть, красуясь повадкой шахской, красотою маня, придет.

Одарила б своей беседой изнемогшего от любви, —
Мне не надо лекарств целебных, пусть, хотя бы дразня, придет.

Сколько дней я вдали от милой, опечаленный и больной,
Пусть же злая шалунья-пери, милосердье храня, придет,

Пусть, когда я томлюсь в темнице, словно пойманный соловей,
Мрак измены рассеет роза и цветением дня придет...

«Диван» Хамзы показывает, что автор его искусно владел умением, завещанным классической поэзией, придавать отдельным бейтам газелей афористичность. Таковы, например, следующие двестишия из его газелей:

Не извиняй и малый грех, дав волю беззаботности:
От малой искры и пожар ведь иногда появится! . .

Будешь счастлива — и люди за меня не укорят,
Но и в горе не помогут ни чужие, ни родня! . .

Помни, в чем залог смиренья: делай благо для людей,
А зовешься справедливым — не живи другим во вред. . .

Когда в любви не встретишь чувств ответных,
Жить страстью неумемой бесполезно.

Мастерство Хамзы в лучших его газелях отличается совершенством и вполне отвечает тем требованиям, которые предъявлялись к этому лирическому жанру канонами классической поэзии. Хамза хорошо владеет техникой редифа¹ и употребляет, наряду с обычными, состоящими из одного слова или из двух слов, редифами, так называемые «глубокие» редифы, мастерски вплетая их в смысловую ткань бейтов. Такова, например, газель с редифом «не упрекай меня»:

Коль ранишь сердце — болью ран не упрекай меня.
Когда от мук я словно пьян, не упрекай меня.

Язык газелей Хамзы не прост. И дело здесь не только в том, что традиционные образы и мотивы выражаются преимущественно арабской и персидской лексикой, издавна употреблявшейся в классической поэзии. В раннем творчестве Хамзы грамматический строй его языка далек от стихии узбекской народной речи и носит явные черты влияния того литературного языка, который искусственно культивировался в печати буржуазной интеллигенцией тюркоязычных народов — в Казани, в Крыму, в Баку, в Средней Азии. Этот факт имеет существенное значение для понимания того, какой большой путь был пройден Хамзой — одним из создателей современного узбекского ли-

¹ Редиф — буквально «идуший вслед» (арабск.) — слово или группа слов, непосредственно следующих за рифмой и повторяемых в каждом двестишии газели или в строфах других жанров в персидско-таджикской и тюркской поэзии.

тературного языка — от его ранних произведений до произведений зрелой поры творчества уже в советское время.

При всей своей традиционности «Диван» Хамзы содержит в себе и такие элементы, в которых все-таки проглядывает облик поэта-демократа, вставшего впоследствии на путь открытого обличения социального зла. Хамзе уже в эти годы близка идея служения своему народу. Несколько газелей «Дивана» содержат в себе мотивы осуждения человеческих пороков и обличения несправедливостей. В других газелях имеются дидактические и просветительские мотивы, характерные для следующего цикла стихов Хамзы, созданного специально педагогическими целями — как материал для чтения в школе, где Хамза учительствовал.

В одной из газелей Хамза образно и ярко рисует мир социальных контрастов, где властвует горе, где неразлучны богатство и лесть, а истина вынуждена ходить в рубище:

Под небосводом мир простерт немислимым базаром:
Там каждый со своей бедой, как продавец с товаром.

Там цены тяготам — низки, а на добро — высоки,
И смерть приносит в жертву всех своим коварным чарам.

Хоть с виду добр и скромн бек, а на подачки жаден:
Богатый ждет его в дверях, встречает щедрым даром.

А тот, кто с истиной в ладах, — в слезах, бедою сломлен,
Его одежда так ветха, что не возьмешь задаром. . .

Поэту глубоко чужд мир, которым правят алчность и корыстолюбие:

Не говори, что для людей во всем нужна корысть!
То — участь грубого скота, удел лгуна — корысть.

...Убийца чести и стыда, проклятье и позор,
Причина тягот и невзгод, с бедой дружна корысть.

...Когда достойный продал честь, стал подлому рабом,
То значит: на него легло клеймо пятна — корысть.

Ногами попан, словно сор, унижен будет люд:
Когда страною правит зло, всему цена — корысть!

Голодным будешь — всё равно не жадничай, Нихан!
Печать порока, божий гнев, сосуд без дна — корысть!

Стихи «Дивана» Хамзы проникнуты верой в могучую силу знания:

Если хочешь, чтобы в сердце был не мрак, а яркий свет,
Дружбы с мудрыми не бойся, не чуждайся их бесед.

«Диван» явился важным событием в творческом развитии Хамзы. Это была школа поэтического мастерства, усвоение традиций классической поэзии, овладение ее ресурсами и техникой, подготовительная работа к зрелому периоду творчества.

1910 год ознаменовал собой новый этап в жизни Хамзы: в этот год началась его педагогическая деятельность, продолжавшаяся в разных формах до конца его дней — сначала в школе, а затем в театре — как работа педагога-режиссера.

После неудачной попытки пополнить свое образование в Бухаре Хамза в 1909 году приезжает в Ташкент и здесь, в квартале Қашгар-дарваза, открывает школу. Обстоятельства, связанные с работой Хамзы в этой школе, неизвестны. Уже в следующем году Хамза оказывается в родном Коканде, где он также создает школу и сам ведет в ней занятия, в том числе и по русскому языку. Школа эта носила название «Дар-ул-айтом» («Приют для неимущих»).¹ Одновременно он открывает вечерние курсы для взрослых. Объявление, помещенное Хамзой в газете 27 сентября 1911 года, гласило: «Чтобы удовлетворить желание тех молодых людей, а также людей почтенных, каковые не имеют возможности учиться в дневное время, открывается вечерняя школа. В названную школу принимаются лица от 16 до 50 лет. Срок обучения — от 2 до 4 месяцев. Дается возможность полностью овладеть грамотой и навыками счета... Учение начинается с 1 октября. Школа открыта с 7 до 11 часов. Помещение школы — на гузаре Мир-хаджи-бек. Хамза».²

Это начинание Хамзы встретило недовольство со стороны официальных властей и мусульманского духовенства. Школа просуществовала лишь год, и властями было вынесено решение о закрытии

¹ См.: И. М. Муминов, Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв., Ташкент, 1957, с. 188—189.

² Цит. по указанной работе Ю. С. Султанова, с. 16. Гузар — перекресток, оживленное, бойкое место, небольшой базар (персидск.).

ее ввиду «опасности» такого рода учебных заведений, а основатель школы подвергся гонениям и преследованиям. Ближайшим поводом для репрессивных мер по отношению к Хамзе была его женитьба на русской девушке Аксинье Платоновне Уваровой, уроженке села Ивановско Тамбовской губернии (сентябрь 1912 года).

Под давлением обстоятельств в феврале 1913 года Хамза уезжает из Коканда и решает отправиться в путешествие. Сам он вспоминал в 1926 году об этих событиях так: «В 1911 году я открыл школу в Коканде. После года работы, собрав 60 р. денег и совершив путешествие через Афганистан, Индию, Мекку, Медину, Дамаск, Бейрут, я прибыл для продолжения образования в Стамбул, но так как я бежал без паспорта. . . вернулся на родину».

Путешествие Хамзы длилось около года. По возвращении он вновь предпринимает попытку организовать школу в Коканде. Газета «Голос Ферганы» сообщала в номере от 9 октября 1914 года: «На гузаре Шейх-ул-ислам открыта школа для сирот. . . В субботу 4 октября 1914 года в ней начались занятия».¹ Несколько ранее в той же газете (17 сентября 1914 года) Хамза писал: «Дети бедняков, лишённые возможности учиться, потому что не в состоянии заплатить месячный взнос, шатаются по улицам, тратят свою молодую жизнь на легкомысленные забавы. Чтобы уберечь их, надо. . . занять их учением».²

Но и эта попытка Хамзы потерпела неудачу: школа была вскоре закрыта. Хамза переезжает в Маргилан и здесь в конце 1914 года снова открывает школу, а также курсы для учителей при этой школе. Хамза горячо отдается любимому делу. Он сам составляет учебники для детей: «Легкая литература», «Книга для чтения», «Начальная книга для чтения».

В этих подготовленных Хамзой учебных книгах были помещены его стихотворения: «Школа», «Науку постигай», «Калям» («Перо»), «Учись», «Книга» и другие, составляющие собою особый цикл произведений поэта. Общая черта этих стихотворений, большая часть которых была написана в 1914 году, — восторженное преклонение перед знаниями, страстная пропаганда учения, воспевание человеческих добродетелей.

Стихотворения этого цикла ярко характеризуют просветительские позиции Хамзы, убежденного в том, что «наука — путь к любой заветной цели» (из стихотворения 1914 года). В эти годы Хамза выступает как типичный демократ-просветитель, видящий пути обновле-

¹ Там же, с. 17.

² Там же.

ния родной земли и возрождения своего народа только в просвещении:

Ведь народ, лишенный знаний, обречен бесславно погибнуть, —
Потому у всех народов и почет имела школа!

В эти годы Хамза еще верит, что «сделать человека человеком» может одна лишь наука:

От всех неожиданных бед надежная защита,
Невежеству и злу, как меч, преграда — книга!

Восторженное воспевание знаний, ученья и науки было характерно и для многих других тюркоязычных поэтов. Современник и почти ровесник Хамзы — народный татарский поэт Габдулла Тукай (1886—1913) был пламенным ревнителем просвещения своего народа. Некоторые просветительские произведения Хамзы прямо перекликаются с отдельными стихотворениями Тукая («Две дороги» — 1909, «Родной язык» — 1910, «Татарская молодежь» — 1912 и другие).¹ Стихотворения Хамзы близки по своему направлению и к некоторым произведениям азербайджанских поэтов — Аббаса Сиххата Мехти-заде (1874—1918), Мухаммеда Хади (1879—1920) и других.²

Написанные Хамзой учебные книги напечатаны не были. Стоявший во главе того издательства, куда были представлены учебники, Мунаввар-Қары писал в своем отзыве на книги Хамзы, что встречающиеся в них понятия — такие, как смелость, народ, патриотизм, отвага, воздухоплавание и т. п. «дерзости», — трудны для усвоения учащимися и что «было бы полезнее дать для юношей занимательные рассказы». Хамза не согласился на замены, рекомендованные «влиятельным лицом», и разрешение на печатание его книг получено не было.

О своей работе в маргиланской школе Хамза писал в автобиографии: «В конце 1914 года... я открыл школу в Маргилане. Но не прошло и восьми месяцев, как она была в принудительном порядке закрыта инспектором просвещения в Скобелеве Андреевым. Причиной послужил донос Андрееву со стороны учителя издавна существо-

¹ См.: «Антология татарской поэзии», Казань, 1957, с. 144—151, а также: Г. Халит, Габдулла Тукай и татарское литературное движение начала XX в., Казань, 1956, с. 47 и сл.

² См.: «Поэты Азербайджана», «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1962, с. 320—337.

вавшей в Маргилане школы и русско-туземной школы Кудратуллы-Кары».

Для понимания просветительской деятельности Хамзы, эволюции его взглядов важно уяснить отношение поэта к джадидизму.

Джадидизм (от арабского слова «джадид» — «новый») — буржуазно-либеральное, «обновленческое» движение националистического толка, возникшее в восьмидесятых годах XIX века в среде татарской буржуазии (Поволжье и Крым) и распространившееся в последующие годы среди других тюркоязычных народов (башкиры, азербайджанцы, народы Средней Азии). В первый период существования это движение носило прогрессивный характер с ярко выраженными просветительскими тенденциями. Сторонники джадидизма боролись за реформу старых религиозных школ, за внедрение новых методов обучения в духе европейских школ. Объективно это была борьба поднимающейся национальной буржуазии за приспособление ислама к своим потребностям. Академик В. В. Бартольд писал о модернистских тенденциях в исламе, что «для большинства мусульманских областей вооруженная борьба скоро сменилась идейной... Борьба велась и ведется на два фронта — против европейских нападков на ислам и мусульманскую культуру и против мусульманских староверов, защитников средневековых черт мусульманского быта. Борьба ведется не столько вероучителями и проповедниками, сколько публицистами, в ней участвуют и представители религии, но и они пользуются для своих выступлений страницами газет и журналов. Мусульманские публицисты Египта, Турции, Индии и России стараются доказать, что ислам как религия нисколько не противоречит требованиям современной культуры».¹

Просветительская программа джадидов предусматривала не образование для всех, а приспособление существующей системы просвещения к требованиям развивающейся национальной буржуазии. Уже на рубеже XIX и XX веков джадидизм оформился как буржуазно-националистическое течение, как движение за реформы в духе узкоклассовых интересов национальной буржуазии.

Джадидизм проник в Среднюю Азию в первое десятилетие XX века, когда он уже превратился в буржуазно-националистическую реакцию на революционный подъем 1905—1907 годов. Национализм был знаменем местной буржуазии в ее борьбе за рынки, за приемлемый для нее союз с русской буржуазией. Лидеры среднеазиатского джадидизма активно выступали против проникновения в Среднюю

¹ В. В. Бартольд, Сочинения, т. 6 (Работы по истории ислама и арабского халифата), М., 1966, с. 132.

Азию социал-демократической идеологии. Однако еще в течение некоторого времени джадидизм в Средней Азии прикрывался лозунгами просветительства и воспринимался как «справедливое» движение против мрака невежества.

Несомненно, что стремление Хамзы к деятельному служению своему народу именно на поприще просвещения питалось не только теми идеями, которые он воспринял от поэтов-демократов, но и теми просветительскими тенденциями, которые были характерны для джадидистской публицистики. В автобиографии Хамзы есть прямое свидетельство о том, что пробуждение у него интереса к вопросам общественной жизни связано с чтением газет джадидистского направления. «В 1907 году, — пишет Хамза, — провожая отца в паломничество до Кашгара, я впервые приобрел привычку читать газеты «Вакт»¹ и бахчисарайскую. С этого времени я начал постоянно интересоваться вопросами давних предрассудков и суеверий, обучения в медресе, переменами, происходящими в жизни народа, вопросами экономики и культуры и размышлять над ними».

Однако уже первые попытки некоторых преобразований в школьном деле, к которым приступил Хамза, встретили, как говорилось, решительное противодействие властей и местной администрации. К 1914—1915 годам относится начало постепенного освобождения Хамзы от джадидистских иллюзий.

Когда школа в Маргилане была закрыта, Хамза снова едет в Коканд. «...Здесь, — рассказывает Хамза, — собрав несколько близких мне людей, с их помощью я открыл школу для детей неимущих. Сначала двадцать — тридцать, — потом пятнадцать — шестнадцать человек помогали мне в течение всего одного месяца, после я сам содержал школу около четырех месяцев, затем по приказу уездного начальника (Медынского) был произведен обыск, и школа была закрыта... После этого я продолжал обучать на вечерних курсах, а в 1915 году снова собрал совещание, на котором был решен вопрос о библиотеке и читальне, и я открыл библиотеку под названием «Гайрат». Одной из целей было издание под фирмой библиотеки моих произведений. Однако байские элементы, еще с 1910 года всеми силами выступавшие против моих школ и моих произведений, проникли туда... меня самого оттеснили».

10 августа 1914 года в газете «Голос Туркестана» появляется первое опубликованное произведение Хамзы — стихотворение «Рамазан» (рамазан — название месяца, соответствующего мусульманскому посту). Как и в ранее написанных произведениях, в стихотво-

¹ Газета «Вакт» («Время») издавалась в Оренбурге.

рении «Рамазан» причину всех бед Хамза видит в том, что вся жизнь вокруг окутана тьмой невежества, а избавление от окружающих зол Хамза связывает с «правдой», которая вознаграждает человека за стремление к знаниям. Однако социальная заостренность этого произведения Хамзы выражена несравненно ярче, нежели в тех газетях и педагогических его стихах, в которых содержатся мотивы обличения социальных несправедливостей:

...Лишь невежество — причина, что в стране моей
Топчет бай за корку хлеба жизнь и честь людей.

Богатеи в пестрых платьях предо мной прошли,
Словно все соцветья в небе взяли для земли.

А бедняк дрожит и стонет, он и нищ и наг:
Нищету и рабство в долю получил бедняк.

Безысходно горе в сердце, и глаза — в слезах,
Бесприютным и несчастным доля — стон и страх.

...Ты не думай, что тиранство будет жить в веках:
Может стать бедняк владыкой, нищим — гордый шах!

...Верность истине в деяньях мы должны хранить,
Только правдой жажду знанья можно утолить.

Эй, Нихан! Ты с мусульманством наживешь греха:
С виду все благочестивы, а внутри — труха!

В этом же номере газеты «Голос Туркестана» Хамза помещает статью, где развивает эти же самые мысли, увязывая их с конкретными фактами жизни местного населения. «В чем причина недуга, который день ото дня всё больше заставляет обливаться кровью наши сердца? .. — спрашивает Хамза. — Начиная с 1912 года в особенности, большая часть ремесленников разоряется, идет в поденщики и, так как рынок не принимает слабых, обессиленных работников, то они .. присоединяются к нищим. Можно сказать, что в дни рамазана 1914 года по сравнению с прежним нищих прибавилось процентов на сорок, и это не будет преувеличением. Откуда же пришел этот позор, попрошайничество, унижение? .. Отощавшие, бледные, одетые в рубище, обездоленные, униженные и всеми презираемые, эти взрос-

лые мужчины... стоят у порога такого же, как они сами, раба божьего, униженно кланяясь и вознося незаслуженную благодарность... Видя, как их заставляют ждать с утра до ночи, как по приказу хозяев приказчики, чуть кто поднимет голову, избивают плетями, не разбираясь — по головам, по глазам, оскорбляют, браня и попрекая всячески, — видя такое обращение, каждый, у кого еще сохранилась живая душа... обязательно сделает вывод: „Видно, от ислама осталось одно лишь звание!“¹

Эта статья Хамзы положила начало его публицистической деятельности. Через два месяца в газете «Голос Ферганы» 25 октября 1914 года Хамза помещает статью «Великая просьба к господам учителям», в которой горячо ратует за развитие просвещения и за сближение с русским народом. «Одна из первых причин тому, что наши местные мусульмане пребывают на самой последней ступени отсталости, заключается в небрежении... к изучению языка, обычаев и культуры России... Удивительно! Почему наши по горло погрязшие в предрассудках и невежестве религиозные мусульмане из тех, что к изучению русского языка и к обучению русскому языку относятся с величайшим предубеждением, не считают постыдным для своей чести служить иноплеменным богачам, не стыдятся угодничать перед ними?»²

В 1915 году Хамза публикует свою первую и единственную повесть «Новое счастье». Это произведение, художественно очень несовершенное и отдающее риторикой, примечательно в том отношении, что Хамза, хотя еще и высказывает в ней надежду на добрую волю и щедрость баев как на средство преодоления отсталости и нищеты своего народа, но уже понимает, что «благородным баям не до устройства школ».³

К 1915 году относится и начало театральной деятельности Хамзы, занявшей впоследствии видное место в его творческих исканиях. Он создает любительскую театральную труппу из молодежи и ставит спектакли в доме «Военного собрания» в Коканде. Есть сведения, что в числе прочих спектаклей Хамза поставил «Женитьбу» Гоголя.⁴

В том же 1915 году Хамза создает свое первое драматическое произведение — пьесу «Отравленная жизнь», вышедшую из печати

¹ Х а м з а Х а к и м - з а д е Н и я з и, Избранное, Ташкент, 1959, с. 337—338.

² Там же, с. 338—339.

³ Х а м з а, Новое счастье, Коканд, 1915 (литография), с. 11 (на узбекском языке).

⁴ См.: Л. П. К а ю м о в, Общественно-политическая деятельность и поэтическое творчество Хамзы Хаким-заде Ниязи, с. 28.

в 1916 году. Содержание ее составляет история несчастной любви молодого образованного торговца Махмуд-хана и дочери бедного ремесленника Марьям-ханум. Власть средневековых суеверий и предрассудков, косная и зловещая сила мусульманских догматов, сословное неравенство влюбленных препятствуют соединению Махмуд-хана и Марьям-ханум. Трудные внешние обстоятельства усугубляются еще и различиями в нравственном облике влюбленных: готовая на любые жертвы, мужественная и решительная героиня оказывается несравненно выше и чище своего возлюбленного, который, вначале действуя вопреки воле отца, затем не находит в себе сил преодолеть возникшие препятствия. Интересно, что в пьесе имеются слова, выносящие осуждение той действительности, которая губит героиню: «Будь проклята эта отравленная жизнь!»

Предреволюционные годы были временем перехода Хамзы от просветительско-демократических убеждений к революционно-демократическим взглядам. В эти годы он создает свои сборники стихов на мотивы национальных песен. В этом цикле своих произведений Хамза выступает как истинный поэт-демократ. Он ставит себе целью написать такие песни, в которых известные народу и любимые им мотивы популярных песен сочетались бы с новыми стихотворными текстами, близкими миру чувств и чаяний простых людей. В одном из сборников Хамза писал: «Мы питаем большие надежды на наших почтенных читателей и рекомендуем по мере возможности распространять эти национальные песни среди простого народа, склоняя к этому также любителей музыки и пения». ¹ В течение нескольких лет — с 1916 по 1919 год — Хамза выпускает семь таких сборников стихов: «Красная роза» (1916), «Белая роза» (1916), «Зеленая роза» (1916), «Алая роза» (1916), «Желтая роза» (1916), «Лиловая роза» (1917), «Душистая роза» (1919). В предисловии к первому сборнику Хамза писал: «Чтобы наши передаваемые на слух драгоценные народные песни не были забыты, мы намерены собрать все наши напевы и мелодии, подставить вместо некоторых грубых стихов другие народные стихи и издать их несколькими частями». ²

В названных сборниках Хамза предстает перед нами не только как поэт. Осуществленная им работа по собиранию народных мотивов была первым опытом подобного рода. Хамза использовал около тридцати народных мелодий, причем среди них есть не только узбекские, но также и татарские, азербайджанские, уйгурские и русские песни. Связь нового текста с той или другой мелодией он передавал путем

¹ Ю. С. Султанов, Хамза. Очерк жизни и творчества, с. 23.

² Там же, с. 21—22.

ссылки на старый народный текст. «Мы приводим первое четверостишие самой песни, поющей на данный мотив, — пояснял Хамза в предисловии к сборнику «Белая роза». — Если некоторым из наших читателей и этого окажется недостаточно, они могут обратиться к любому из наших народных музыкантов, напомнив ему название песни, а также первые вступительные строки из нее, и тогда все станет ясным».¹

Язык песен, сочиненных Хамзой, прост и близок к языку узбекской народной поэзии. Противники Хамзы из лагеря националистически настроенной буржуазии обвиняли его в недостаточном знакомстве с классической литературой и литературным языком. Хамза в предисловии к сборнику «Красная роза» писал в ответ на подобные выпады: «...это не по причине неосведомленности в литературе... Действительно, они (стихи) написаны на узбекском языке, потому что мы стремимся приблизиться к узбекскому языку».² В то время «Диван» стихов Хамзы еще не был опубликован, и Хамза не мог сослаться на него в подтверждение своей «осведомленности в литературе». Теперь же мы знаем, сколь необоснованными были эти обвинения, так как многие стихи его «Дивана» обладают значительными художественными достоинствами и вполне отвечают нормам классической поэзии.

В сборниках стихов на мотивы национальных песен Хамза с прежним пафосом продолжает обличать отсталость и невежество, восхваляет просвещение. Показательно в этом плане стихотворение «Спор». Прикрепленное к мотиву распространенной татарской народной песни, это стихотворение представляет собой подражание народным песенным «перекличкам»-состязаниям (так называемые «айтышув»). Мужчины упрекают девушек в невежестве, в пренебрежении учением, девушки же в свою очередь укоряют мужчин за то, что они не помогают женщинам преодолеть отсталость и приобщиться к свету знания. «Спёр» создан в 1916 году и примечателен тем, что он написан в защиту женского образования.

Известно, что мысли о необходимости образования для узбекских женщин зародились у Хамзы еще в годы обучения в медресе. В письме в редакцию газеты «Иштиракцион» («Коммунист»), относящемся к 1920 году, поэт рассказывал: «Не так давно, в 1908 году, обучаясь в медресе, я выписывал на чье-либо имя газеты, журналы. Пряча их под мышкой, я забирался в какую-нибудь темную кле-

¹ Ю. С. Султанов, Хамза. Очерк жизни и творчества, с. 20—21.

² Хамза Хаким-заде Ниязи, Сочинения в двух томах, т. 1, Ташкент, 1960, с. 12 (на узбекском языке).

тушку, служащую кухней, запирает изнутри дверь и читал их там с большой опаской... Часто, прислонившись к стене темной лачуги, часами стоял я, предаваясь тяжелым думам о наших туркестанских женщинах и девушках, лишенных истинного просвещения.¹

Страстная мечта Хамзы о просвещении родного народа, о его светлом будущем, характерная для сборников стихов на мотивы национальных песен, афористически выражена в рефрене одного из стихотворений (сборник «Белая роза»):

Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

Однако уже и в этом стихотворении, а в особенности в последующих выпусках названных сборников появляются обличения, которые становятся ведущими в творчестве Хамзы этого периода, — осуждения чиновников-лихоимцев и продажного мусульманского духовенства:

Чиновникам законы не указ,
Для них добыча — всё, что есть у нас.

Кто честен, тот извечно терпит гнет,
В чести одна безнравственность сейчас.

В некоторых стихотворениях ноты обличения приобретают остро-сатирическую окраску. Так, например, в стихотворении «Святой ишан говорил...» (сборник «Красная роза») ишан² произносит монолог, в котором выбалтывает свои грязные помыслы и стяжательские мечтания.

Дела ишанов — жадность и обман.
Одну лишь цель преследуют ишаны
Чужим добром набить себе карман.

У них как будто доля нелегка.
В постах и бденьях святость велика.
На деле же они сожрать готовы
Последнюю лепешку бедняка, —

пишет Хамза в другом стихотворении (сборник «Желтая роза»). Такой же направленностью отмечены стихотворения «Если стра-

¹ Х а м з а Х а к и м - з а д е Н и я з и, Избранное, Ташкент, 1959, с. 342.

² Ишан — духовный наставник у мусульман Средней Азии.

данья — судьба бедняка. . .» («Красная роза»), «Хвала» и «Наши советы» («Зеленая роза»), «Наше положение» («Желтая роза»).

В сборниках «Зеленая роза» и «Алая роза» помещен своеобразный цикл стихотворений «Письма», состоящий из четырех писем — двух писем юноши и двух писем девушки. И по языку и по настроению «Письма» являют собой образец лирики, близкой к народным песням и принципиально отличной от условной, традиционной образности газелей — того жанра, которым до того времени ограничивалось лирическое творчество Хамзы. В некоторых строфах «Писем» лирическое дарование Хамзы проявляется с большой яркостью:

Дальний гром на небесах гремит,
Тучи бродят в темной вышине.
Мое сердце бедное горит —
Девушка забыла обо мне.

Солнце всходит в голубой дали,
Путники проходят по стране.
Девушка, мой голос слышишь ли?
Спросишь ли хоть раз ты обо мне?

Снег не тает, не цветут цветы,
Если не приходит в мир весна.
Знаешь ли, подруга моя, ты,
Что тоскою грудь моя полна?

Камни катятся с вершин седых,
Гул землетрясения растет,
Если имя, нежное как стих,
Твое имя кто-то назовет! . .

Выход в свет стихов на мотивы национальных песен совпал по времени со знаменательными событиями в жизни народов Средней Азии, происшедшими в 1916 году. Эти события нашли отражение в двух последних выпусках — в сборниках «Лиловая роза» (1917) и «Душистая роза» (1919). 25 июня 1916 года был издан царский указ о мобилизации местного населения на тыловые работы. Гневный протест трудящихся масс, много лет страдавших от произвола царской администрации и эксплуатации со стороны местной буржуазии, вылился в восстание, которое носило антиколониальный, антиимпериалистический характер. Восстание было жестоко подавлено. Джадид-

ские лидеры, призывавшие народ к повиновению самодержавию, разоблачили себя в глазах трудового населения.

В 1917 году в сборнике «Лиловая роза» Хамза помещает две песни, созданные им в 1916 году, — «Госкую» и «Передай привет». Эти песни написаны от лица простого узбекского труженика, оказавшегося на чужбине. Однако переживания героя Хамза пытается выразить в духе отвлеченных формул-жалоб, в духе перечисления «обязательного набора» бедствий. Этот прием восходит к народным песням, а отчасти и к жанру газели. Оба стихотворения отличаются несколько сентиментальной лиричностью и производят впечатление «случайных» для Хамзы, лежащих как бы в стороне от его основных творческих устремлений, выпадающих из общей линии развития Хамзы как поэта. Все же «Госкую» и «Передай привет» интересны как непосредственный отклик поэта на явления окружавшей его жизни. В художественном отношении они лишь поиски «своего голоса» в новых условиях — в преддверии революционных событий. Последующее творчество Хамзы наглядно показывает, что ему как поэту, стремившемуся к осмыслению и художественному выражению действительности, гораздо ближе была поэзия, насыщенная глубоко гражданственным восприятием явлений общественной жизни и сама участвующая в революционном преобразовании общественных условий. Чувствительность и пассивная созерцательность были чужды дарованию Хамзы.

Наступил 1917 год. С самого начала революционных событий Хамза становится активным их участником. Всей своей предшествующей деятельностью демократа-просветителя и поэта, с надеждой ожидавшего преображения родного края, Хамза был подготовлен к тому, чтобы включиться в революционную работу и обрести в ней свое место.

Февраль 1917 года застает Хамзу в Ташкенте. Здесь в это время возникают Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов ташкентского гарнизона, которые в конце марта объединяются. Одновременно создаются и буржуазно-националистические организации узбекской национальной буржуазии, феодалов-землевладельцев и мусульманского духовенства — Шуро-и Ислам (Совет мусульман) и Шуро-и улема (Совет высших мусульманских священнослужителей). Хамза, с энтузиазмом встретивший Февральскую революцию, работает в различных организациях, возглавляет редакцию журнала «Кенгаш» («Совет»), пишет для первого номера этого журнала стихотворение, в котором приветствует свержение самодержавия («Пришла она, пришла желанная пора!..»). Он призывает журнал «твердо и железно» проводить свою линию, «дать смертный бой отсталости»,

«воспеть величие дружбы», быть рупором широкого читателя. Однако работа Хамзы в журнале прервалась после выхода первого номера. Причиной этого послужил конфликт, возникший между Хамзой как редактором журнала и издававшей этот журнал группой кокандских учителей, политические симпатии которой определяла численно преобладавшая в ней джадидистская прослойка. «Байские элементы, — пишет Хамза в автобиографии, — выступили против моих статей, касающихся баев и улемов¹ и предназначенных к опубликованию во втором номере журнала «Кенгаш», и добились моего ухода. После этого я создал самостоятельное общество и стал выпускать журнал «Хуррият»,² но вследствие такого же сопротивления с выходом пятого номера был устранен и из него».

Эти события были отражением той сложной обстановки, которая создалась в Средней Азии после Февральской революции. Туркестанский комитет буржуазного Временного правительства, фактически представлявший собой орган власти эсеров, промышленников и националистической узбекской буржуазии, продолжал проводить политику угнетения трудящихся. В Средней Азии, как и прежде, сохранялись полуфеодалные аграрные отношения: земля и вода оставались в руках баев, купцов и чиновников. Большая часть печати на местных языках находилась под контролем буржуазных националистов.

В этот период Хамза, уже и раньше все более и более отдалявшийся от националистической идеологии джадидизма, окончательно порывает с ней. К этому времени относятся стихотворения Хамзы «Дорогая родина-мать» и «Да разве так останется?!». Из них особенно значительно второе стихотворение (первая половина 1917 года) — как яркое отражение идейно-политического роста Хамзы, понявшего, что Февральская революция не принесет народу желанной свободы:

Да разве так останется навеки,
Да разве мрак останется навеки?!
Вам, жертвам похоти, корысти, злобы,
Блудливым псам, поверить можно ли?
Да разве будущее Туркестана
В руках сутяг останется навеки?!
...Народ от вас, от гнусных негодяев,
Не жаждать избавленья может ли?

¹ Улем — духовное лицо, ученый-богослов, один из высших чинов мусульманского духовенства.

² «Хуррият» — «Свобода».

Деятельность Хамзы после Февральской революции свидетельствует о том, что он постепенно сближается с революционными массами трудового народа. О своей работе в период между февралем и октябрём Хамза рассказывает, что после его ухода из журнала «Хуррият» им «было создано потребительское общество. Целью его было объединение бедноты. Но и его тоже вскоре прибрали к рукам. После этого я поступил в продовольственный отдел «Шуро-и Ислам» ...Собрав 28 мая 1917 года в квартале Каляндархана около четырехсот рабочих, я провел большую демонстрацию и организовал общество рабочих, трудящихся. . . Прошло немного времени, и началась Октябрьская революция».

28 октября 1917 года, через три дня после Октябрьского восстания в Петрограде, в Ташкенте вспыхнуло восстание русских железнодорожников, революционных солдат и местных трудящихся под руководством большевиков. К 31 октября восстание в Ташкенте победило, и революционная волна распространилась на другие города Туркестанского края. 15 ноября в Ташкенте был созван съезд местных Советов, и на нем была провозглашена Советская власть и сформирован Совет Народных Комиссаров Туркестана.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Хамза принял восторженно. Уже в первых мероприятиях Советской власти он увидел ростки того будущего, о котором он, сначала смутно, мечтал и которое потом все более отчетливо вырисовывалось в его сознании. Стихи и песни Хамзы, созданные в это время, характеризуются уже совершенно четкой классовой позицией его как поэта-борца, отдающего свое творчество делу победы пролетариата. В конце 1917 года Хамза создает две песни — «Эй, рабочий!» и «Мы — рабочие». В дореволюционном творчестве Хамзы не было стихов, проникнутых таким высоким гражданским пафосом. Небывалой энергией и воодушевлением дышат стихи Хамзы, написанные в эту пору:

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг.

В руки долю возьми,
Наше время теперь,
Мы недаром снесли
Столько бед и потерь.

.. Жирных баев долой!
Их сметем навсегда —
Мы дорогу дадим
Честным людям труда!

.. Землю с бою возьмем,
Эй, к оружию, батрак!
Вековечного рабства
Рассеется мрак!

Песни этого времени выявляют не только четкую классовую позицию их автора, но и понимание того, что народу предостоят жестокие классовые битвы:

Оружье нужно для борьбы,
На бой вооружимся мы.
Прогоним баев-кровопийц,
Защитников насилья, тьмы!

2

Когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, Хамзе шел двадцать девятый год. Поэт, активно искавший возможностей служения своему народу пером художника, обрел в революционных битвах свой голос. Он вступал в пору творческой зрелости, и талант его креп в той ожесточенной классовой борьбе, в которой утверждались начала новой жизни народов Средней Азии. До самой своей трагической гибели Хамза с огромной целеустремленностью и энергией служил своему народу и партии победившего пролетариата. Творческие искания Хамзы в годы Советской власти привели к становлению в узбекской литературе основ социалистического реализма в поэзии и драматургии.

Исторические условия, в которых осуществлялись революционные преобразования в Средней Азии, были необычайно сложными. Узбекская национальная буржуазия и реакционное мусульманское духовенство в союзе с белогвардейцами и интервентами начали вооруженную борьбу против революционных масс и Советской власти. В ноябре 1917 года было образовано контрреволюционное правительство — так называемая «Кокандская автономия», которая являлась оплотом туркестанской контрреволюции, стремившейся изолировать Туркестан от Советской России. В феврале 1918 года «Ко-

кандская автономия» была разбита отрядами красногвардейцев и восставшей узбекской беднотой. 30 апреля 1918 года 5-й съезд Советов Туркестанского края провозгласил создание Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР, но уже в июле — сентябре 1918 года молодая республика оказалась в кольце фронтов гражданской войны и была отрезана от РСФСР. Вновь подняла голову «Кокандская автономия», активизировались контрреволюционные силы в Бухаре и Хиве и действия басмаческих банд в Ферганской долине. Натиск контрреволюционных сил и организаций получил поддержку английской интервенции в Закаспийских областях Туркестана.

В 1918—1919 годах Хамза создает песни «Проснись», «Эй, эй, стреляем!» и «Труженик», которые вместе с упомянутыми выше стихотворениями «Дорогая родина-мать», «Да разве так останется?!» и песнями «Эй, рабочий!» и «Мы — рабочие» были опубликованы в сборнике «Душистая роза» (1919). Как указывал сам Хамза в предисловии к сборнику, музыка к этим песням была написана им самим.¹ В этих песнях Хамзы звучит призыв к революционной борьбе трудящихся против угнетателей:

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Пробивайся в гранит, кирка!
Тех, кто против нас выступает,
Расстреляем наверняка!

...Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорывайся, кирка!
Чтоб враг был навек опрокинут —
За оружие, рабочих рука!

(«Эй, эй, стреляем!»)

Среди произведений этого времени интересно стихотворение «Труженик», в котором впервые в творчестве Хамзы звучит мотив радостного труда на своей земле и на благо народа:

Грянул гром, раздались тучи,
Небо молния прожгла.
Эй, проснись, старик крестьянин,
На Восток весна пришла!

¹ Хамза Хаким-заде Ниязи, Сочинения, т. I, Ташкент, 1960, с. 247—248 (на узбекском языке).

Льется дождь освобожденья,
Влажная земля щедра.
Снаряжай свой плуг, крестьянин,
Сеять хлеб пришла пора

К 1919 году относятся две песни Хамзы, в которых он призывает к защите революционных завоеваний от посягательств контрреволюции, — «Не отдавай свободы» и «Красноармейцам»:

Эй, вставайте в ряды, друзья!
Эй, настала пора атак!

Поднимите, несите вперед
Революции красный флаг!

Притеснителей всех, кровопийц,
Богатеев крушите стан,

Утвердите свободу вы
Для рабочих и для дехкан!

(«Красноармейцам»)

Произведения Хамзы, опубликованные в сборнике «Душистая роза», — первые образцы новой, пролетарской узбекской поэзии.¹

В 1918—1920 годах Хамза с большой энергией участвует в строительстве новой культуры — не только как поэт, но и как работник народного образования и как активный деятель культурно-просветительного фронта. В 1918 году он учительствовал в Коканде, а затем в Фергане. Т. Н. Кары-Ниязов, ныне академик АН УзССР, работавший вместе с Хамзой в Фергане, рассказывает: «В это незабываемое время во всем блеске развернулся талант Хамзы, талант глашатая, трибуна новой жизни, неутомимого агитатора и организатора строительства новой жизни. Он буквально не мог сидеть дня на месте, ходил по домам, вел беседы с родителями, то и дело выезжал в кишлаки, убеждая людей, открывал им глаза, поднимая в них дух созидания и борьбы с врагами Советской власти. Постепенно первая советская школа в Фергане превратилась в центр просветительной и агитационной работы среди населения... Однажды он за-

¹ См.: Ю. С. Султанов, Хамза. Очерк жизни и творчества, с. 44.

жег сердца всех, кто сидел в зале, когда прочитал свое стихотворение „Проснись!...“»¹

Вскоре Хамза оставляет педагогическую деятельность, переходит на работу в культурно-просветительное общество и организует театральный кружок. Созданная Хамзой во второй половине 1918 года в Фергане любительская труппа становится в сентябре 1919 года разъездным театральным коллективом, обслуживающим части Красной Армии. Вместе с ним Хамза добровольно вступает в ряды Красной Армии. Труппа на бронепоезде отправляется на Закаспийский фронт, где организует концерты и представления для красноармейцев. В этой труппе Хамза, по собственному его свидетельству, выполнял обязанности режиссера, артиста, суфлера, учителя, агитатора и редактора. Для нее он сам создаст серию драматических произведений: «Кто прав?» (1918), «Ради удовольствия», «Удочка», «Трагедия мобилизованных», «Ферганская трагедия» (1919). Тексты большей части этих пьес утрачены.²

В 1918 году было создано и главное драматическое произведение Хамзы, ставшее классическим, — драма «Бай и батрак». Первое представление этой пьесы состоялось 19 сентября 1919 года и было приурочено к знаменательному событию — соединению у станции Мугоджары частей Красной Армии, действовавших в Туркестане, с войсками Первой армии, которой командовал М. В. Фрунзе, прорвавшимися со стороны Актюбинска. Газета «Иштиракиюн» («Коммунист») в номере от 19 сентября 1919 года поместила следующее объявление: «Специальный вечер для красноармейцев 19 сентября 1919 года в пятницу в гарнизонном театре. Товарищи актюбинские солдаты-мусульмане, показавшие пример беззаветной преданности справедливому пути Советской власти! В честь вашей славной героической части Краевой мусульманской политической труппой устраивается вечер, на вечере будет поставлено представление под названием „Бай и батрак“». Автор — Хамза Хаким-заде Ниязи».³

Спектакли труппы, возглавляемой Хамзой, носили остро агитационный характер и пользовались неизменным успехом у революционно настроенной аудитории. Известен любопытный эпизод, имевший место во время агитационной поездки труппы и ярко характеризующий обстановку, в которой протекали выступления труппы. «В 1919 году возглавляемая Хамзой «Выездная драматическая труппа»

¹ Хамза Хаким-заде Ниязи, Избранное, Ташкент, 1959, с. 344.

² См.: Ю. С. Султанов, Хамза. Очерк жизни и творчества, с. 60.

³ Там же, с. 60—61.

па» по пути на Каспийский фронт, где проводились гастроли, решила провести один спектакль в Бухаре. Уже были развешаны афиши, но эмир запретил выступление труппы. Предпримчивый Хамза объявил, что покажет спектакль не в Бухаре, а на железнодорожной станции Каган недалеко от Бухары. Ни расстояние, ни строгий приказ эмира не помешали народу заполнить «зрительный зал» в караван-сараяе. Тогда эмир послал своего министра разогнать толпу и помешать спектаклю. Посланец эмира явился после начала спектакля и увлекся действием так, что забыл об эмирском поручении. Играли пьесу «Бай и батрак». Заключительная сцена, когда закованный в кандалы батрак Гафур бросал свои обвинения прямо в лицо баям, казиям,¹ духовенству и другим представителям феодальной власти, разбудила очарованного министра, который только теперь потребовал прекращения спектакля. После закрытия занавеса на трибуну поднялся Хамза, чтобы открыто разоблачить эмира и его приспешников. Он заявил: „Пусть кушбеги² оставит Каган, ибо Каган — город не эмирский, а советский, свободный. Долой угнетателей народа!“³

Хамза в это время состоял сотрудником мусульманской секции штаба Туркфронта (1919) и позже — сотрудником Политотдела Туркфронта (до весны 1920 года). В середине февраля 1920 года, после освобождения закаспийских областей, труппа, руководимая Хамзой, в агитпоезде «Красный Восток» приезжает в Ферганскую долину для обслуживания частей Красной Армии, борющихся с басмачами. В обстановке напряженной борьбы с басмачеством политико-просветительная и агитационная работа коллектива, возглавляемого Хамзой, имела первостепенное значение. Д. А. Фурманов, являвшийся с августа 1919 года до марта 1920 года начальником Политуправления Туркестанского фронта, в статье «Советское строительство в Туркестане», помещенной в самарской газете «Коммуна» (номер от 5 декабря 1919 года), рассказывает и о деятельности разъездной труппы, созданной Хамзой.⁴

Это была борьба за окончательное освобождение Туркестана от контрреволюционных сил, так как уже в конце 1919 года Советы, руководимые большевиками, прочно взяли власть в свои руки.

¹ Казий — мусульманский судья.

² Кушбеги — министр эмира.

³ Х. Г. Кор-Оглы, Узбекская литература, с. 175.

⁴ См.: Л. П. Каюмов, Общественно-политическая деятельность и поэтическое творчество Хамзы Хаким-заде Ниязи, с. 24. Следует отметить также, что в незаконченном романе Фурманова «Писатели» есть образ представителя национальных литератур Хасана Хашарова, прототипом которого считают Хамзу. См.: Г. Владимиров, Творческий путь Фурманова, Ташкент, 1953, с. 293—294.

В 1920 году были провозглашены Хорезмская Народная Советская Республика и Бухарская Народная Советская Республика. В Туркестане началось мирное строительство. В конце 1920 года Хамза демобилизовался.

Творческое и общественное лицо Хамзы определилось в это время с предельной ясностью. Воин Красной Армии, борющийся за торжество Советской власти, Хамза уже понимает, что руководящая сила революционного движения масс — партия:

Отважных вопиов, рабочих и крестьян,
Родная партия слила в единый стан, —
Былого призраки уйдут невозвратно!

Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

(«Живите-здравствуйте, рабочий и дехканин!», 1919)

Годы революции явились для Хамзы годами огромного роста его как личности. В 1920 году поэт вступает в Коммунистическую партию. Именно в огне революционных битв и ожесточенных классовых схваток в творчестве Хамзы проявляются такие черты, которые вплотную подводят его к методу социалистического реализма и пониманию партийности литературного творчества.

Крупнейшим произведением этого периода творчества Хамзы является его драма «Бай и батрак» (1918), которая вместе со стихами и песнями 1917—1918 годов стала важнейшим рубежом на его творческом пути. Обращение Хамзы к сценическому жанру и к песенному творчеству представляется глубоко закономерным: это был результат поисков наиболее действенных средств агитации, путей непосредственного общения с народом.¹

В пьесе «Бай и батрак» (в другом переводе — «Хозяин и батрак»), действие которой разворачивается в дореволюционные годы, две непримиримые силы противостоят друг другу: с одной стороны богатый Салихбай и его классовые союзники и приспешники — имам, уездный начальник, казий (судья) и чиновники местной администрации, с другой стороны — батрак Гафур, попавший в полную кабалу к баю, его юная жена Джамила, становящаяся жертвой байских

¹ См.: Иззат Султанов, О значении творчества Хамзы в формировании социалистического реализма в узбекской литературе. — Сб. «Вопросы узбекской литературы. Литературно-критические статьи», Ташкент, 1959, с. 61.

притязаний, и беднота, сочувствующая тяжелой участи батрака и его жены. Весь сюжет драмы построен как острое столкновение классовых сил, и все симпатии автора на стороне угнетенных и унижаемых в своем человеческом достоинстве главных героев — Гафура и Джамилы. Образ Гафура — это первый в советской узбекской литературе образ борца, восстающего против деспотизма и несправедливости. Революционный пафос пьесы выражен в речах Гафура, в тех страстных словах обличения, которые он бросает в лицо своим врагам, оклеветавшим и осудившим его.

Агитационная нагрузка, которую несет образ Гафура, очень велика. Не следует забывать, что эту пьесу вывела на сценические подмостки фронтовая труппа, переезжавшая в бронепоезде из одной красноармейской части в другую, и что зрителями ее были рабочие и крестьяне в шинслях. Со страстным словом обращается Гафур к своим притеснителям, которые отказывают ему в праве увидеться с друзьями: «Неправда! Это мои друзья. Батраки! Голодные, нищие, бесприютные ремесленники. Это — бедняки, которые, как и я, трудятся и не видят светлых дней. Люди, разоренные, обнищавшие от налогов, взяток, податей, поборов мулл и ишанов. Они возмущены клеветой, что свалилась на мою голову. Они пришли защищать меня, своего бедного, беспомощного друга, который избит до крови за то, что требовал человеческих прав, защищал свою честь... Я бросился в огонь страдания за правду!.. Правда на стороне бедняков!.. Будет ли конец насилиям, притеснениям? Я говорю от имени захлебывающегося в крови народа, от имени народа жалуясь вам! Есть ли у вас правда?»¹

Основное действие пьесы разыгрывается в доме Салихбая. В этой нарочито «камерной» обстановке, где однообразное течение жизни нарушается лишь распрями жен, возникает главная интрига пьесы, связанная с любовными переживаниями бая, восплававшего страстью к юной жене своего батрака. На этом фоне с большой динамичностью разворачивается драма любви Гафура и Джамилы, перерастающая в резкий классовый конфликт, который кладет предел прежней преданности Гафура своему хозяину и пробуждает в униженном батраке человеческое достоинство и гневный протест против несправедливости. Пьеса закачивается трагически: ложно обвиненного в воровстве Гафура ссылают в Сибирь, а жена его, вынужденная стать рабой бая, кончает с собой. В сохранившейся от времен гражданской войны афише говорится, что в последнем (ныне утра-

¹ Х а м з а Х а к и м - з а д е Н и я з и, Избранное, Ташкент, 1954, с. 136—137.

ченном) действи драмы Гафур знакомится в Сибири с русскими революционерами и вместе с ними борется за свободу.¹

Пьеса «Бай и батрак» значительна также и тем, что в ней находят отражение такие мотивы, которые и раньше волновали Хамзу и которые заняли еще более заметное место в его дальнейшем творчестве. Это прежде всего напряженные раздумья Хамзы о положении женщины и о косной и страшной силе предрассудков, темноты и невежества. Героиня драмы Джамила, умирая, взывает к своему любимому мужу: «Гафурджан!.. Не забывай меня! Отомсти баю, убитшему твоего ребенка, твою жену, отомсти всем баям! Спали огнем их власть. Сожги!..»²

Несмотря на прямолинейную агитационность пьесы, она свидетельствует о возросшем мастерстве Хамзы как драматурга. При этом важно отметить, что это мастерство пришло к Хамзе вместе с идейным ростом его как поэта революции. Вместо расплывчатых образов первых драматургических опытов Хамзы в пьесе «Бай и батрак» появляются герои, человеческое и классовое лицо которых выступает чрезвычайно рельефно: его герои — это люди труда, носители революционных страстей. Возросшее мастерство Хамзы-драматурга особенно сказывается в ярких сатирических штрихах, которыми он характеризует Халмата — слугу бая, прохвоста и балагура, а также в сценах, изображающих друзей бая — имама, казия и других.

Значение пьесы «Бай и батрак» определяется тем, что это — первое произведение узбекской советской драматургии, ставшее классическим, выдержавшее испытание временем, интересно звучащее и поныне и положившее начало становлению метода социалистического реализма как в драматургии, так и в узбекской литературе в целом.

В 1920 году, после демобилизации, Хамза возвращается в Коканд. Последующие годы (до 1926 года) были для Хамзы периодом, когда литературные его занятия временно отступили на второй план. Причины этого следует видеть прежде всего в том, что он в это время все свои силы отдает культурному строительству республики (в 1924 году была создана УзССР). Вместе с тем очевидно, что это были годы рождения новых творческих замыслов поэта. Об этом свидетельствует и его автобиография, где сказано, что в 1921 году он

¹ См.: Ю. С. Султанов, Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929). — Хамза Хаким-заде Ниязи, Сочинения, т. 1, с. 17 (на узбекском языке).

² Хамза Хаким-заде Ниязи, Избранное, Ташкент, 1954, с. 145.

ездил в Бухару и Хорезм со специальной целью «собрать материал для художественных произведений».

Деятельность Хамзы в этот период показывает, что все его усилия и вся его незаурядная энергия были направлены на решение задач, поставленных партией перед коммунистами Туркестана.

В Коканде Хамза заведует интернатом (1-й мусульманский детский дом) и учительствует в нем, работает режиссером труппы, дающей выездные представления на Ферганском фронте борьбы с басмачеством. В автобиографии Хамзы говорится, что и в это время он встречал противодействие своей деятельности в области народного образования. Именно в это время наблюдается оживление активности буржуазных националистов, одним из центров которых была группа «Чагатай гурунги» («Чагатайская беседа»).¹ На стороне националистов выступали и видные литераторы Фитрат, Чулпан, Эльбек.² Борьба Хамзы со своими идейными противниками приобрела столь острый характер, что он вынужден был покинуть Коканд и уехать в Бухару. «В Бухаре создав при органах просвещения и при военном агитпропе труппу, я до конца 1921 года работал в учреждениях Бухары. . . — говорится в автобиографии поэта. — В сентябре 1924 года был назначен. . . в Ферганский отдел народного образования и наряду с этим организовал ферганскую разъездную труппу».

Литературное творчество Хамзы в эти годы тесно связано с его театральнo-режиссерской деятельностью. Произведения этих лет не сохранились, однако имеются свидетельства, что им были написаны пьесы «Герой Огуз, или Сын своего отца» и «Хорезмская революция».

В своей труппе Хамза выступает не только как режиссер, но и как актер. Его театральная деятельность получает все больший общественный резонанс. Хамзу как организатора театральнoх представлений знают уже не только в Узбекистане, но и в других областях Туркестана.

С лета 1924 года до августа 1925 года Хамза работает в Коканде — в областных органах просвещения, режиссером и художественным руководителем областной театральнoх труппы, а затем уезжает в родной кишлак своего отца — кишлак Авваль около Ферганы. Здесь он принимает участие в работе сельсовета и в обще-

¹ См.: Т. Н. Кары-Ниязов, Очерки истории культуры Советского Узбекистана, М., 1955, с. 259. Чагатай — имя одного из сыновей Чингисхана. Его именем назывался улус (край, удел), в территорию которого входили земли современного Узбекистана.

² См.: «История узбекской советской литературы», М., 1967, с. 27.

ственной жизни кишлака: открывает красную чайхану, выступает с агитационными лекциями против суеверий и пережитков старого быта, организует курсы ликбеза и т. д. Целью его пребывания в кишлаке является, как он указывает в автобиографии, «изучение местных условий и написание для сцены пьесы из жизни кишлака». Он задумывает также написать автобиографический роман.

В 1927 году, во время так называемого «худжума» («натиск», «наступление») — широкой кампании за раскрепощение женщин, за отказ женщин от паранджи, Хамза активно включается в агитационную работу, выступает на митингах, пишет фельетоны и сатирические стихи, организует спектакли-инсценировки.

Творчество Хамзы в этот период тесно сопряжено с его общественной деятельностью. Значительное место в его творческих усилиях в эти годы занимает драматургия и театральнo-концертная деятельность. «Известно, — писал Хамза в одном из писем 1926 года, — что славу каждого народа хранит его собственная литература. Местом, где наиболее живо и ярко подается эта литература, является сцена. Наиболее верным средством проникновения литературы в душу народа несомненно является музыкальная песня, и чтобы эта песня заблестала повсюду, каждому народу нужны тонко чувствующие его поэты, композиторы, создающие музыку на основе его мелодий. . . Во всей революционной агитации у нас в Узбекистане наибольшее воздействие оказывает сцена и исполняемые с этой сцены стихи. . . и песни». ¹

Претворяя в жизнь эти свои убеждения, Хамза пишет агитационные сценки в стихах, приуроченные к различным событиям общественной жизни.

В 1925—1929 годах в Узбекистане была осуществлена земельно-водная реформа, вызвавшая злобное сопротивление байско-кулацких элементов и их приспешников. Хамза своим пером агитатора-поэта служит этому важнейшему мероприятию Советской власти. В диалогах сценки «Земельная реформа» (1926) Хамза в броской афористической форме разъясняет зрителям-дехканам те реальные выгоды, которые беднота получала от реформы:

- Куда девался прежний урожай?
- Уплыл в карман он к баям да ишанам.
- А этот урожай куда пойдет?
- На пользу всем рабочим и дехканам.

¹ Ю. С. Султанов, Хамза. Очерк жизни и творчества, с. 71,

- Что прежний урожай тебе давал?
- Гнет, рабство, голод, тягостную долю.
- А этот урожай что даст тебе?
- Единство, силу, изобилие, волю.

- ... — Эй, батрак, а что с землею будешь делать ты теперь?
- Сделаю страну богатой, собирая урожай.
- Ну, а как с почтенным баем? Как ему, бедняге, жить?
- Глину твердую кусая, пусть подойдет жадный бай!

К выборам в Советы в 1926 году Хамза написал две агитационные сценки — «Перед выборами» и «Ответ на жалобы ишана, лишённого возможности участвовать в выборах первичных советов». Сценка «Перед выборами» представляет собой острый диалог между представителями бедноты — батраком, издольщиком, ремесленником и бывшими их угнетателями — богатым дехканином, ишаном, старостой и т. д., которые, приспособляясь к новым историческим условиям, пытаются обратиться в местные советы.

Одна из таких стихотворных агитационных пьес — «Воронье» («Паразиты») — написана к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. В этой пьесе Хамза выводит на сцену различных представителей уходящего прошлого. Всех их поочередно разоблачает и прогоняет со сцены пролетарий. В языке этой пьесы сочный народный юмор сочетается с живой стихией разговорной речи, резкие обличительные эпитеты, которыми пролетарий награждает своих врагов, прямо рассчитаны на живую реакцию зрителя, сочувствующего главному герою пьесы:

А ну, быстрее убегай-ка,
 Бесовское отродье, шайка!
 Вас ждет на бойне — кровь лизать —
 Собака-попрошайка.
 Беги, беги, беги, беги,
 Скорее убегай-ка!

Завершается эта пьеска лозунговой концовкой — словами пролетария:

Теперь над миром яркий свет,
 Вам в этом мире места нет!
 ...Всех паразитов-подлецов
 Прогоним мы в конце концов!

Главное драматическое произведение Хамзы этих лет — комедия «Прежние казии, или Прodelки Майсары» (1926). Эта комедия, с ус-

пехом идущая на сцене и в наши дни, в заостренных художественных образах разоблачает ханжество и коварство мусульманского духовенства. И, хотя действие пьесы происходит в дореволюционное время, вся она направлена против реакционных служителей ислама, активно помогавших врагам Советской власти в их борьбе с новой жизнью трудящихся узбеков.

Последним произведением Хамзы для сцены была драма «Тайны паранджи» (1927), написанная в разгар кампании «худжума» и посвященная изобличению тяжелых условий недавнего прошлого, когда женщина была полностью порабощена и социальным укладом жизни, и бесчеловечными установлениями мусульманской религии.

В годы активной сценической деятельности Хамзы развивается и его музыкальное дарование. В 1926 году он сообщает в Главполитпросвет Узбекистана, что им создано около девяноста собственных мелодий, записи которых подготавливаются им к печати.

Стихи этих лет (1926—1928) отличаются яркой агитационной направленностью. Вместе с тем они свидетельствуют о неустанных новаторских поисках Хамзы, стремившегося найти новые формы стиха. В этом плане показательно стихотворение «Поздравляю» (1927), в котором применен стих, близкий к свободному стиху Маяковского. Имеется прямое свидетельство народного поэта Узбекистана Сабира Абдуллы о том, что Хамза, по собственным его словам, «этому размеру научился у Владимира Маяковского — великого поэта революции». ¹

В послереволюционной поэзии Хамзы ведущее место принадлежит народному стихотворному размеру «бармак». Хамза первый в истории узбекской поэзии перешел от традиционных форм стихосложения («аруз») к народным формам стиха. ² Он не отказывается и от форм классической поэзии, однако вносит новшества в некоторые из них. Так, например, его песня «Живите-здравствуйте, рабочий и дехканин!» (1919) написана в форме мухаммаса («пятистрочника»), но с оригинальной, не свойственной классической поэзии системой рифмовки в пределах строфы (аабаа — ввбаа — ггбаа и т. д.). ³

¹ См.: Г. Моминов, Вопросы традиции и новаторства в поэзии Хамзы Хаким-заде Ниязи, Ташкент, 1964, с. 19.

² См.: Иззат Султанов, О значении творчества Хамзы в формировании социалистического реализма в узбекской литературе. — Сб. «Вопросы узбекской литературы», с. 69.

³ См.: Л. П. Каюмов, Общественно-политическая деятельность и поэтическое творчество Хамзы Хаким-заде Ниязи, с. 43; Г. Моминов, Вопросы традиции и новаторства в поэзии Хамзы Хаким-заде Ниязи, с. 20—21.

Новаторство Хамзы и его яркий, своеобразный талант проявились в сатирических стихах. Продолжая традиции замечательного сатирика Мукими, Хамза создает прекрасные образцы сатиры на новой художественной основе — в духе социалистического реализма. Чрезвычайно острым по содержанию и оригинальным по форме является, например, его стихотворение, написанное ко дню 8 марта 1927 года, «Жалобы напуганного „ответственного работника“». Это стихотворение — с внутренними рифмами:

Получить бы мне совет дяди Чигирнка!¹
Я погряз в пучине бед, горький горемыка.

Сколько лет я на виду как «ответработник»,
А теперь попал в бсду, сбился с панталыка!

Обучил свою жену — власть над ней утратил:
Как ее ни приругну — не боится крика.

Март подходит, с паранджой жены сводят счеты,
Как мне быть с Хайринисой, — вот ведь закавыка!..

Значительное место в произведениях последних двух лет творческой деятельности Хамзы (1927—1928) занимает одна из актуальнейших общественно-политических проблем в жизни народов Средней Азии того времени. Все стихотворения этих лет написаны в период «худжума» — кампании борьбы за равноправие женщин. Среди них газель «Узбекской женщине» (1927), написанная как ответ-подражание кокандскому придворному поэту Фазли (XIX в.), но наполненная совершенно новым содержанием. Также в форме газели написана «Песня свободных женщин» (1927). Стихотворение «Голос женщин» (1927) имеет оригинальную трехстишную строфу. Третья строка в каждой из четырех строф этого стихотворения — своеобразный рефрен, варьируемый по содержанию. Ораторским пафосом и горячим агитационным накалом насыщено стихотворение «Сегодня 8 марта» (1927), в котором структура строф и рифмовка стихов идут от традиций классической рифмованной прозы.

Среди стихотворений на тему раскрепощения женщин есть также и сатирические стихи — «Признания опозоренного» (1927) и «Предателям худжума» (1928), хлестко высмеивающие тех, кто на словах

¹ Чигирник — название сатирического отдела газеты «Голос Ферганы».

выступал за равноправие женщин, а на деле — в своей семье — стремился сохранить вековые пережитки.

В двух последних стихотворениях этого цикла (1928), ставших последним даром поэта своему народу, звучат трагические ноты. Из них особенно примечательно стихотворение «Сорванные цветы», посвященное памяти женщин, погибших в борьбе за свое человеческое достоинство и раскрепощение, и элегия (так называемая «марсий») на смерть известной и популярной среди узбекского народа артистки Турсунай, которая была злодейски убита своим мужем-мракобесом.

В августе 1928 года Хамза переезжает в кишлак Шахмардан (ныне Хамзабад). Здесь он активно участвует в кампании по выборам в местные советы, работает в избирательной комиссии, избирается делегатом Ферганского окружного съезда Советов. В одном из писем этого времени (ноябрь 1928 года) Хамза пишет, что ему удалось пятьдесят из семидесяти домохозяйств привлечь на сторону тех, кто поддерживал политику Советской власти. На Ферганском окружном съезде Советов Хамза произносит гневную речь, изобличающую силы контрреволюции — кулаков и реакционное мусульманское духовенство, действовавших в Шахмардане.

8 марта 1929 года Хамза выступает на митинге, организованном им в связи с кампанией за раскрепощение женщин, с пламенным словом. В этот день двадцать три женщины кишлака сбросили с себя паранджу.

Мракобесы и фанатики, поддерживаемые всеми контрреволюционными силами, не могли простить Хамзе его энергичную деятельность в борьбе за проведение политики партии. 18 марта 1929 года поэт был убит разъяренной толпой врагов нового строя. Он подвергся казни, издавна применявшейся мусульманскими фанатиками к «отступникам» и инакомыслящим, — был «побит камнями».

* * *

Значение творчества Хамзы в истории узбекской литературы исключительно велико. Поэт-демократ, начавший свой творческий путь с традиционных стихов и произведений в духе просветительства, неутомимый педагог, страстно жаждавший видеть свой народ освобожденным из тьмы рабства и невежества, Хамза становится поэтом-революционером, поэтом-бойцом, всем сердцем воспринявшим Октябрьскую революцию и отдавшим ей жизнь. Поэт-новатор, искавший новых поэтических форм для создания литературы освобожденного народа, основоположник современной узбекской драматургии, режиссер-воспитатель первого поколения советских узбекских акте-

ров, композитор и музыкант, страстный трибун и глашатай революционных преобразований — таков общественный и творческий облик Хамзы.

Деятельность Хамзы уже при его жизни нашла благодарное признание народа. В феврале 1926 года ЦИК УзССР присвоил Хамзе почётное звание «народный поэт».

Произведения Хамзы послужили той почвой, на которой выросла молодая узбекская советская литература. Творческие достижения Айбека, Гафура Гуляма, Абдуллы Каххара, Уйгуна и следующих поколений узбекских писателей и поэтов — Хамида Алимджана, Максуда Шейх-заде, Шарафа Рашидова, Зульфийи, Камила Яшена и других были бы невозможны без замечательных художественных открытий и завоеваний Хамзы.

В узбекском народе жива память об одном из его самоотверженных сыновей — поэте-революционере Хамзе Хаким-заде Ниязи, литературное наследие которого и сейчас является активным фактором строительства узбекской национальной культуры.

С. Иванов

I

(1907—сентябрь 1917)

1

Лик твой — ясных зорь светлее, он сгубил и сжег меня.
Колдовских ресниц кинжалы губят, словно рок, меня!

Глаз твоих волшебных чары колдовством меня гнетут,
Каждый взгляд твой повергает в тысячи тревог меня.

Мне бедой нарциссы-очи, лунолика, грозят, —
Сжался! Грудь подставить стрелам твой укор обрек
меня!

Ты ступаешь, словно пава, сколько грации в тебе!
От волнений даже разум уберечь не смог меня.

По речам твоим тоскую, по нектару сладких уст.
Зло измены наделило бледнотою щек меня!

В день, когда я, сломлен горем, от тебя приветов ждал,
Вверг во тьму жестоких бедствий твой ответ-упрек
меня!

Не взглянула на Нихана — что ей стоны и мольбы?
Ты — с другим! Какой жестокий жребий подстерег меня!

1907

2

Я, точь-в-точь Меджнун безумный, на иной жить лад не
в силах,
Не скитаться по дорогам, рваный взяв халат, не в силах.

Что поделать — я во власти шаловливого тирана,
Я ведь совладать с клинками, что меня разят, не в силах.

Я, об алой розе грезя и в отчаянье стеная,
Звонкой песней соловьиной не тревожить сад не в силах.

И за то, чтоб краем глаза луноликая взглянула,
Я свой дом и свой достаток не отдать назад не в силах.

Коль желанного достигну, я — Фархад, пробивший гору,
А дотоль забыть, что раны у меня болят, не в силах.

Хоть пощады ждать напрасно, я надежды не теряю,
Но, коль скоро час мой пробил, я не выпить яд не
в силах.

Стал ты притчей во языцех, о Нихан, с твоей любовью,
И уже не быть несчастным, люди говорят, не в силах.

1907

Попроси у любимой, ветер, пусть, жалея меня, придет,
 Пусть, красуясь повадкой шахской, красотою маня,
 придет.

Одарила б своей беседой изнемогшего от любви, —
 Мне не надо лекарств целебных, пусть, хотя бы дразня,
 придет.

Сколько дней я вдали от милой, опечаленный и больной,
 Пусть же злая шалунья-пери, милосердые храня, придет.

Пусть, когда я томлюсь в темнице, словно пойманный
 соловей,
 Мрак измены рассеет роза и цветением дня придет.

Если ж гибнущих от разлуки нужно злобой ей погубить,
 Пусть, кинжалом в руках играя, жертв невинных казня,
 придет.

Подступила судьба-разлука к изголовью моих скорбей,
 Пусть же мук моих врачеватель, боль из сердца гоня,
 придет.

Силы прочь изошли из тела, цвет румянца шафраном
 стал,
 Пусть она спасеньем от жара, исцеленьем огня придет.

Пусть простит она добрым сердцем все ошибки и все
грехи,
Пусть, когда от мук покаянья в сердце боль и грызня,
придет.

Сколько верности обещала безответному Нихани!
Пусть обетов не губит ложью — за любовь не кляня,
придет!

1908

Такой красавице, как ты, в веках забвенья нет.
Как мне других с тобой сравнить? С тобой сравненья
нет.

Красавиц многих видел я, но равных нет тебе,
Ты рассудительна в речах, умна, сомненья нет!

Я славить рад тебя всю жизнь, и песням нет конца —
Ведь высшей цели на земле для песнопенья нет.

Когда бы ты, покинув дом, в лицо взглянула мне,
Рукой отбросила чадру — милей движенья нет.

Павлиньей поступью пройди по цветнику весной,
Другой царицы на земле для поклоненья нет.

Ты выйдешь на базар мирской, изящна и скромна, —
От плена красоты твоей нам избавленья нет!

С тобой в разлуке соловей рыдает до зари,
Он с милой розой разлучен — и утешенья нет.

Я до могилы донесу жестокую печаль,
И знаю я: с моей бедой мне разлученья нет.

Терплю обиды от врагов — соперников моих,
Мне избавленья от тоски ни на мгновенье нет.

Невежда лекарь хочет боль лекарством утолить,
Не зная, что от ран любви нам исцеленья нет.

Приди, красавица, ко мне и жизнь спаси мою,
Я зла не помню, жду, томлюсь, сильней томленья нет.

Оставь тиранство, благодать Нихану принеси,
Ведь говорят: кто был жесток, тому спасенья нет!

1908

Пусть бы ты свою жестокость мне дарила, — будь что
будет!
И страдальца с робким сердцем загубила, — будь что
будет!

Мне чинимые обиды от меня не отступают,
Оборвет мой мученья лишь могила, — будь что будет!

Ты мое учила сердце быть слугой в твоих покоях,
Ты его, изгнав с презреньем, отрезвила, — будь что
будет!

Если б, голову склоняя, я пришел к тебе с вопросом,
А в ответ потоки яда ты дарила, — будь что будет!

Ты сперва весьма достойной почитала нашу дружбу,
А потом халатом ветхим пристыдила, — будь что будет!

Ты сначала обещала быть мне другом до кончины,
А со временем обету изменила, — будь что будет!

Я почил во мраке ночи, на глазах застыли слезы,
А тем временем, ликуя, ты кутила, — будь что будет!

Не пойму, в чем я виновен, и совсем не понимаю,
Для чего чужих мне духом ты сманила, — будь что
будет!

Ты худого не желала, зла не думала содеять,
А потом всю жизнь в страданье обратила, — будь что
будет!

Ты отныне беспощадна — или мало мне досталось?
Но пускай меня бы снова ты казнила, — будь что будет!

Отомсти за всё Нихану, а коль скоро, с ним покончив,
Ты кого-нибудь другого полюбила, — будь что будет!

1909

6

Я сказал: «Земная пери, мне, страдальцу, мук не надо,
Ты и так ко мне сурова, умножать мой выюк не надо».

Говорит она с улыбкой, что таков уж нрав любимых,
Коли молвит: «Дай мне сердце!» — рвать его из рук
не надо.

Я сказал: «Ты черноброва, а глаза твои коварны,
Не вели меня дурманить: колдовских наук не надо!»

Говорит: «Оставь упреки, не дразни мои ресницы,
Все друзья мои безгласны — что мне лишний друг? —
Не надо».

Я сказал: «Коль ты захочешь умертвить меня — помилуй,
От любви к тебе я умер, звать жестоких слуг не надо».

Говорит она: «Влюбленных убивать был мой обычай,
Мне якшаться с жалким трусом, видеть твой испуг
не надо».

Я сказал: «Дай сотню жизней — принесу тебе их
в жертву,
В грудь вонзай ресницы-стрелы, врачевать недуг
не надо».

Говорит она: «Не стыдно меч тебе направить в сердце,
Призывать мои ресницы для таких услуг не надо».

Я сказал: «Разбито сердце, и с меня того довольно,
Добавлять жестокой речи ядовитый звук не надо».

Говорит она: «Влюбленным от меня не видеть счастья,
Им рассчитывать на верность в тяготах разлук не надо».

Я сказал ей: «Каждый вечер ты с соперниками кутишь,
Осуждать я их не стану, мне добра пьянчуг не надо».

Говорит: «Коль сил не стало выносить мою жестокость,
Уходи, а мне перечить, портя мне досуг, не надо».

Я сказал: «Уйти ты хочешь, преступив свои обеты?
Уходи, коли не стыдно, мне таких подруг не надо».

Говорит: «В душе таила я неверного Нихана;
Прочь! Теперь ты мне не нужен. Коль ты мне не друг —
не надо!»

Чуть тебя я увидал, несравненная моя,
Я тотчас же в плен попал, несравненная моя.

Проливаю реки слез, потерял совсем покой,
Я терпенье потерял, несравненная моя.

Не желала ты глядеть, как я горько слезы лью, —
На пути твоём я встал, несравненная моя.

В этом нет моей вины, не хотел попасть я в плен,
Так аллах мне указал, несравненная моя.

Будь же праведна и ты, пощади и успокой,
Чтобы меньше я страдал, несравненная моя.

Виночерпий, над любым власть свою вершит
любовь,
Не терзай того, кто пал, несравненная моя.

Не затем ли ты теперь на Нихана не глядишь,
Чтоб газели он слагал, несравненная моя?

1911

Под небосводом мир простерт немислимым базаром:
Там каждый со своей бедой, как продавец с товаром.

Там цены тяготам — низки, а на добро — высоки,
И смерть приносит в жертву всех своим коварным чарам.

Хоть с виду добр и скромн бек, а на подачки жаден:
Богатый ждет его в дверях, встречает щедрым даром.

А тот, кто с истиной в ладах, — в слезах, бедою сломлен,
Его одежда так ветха, что не возьмешь задаром.

Быть может, в море правых дел мой кубок не потонет.
Наверно, в море тайна есть, что неподвластна карам!

Любого за упорство ждет жемчужина в награду, —
И бесталанного любовь своим одарит жаром.

Не будь беспечным — мук своих не открывай и другу:
Ведь бывший друг из всех врагов бывает самым ярим!

У мудрых в каждом слове есть решенье многих истин —
Советам мудрецов внимай, чтоб не пропали даром!

И если люди упрекнут тебя, Нихан, — не бойся:
Укор полезен всем, кто смел, — и молодым и старым!

9

О боже, пусть никто, как я, своей любимой не лишится!
 Пусть будет всем дано любви невозвратимой
не лишиться!

Да не спознается никто с бедой несбывшихся желаний
 И роз, как смолкший соловей, с ветвей гонимый,
не лишиться!

Пусть будет каждому дано не знать в любви жестокой
доли,
 И той, чья поступь так легка, — неповторимой,
не лишиться!

Да не томится так никто, как я — совой среди
развалин, —
 Пусть он жемчужины своей, в душе хранимой,
не лишиться!

Кто поражен стрелою в грудь и ждет неотвратимой
смерти,
 Пускай он жизни, как олень, стрелой разимый,
не лишится.

Да будет всем, кто истомлен, дано хотя бы
в сновиденьях
 Красы и сладостных речей своей любимой не лишиться!

А если мне пощады нет, стеная, к небу я взываю:
Пусть красоты своей цветок, врагом растимый,
не лишится!

Найдется ль меж людей смельчак — мечом пресечь мои
страдания?
Ведь мог бы милости Нихан, творцом даримой,
не лишиться!

1911

Не цветут в садах цветы до начала вешних дней,
Не сгорают мотыльки, если рядом нет огней.

Опозорился Меджнун, но достиг своей Лейли.
Не лишился бы ума — только грезил бы о ней.

Зря бы твердь крушил Фархад, кабы нежная Ширин
Не пошла его искать меж утесов и камней.

Так бы, плача, и лежал на земле ничком Вамык,
Кабы Азру не узрел и глаза не поднял к ней.

Никому не внял Тахир, слова молвить не хотел
До поры, пока Зухра не рекла: «Приди скорей!»

И вовеки Зулейхе не достался бы Юсуф,
Не ходи она за ним, жизни не щадя своей.

Никогда морям любви любящих не захлестнуть,
Коль возлюбленная вдруг не захочет стать нежней.

И мгновения прожить не сумеет Нихани,
С губ медовых не вкусив каплю сладости твоей.

Едва узрел я, как прошла ты одна,
Навек рассудок отняла ты одна.
Печаль на сердце навела ты одна,
Спалила душу мне дотла ты одна.

О ты, отнявшая у сердца покой,
Доселе мир не видел пери такой.
Не быть подобной вовек в толпе людской,
Так хороша и так мила ты одна!

Ты, право, краше и солнца и луны,
Тобой павлины любоваться должны,
И попугаи тобой посрамлены,
За стан сто жизней бы взяла ты одна.

Тебе к лицу наряды, пудра и хна,
Не зря ты в бархат и в шелк облачена,
Твоим рабам ты поистине страшна,
Из глаз их ливни пролила ты одна.

Чего не вымолвит влюбленный глупец!
Не скроет сплетня близость наших сердец.
Так не стыди же Нихана наконец,
Ему ведь душу извела ты одна!

1911

Я подобен мотыльку и огнем любви спален,
Под мечом я пролил кровь, ибо в жертву принесен.

Мне покоя нет совсем, я рыдаю день и ночь,
Весь свой век томлюсь в тоске — я с любимой разлучен.

Лишь в пустыне, как Меджнун, я пристанище сыскал —
Это всё из-за того, что молвою осужден.

Счастье светлое мое обратилось черным злом,
Ибо ревностью своей я без меры уязвлен.

Первым встречным изолью по тебе мою тоску —
Где лекарство взять от мук? — Я растерян и смятен.

Как солома стал я желт от жестокости твоей,
Обратилось сердце в прах — до того я сокрушен.

Мой совсем согнулся стан — тяжек груз моих невзгод,
Притерпелся я к тому, что на муки обречен.

1911

О ветер! Мечты мои вихрем завей,
Привет передай розоликой моей.

Твой лик увидав, я лишился ума:
Поймала судьба — не уйти из сетей!

Дым стонов моих поднялся к небесам,
И ангелы в вихре помчались быстрей.

Рыдаю в разлуке, вся печень горит —
К несчастному нет сострадания у ней.

Какая беда приключилась со мной:
Я — пленник печалей, нет доли трудней!

О, как ты сурова и сердцем тверда!
Не тронуть души мне жестокой твоей.

Кровавою пыткой влюбленных гнетет —
Привычно ей мучить безвинных людей!

Любовною мукой терзает меня,
Вниманьем обласкан соперник-злодей.

К несчастным у ней милосердия нет,
А недругов нежностью тешит своей!

Как жить с этой мукой? Что будет со мной?
Ужель не увидеть мне черных очей?

Как сетовал горько, как клялся Нихан, —
Аллах, о печалях его порадей!

1911

Сколь моя печальна доля, до чего она худая!
 Рвут сызмальства печень в клочья — стражду, кровью
 истекая.

Намытарившись по свету, я узнал удел сиротский,
 Ко всему теперь вдобавок завелась любовь шальная.

Ты лицо свое открыла, косами маня своими,
 И мое пленила сердце, по земле едва ступая.

«Нет в ней верности, напрасно на нее потратишь сердце,
 Не терзайся!» — мне твердили, сокрушенно попрекая.

Я сказал: «Не надо, люди, донимать меня враждою,
 Я влюбленным сердцем верю, что верна мне дорогая».

Я любил ее всем сердцем, был покорен ей и предан,
 Но пред ней что друг, что недруг — речь любви лишь
 блажь пустая.

Наконец, обет нарушив, ты любовь мою отвергла,
 Нынче ты ушла к другому, мне пощады не давая.

Как в глаза глядеть мне людям? Опозорен я навеки.
 Буду сотни лет стараться — не вернется честь былая.

Отчего же мне ни разу виду ты не подавала?
 Чтó в груди своей таила ты, измену замышляя?

Не нашлось у ней участия! Луноликая резвится,
Униженья и обиды мне в избытке насылая.

Ни мгновенья не колеблясь, мучишь ты того, кто молча
Пред тобой, сражен любовью, распластался, умирая.

Не боишься, видно, бога ты, палач с манящим взором,
И казнит твоя жестокость, всё сильнее прибывая.

Если жизни мне не стало на земле моей родимой,
То тернистая пустыня мне милей родного края.

Что я сделал, в чем виновен, ты за что меня терзаешь?
Не могу того постигнуть, дни и ночи размышляя.

От жестокостей несчетных всё терпенье истощилось,
Я желаю только смерти, мне постыла жизнь такая.

Мой соперник зло посеял, сбил тебя с прямой дороги —
Что ж ты сердцем отвернулась от меня, ему внимая?

Как могла ты отвернуться от меня лицом и сердцем
И потоки слез кровавых созерцать не сострадая?

Что же делать, коль сочла ты, что страдаю по заслугам?
Нет иного мне исхода, кроме как терпеть, стеная.

Я виновен тем, что беден, — не досталось мне богатства,
Бедным нет к тебе дороги, но открыта дверь для бая.

От меня уходят силы, и надежды не осталось,
Я тебя, мое мученье, богу поручил, рыдая.

Как Меджнун, остаток жизни проведу и я в пустыне,
Ты же будь всегда беспечна, здесь вкусив блаженство
рая.

Если спросят про Нихана, отвечай без колебанья:
«Он давно почил, несчастный, от любви ко мне сгорая!»

Изнемог ты от горя, но верь: дорогая придет!
 Лунным ликом сияя, глазами сверкая, придет.

Насурмит свои очи, наденет багровый наряд,
 Жертв готовя к закланью, кинжалом играя, придет.

Раз сказала когда-то: «Нет страсти вернее твоей»,
 Правде слов этих веря, из дальнего края придет!

Чашу влаги живящей подарит она бедняку,
 Что томится в разлуке, от страсти сгорая, — придет!

И за муки в награду, жестокости прежней стыдись,
 К ночи гостем желанным, посланницей рая придет.

Пусть хотя бы проведать — осталась ли в сердце
 Пусть хотя бы притворно обманщица злая придет!^{любовь,}

Истомленную душу ковром постели, Нихани, —
 Явит шахскую милость твоя дорогая — придет!

1911

Луноликая моя, поскорее приходи.
О загубленном навек сожалея, приходи.

Бедняку из бедняков ты надежду подала —
Чтобы дух его поднять, не робея приходи.

Я смеюсь, я жизни рад, и кружится голова,
Отошла моя печаль, будь смелее, приходи.

Ты на все мои грехи не прогневалась ничуть,
И стократ я повторю: «Сердце грея, приходи!»

Я, пылая от любви, слишком дерзок был в стихах.
Коль не помнишь ты обид — не краснея, приходи.

Пусть судьба тебя щадит, и нужда тебя не ест,
Да спасет тебя аллах от злодея, приходи.

Что тебе бы подарить? У меня есть лишь душа.
Не гнушаясь нищетой, стань добрее — приходи!

1911

О луноликая моя, кому подобной в мире нет,
Сыщу ль подобную в раю, чтоб так же застила мне свет?

К твоей ревнуя красоте, не в силах горе превозмочь,
Среди пустынь и диких гор сокрыл тюльпан свой алый
цвет.

Ты начинаешь говорить, улыбкой ласковой лучась,
И попугая сладкий глас не так хорош, как твой привет.

Кто не пленился бы тобой, когда ты плавно, как павлин,
Ступаешь в цветнике средь роз, глядящих с завистью
вослед?

Ведь ради этих алых губ, подобных алому вину,
Исходит кровью соловей, едва лишь занялся рассвет.

Увидев блеск твоих зубов, поспешно скрылись жемчуга,
Не выйти им из вод морских — на то смущеньем дан
запрет.

Коль от огня любви к тебе хотя бы искра упадет,
То всё спалит вокруг себя и уничтожит жизни след!

Ты покрывала не снимай, о покорительница душ,
Чтоб красотой не посрамить тебе ни солнца, ни планет.

А если б дерзкий ветерок вдруг покрывало снял с лица,
Рассорясь, гурии в раю наслали б на тебя навет.

Мирской чурайся суеты: когда узрят твою красу
И правоверный и гяур — начнутся распри прежних лет.

Ты лишь Нихана одного в своих объятиях укрой,
Дабы рабу твоей красы честь воздавал весь белый свет.

1911

Ввергнуть любящего в горе — разве можно так?
Насылать на сердце хвори — разве можно так?

Кто учил тебя, не знаю, яростным словам?
Избегать свиданья в ссоре — разве можно так?

Обессиленное сердце гибнет от любви.
Сыпать яд, страданьям вторя, — разве можно так?

Ты на тех, кто пали духом от твоей красы,
Смотришь с гордостью во взоре — разве можно так?

Не пылает разве пламя горестной любви?
Ты огня прибавишь море! Разве можно так?

Вот ведь в чем моя провинность — беден я совсем!
Я за то погибну вскоре — разве можно так?

Подобает ли с безумцем беспощадной быть?
Тих твой взор, но с ним ты в споре, — разве можно
так?

Погубила ты Нихана, принесла ему
Столько бед, что застыт зори! Разве можно так?

1911

При тебе я — как луна, и пригожим вроде стал,
Хоть безумцем меж людьми жить негожим вроде стал,

Ты безжалостна ко мне: я с несчастным мотыльком,
Полетевшим на огонь, ныне схожим вроде стал.

Жги меня хоть сотню лет, стану лишь благодарить,
Я золою — мы ведь врозь жить не можем! — вроде
стал.

Если муки ты нашлешь, я ничуть не утрашусь,
Что навеки разлучен с миром божьим вроде стал.

Счастлив я, коль ты ногой тронешь голову мою,
Рад я, что для милых ног я подножьем вроде стал.

Раз не спрашиваешь ты, чем я жив, — казни меня,
Для тебя я стал чужим, лишь прохожим вроде стал.

Увидав твое лицо, разум потерял Нихан,
Снова в дом своей любви ныне вхожим вроде стал!

1912

Коль ранишь сердце — болью ран не упрекай меня.
Когда от мук я словно пьян, не упрекай меня.

Не жаждай крови слез моих и сжался надо мной,
Раз яд дала, то за дурман не упрекай меня.

Нет, не стрелою я сражен, а пиками ресниц, —
За то, что полон твой колчан, не упрекай меня.

О луноликая, взгляни на преданность мою!
Что мне Меджнуна жребий дан, — не упрекай меня.

Перед соперником моим меня не опорочь, .
Что я терзаньем обуян, — не упрекай меня.

Я — гость в стране твоей души, — не прогоняй, прими!
Что я чужак из дальних стран — не упрекай меня.

Не надо так корить меня, с издевкой не гляди, 1
Не говори, что плох Нихан, не упрекай меня!

1912

Твою жестокость за каприз никто принять не может,
 Моих соперников одних она пугать не может.

Пусть отречется от любви красавица стократно,
 Но коль честна ее душа — свой нрав менять не может.

Хоть редко милость богачей на бедняков нисходит,
 Но правду пишущий, хоть нищ, — он голодать не может.

Пред тем, как к делу приступить, подумать нужно
крепко:
 Сосуд, разбитый на куски, никто собрать не может.

Ты ждешь весны, зеленых трав — так запасись
терпением:
 Ведь до конца зимы никто весны нам дать не может.

За что счастливый ни возмись — большое выйдет дело,
 К чему несчастный ни тянись — рука достать не может.

Ловцов премудрость, Нихани, послужит пусть примером:
 Как ни учен бродячий пес — он гончей стать не может.

1912

Красавица! Страстью объят, о как по тебе я тоскую!
 Все дни, как в ветвях соловей, рыдая и млея, тоскую.

Как много томительных дней прошло без свиданий,
 Сдружился я с тысячью мук, в жестокой беде я тоскую.
о пери,

Кумир мой! Вовеки никто, как я, не страдал
 Всё тело огнем занялось, душой пламенея, тоскую.
от разлуки,

Бескрайни страданья мои, меня обрекла ты на муки,
 Безумный, брожу я один, гонимый везде, я тоскую.

Прийти б луноликой ко мне, к мученьям моим сострадаю!
 Ты несколько дней не придешь — и я всё сильнее
тоскую.

«Любовь твоя скоро придет», — едва лишь мне кто-либо
скажет —
 Я вьюсь вокруг него мотыльком, в надежде робея, тоскую.

Как вспомню, что ты далеко, что я, бесприютный,
 Кровь к горлу подступит комком, и я всё мрачнее
покинут,
 тоскую.

Я спрашивал всех о тебе, по улицам дальним скитался,
Молва осудила меня — погрязнув в стыде, я тоскую.

Но вот ты к Нихану пришла, и душу наполнила радость!
Надежду — быть жертвой твоей всем сердцем лелея,
тоскую.

1912

О пленительная! Страстью я томлюсь до рассвета,
 Как Меджнун, желаний жаром опалюсь я до рассвета!

Напролет все дни терзаюсь и лежу ничком, распластан,
 Из очей моих раскрытых слезы льются до рассвета.

А бессонными ночами облик твой встает пред взором,
 Сотни раз на ложе слезном повернусь я до рассвета!

Если в чудном сновиденье промелькнет твой стан
воздушный,
 В тот же миг из царства спящих удалюсь я до рассвета.

С той поры, как потерял я свой покой и сердце отдал,
 Нет ночами мне терпенья — сломлен грустью
до рассвета.

О хотя бы на мгновенье от тоски освободиться!
 Осужденным на страданья остаюсь я до рассвета.

Где бы люди ни собрались, обо мне лишь разговоры,
 Вкруг меня с тобою, пери, сплетни вьются до рассвета!

Ой, Нихан, не ты ли вечно на чужой приходишь
праздник?
 О, когда ж свиданьем с милой утомлюсь я до рассвета!

1912

В море слез я тону — твой огонь не пугает меня,
Гнет и гнев твой терплю, даже он одаряет меня.

Всё несчастье мое — в поношеньях соперников злых,
Твой отравленный меч злобно так не пронзает меня.

Днем и ночью ищу — как достигнуть свиданья с тобой,
Но соперников месть, как судьба, настигает меня.

Не хожу я в мечеть, и меня проклинаят ханжи, —
Пусть, как верности знак, пояс твой отмечает меня.

Брови милой — михраб, только им я молюсь от души,
Шейха сладкая речь в сеть свою не поймает меня.

Что б ни случилось со мной, отдаю тебе сердце свое:
Хоть взгляни на него — этот взгляд окрыляет меня.

Если был бы Нихан удостоен свиданьем хоть раз!
С той поры, как влюблен, даже рай не прельщает меня.

1913

Что стряслось? Я с красотою, мной ценимой, разлучен,
 Полюбившая с влюбленным, друг с любимой разлучен!

Роза алая с шипами, и с Юсуфом Зулейха,
 Соловей с цветущим садом, прочь гонимый, разлучен.

Да не будет мне подобных в тяжелой участи моей,
 И никто пускай не будет с несравнимой разлучен!

Одиночество, рыданье, — с кем поделишься бедой,
 Если я с моей звездой негасимой разлучен!

Небо горе мне наслало, да падет небесный свод! —
 С сладкогласным попугаем сад родимый разлучен.

Лишь когда сойду в могилу, породнюсь с сырой землей,
 Буду я с пустыней горя нестерпимой разлучен.

Страшно мне, что, натерпевшись в пламени любви,
Нихан,
 В смертный час я буду с верой, мною чтимой, разлучен!

1913

Не говори, что для людей во всем нужна корысть,
То — участь грубого скота, удел лгуна — корысть.

Заслон добру и красоте, погибель славных дел,
Смиренью — недруг, вере — враг, всему вина — корысть.

Убийца чести и стыда, проклятье и позор,
Причина тягот и невзгод, с бедой дружна корысть.

В ловушку муха попадет — ее прихлопнут там, —
Смертельной карой за грехи воздаст сполна корысть.

Когда достойный продал честь, стал подлому рабом,
То значит: на него легло клеймо пятна — корысть.

А сколько славных храбрецов спозналось с нищетой!
Повесить за плечи суму обречена корысть.

Ногами попан, словно сор, унижен будет люд:
Когда страною правит зло, всему цена — корысть!

Голодным будешь — всё равно не жадничай, Нихан!
Печать порока, божий гнев, сосуд без дна — корысть!

1913

Если хочешь, чтобы в сердце был не мрак, а яркий свет,
Дружбы с мудрыми не бойся, не чуждайся их бесед.

Сил не тратя понапрасну, пустословьем не греши,
Если храбр ты — вырви душу из оков пустых сует.

Помни, в чем залог смиренья: делай благо для людей,
А зовешься справедливым — не живи другим во вред.

Если цель твоя — быть добрым, к добронравию стремись,
И тебе в награду благо даст и тот и этот свет.

Никого нет в этом мире, кто бы бедствий не терпел,
И тебе, Нихан, пред богом в судный день держать ответ.

1913

Не кляни меня, отшельник, что пылать огнем я стал,
Из-за пери луноликой пропадать живьем я стал.

Всё нутро, как косы милой, гребень горестей дерет,
Становлюсь при жизни прахом, слезы лить ручьем я
стал.

Я, бывало, умоляя, припаду к ее ногам, —
Всё напрасно, нет ответа, — и слабость умом я стал.

Ах, душа полна отравы, много в сердце скорбных ран,
Жар любви проник мне в слезы — огненным ключом я
стал.

Умоляя о свиданье, горько плачу я в саду,
Пленником своей печали, страстным соловьем я стал.

Ослабел от горя разум, я с собою не в ладу,
Для людей вторым Меджнуном всем своим житьем я
стал.

Сердцу ночью нет покоя, всё я думаю о ней,
Грудь укрыта от кинжала, но жалеть о том я стал.

Скрыть не мог своей печали вечно скрытный Нихани, —
Будь что будет, пусть бы даже у нее рабом я стал!

1913

Коль хочешь знать, как я живу, о дорогая, поспеши,
Мой дух в безмерную печаль не повергая, поспеши.

Моя душа который год лишь ожиданием живет, —
Утешить в горести меня, мольбе внимая, поспеши.

Я, не узрев тебя, умру — и не исполнится мечта,
Смотри, спасет меня от мук судьбина злая, — поспеши.

В обитель горестей моих внеси светильник красоты,
Туда, где стыл разлуки мрак, звездой сияя, поспеши.

Совсем я нищ, но и тебе богатство нынче ни к чему —
Ведь рад я жить, к твоим стопам всю жизнь слагая, —
поспеши.

От злых соперников сокрыт средь ночи скрытней Нихани.
Что обещала — исполняй, не отлагая! Поспеши!

1913

Мчись, о ветер, к луноликой, пусть вспомянет про меня,
Пусть придет хоть раз, печали из души моей гоня.

Сердце сжалось от страданий, я в темнице бед и мук, —
Пусть раба спасет царица, озарив сияньем дня!

Вся душа горит от горя, слезы хлынули дождем, —
Одари меня свиданьем, милосердие храня!

Если ты, меня измучив, хочешь до смерти сгубить,
Пусть убьет меня не сабля — взор твой искрами огня!

Посмотри, как я терзаюсь, на несчастного взгляни,
Смилуйся — разве мой пепел, за любовь мою казня!

Будешь счастлива — и люди за меня не укорят,
Но и в горе не помогут ни чужие, ни родня!

Нет упреков у Нихана, только раз приди взглянуть,
А потом пируй с любимым, неудачников дразня!

1913

Пусть никто о пери милой не скорбит наедине
И как горлинка не стонет в предрассветной тишине.

Я лежу теперь во прахе, наглотавшись горьких слез,
Да не течь им кровью черной, стоит слово молвить мне.

Я от боли извиваюсь, я рыдаю день и ночь, —
Пусть никто со мной, несчастным, не страдает наравне!

Я кричу, я надрываюсь, как ужаленный змеей,
Никому пусть не случится выпить яд в своем вине!

Никому пускай всевышний не пошлет такой любви,
Чтобы людям свой рассудок не спалить в ее огне!

Жжет любовь, терзает горе, мучит ревность сверх того,
Никому пусть не случится этак мучиться втройне.

Адский пламень — тишь и благость рядом с пламенем
любови.
Коль не так — не мусульманин, возвестивший это мне!

Нету сил с тобой в разлуке мне сносить свою любовь,
Лишь бы длилась жизнь любимой — пусть я стыну
в вечном сне!

Повидать ее хоть мельком — и погибнуть рад Нихан,
И не жаль, что не случилось с милой быть наедине!

1913

Во тьме измен завеса слез в глазах когда появится,
О сердце, верь: взойдет заря — твоя звезда появится!

Не будь беспечным: чувств своих не одолей гордынею,
Бывает — добрый день пройдет, и вдруг страда появится.

Не извиняй и малый грех, дав волю беззаботности:
От малой искры и пожар ведь иногда появится.

Упорным будь и верь в успех, простишь
с нетерпеливостью.
О капля, в раковине зрей, и жемчуг да появится!

Да вскормит ветвь твоих надежд родник водою истины,
И верь, что поросль, зелена и молода, появится.

Бесцельна жизнь, как у святош, в силках корыстолюбия,
Ступай с гуляками кутить, и цель тогда появится.

Собою жертвуй, никого не наделяй обидами,
Забудешь бога — сгубишь мед, и яд стыда появится.

Когда другим совет даешь — прожить по справедливости,
Пусть будет прям твой путь, Нихан, не то беда
появится!

1913

Солнцеликая! Мир земной, покрывало сняв, озари,
Всё живое в своих лучах, как в сиянье дня, раствори.

Ослепила мои глаза горечь слез в разлуке с тобой,
Поскорее для них бальзам из целебных трав сотвори.

О, зачем же так зло терзать бесприютного сироту?
Доброта — богатство твое. Хоть крупицу мне подари.

О беде моей расспросить, сострадая, пришла б хоть
Неужели мне ночь без сна проводить в слезах до зари?
раз, —

Что ни ночь, мой соперник злой жаром страсти твоей
Где спастись мне? — Рассвета жду, распростерт у твоей
согрет.
двери.

Не довольно ль огня любви? Сердце ревностью не терзай,
К жгучим ранам больной души милосердье твое прости.

Если ж ты избавленья ждешь от несчастного Нихани,
Порази меня в грудь мечом, алой кровью сталь обагри!

1913

Раскрой глаза, взгляни на мир — везде своя работа есть,
У нелюдей и у людей — у всех своя забота есть.

Дыханьем каждым дорожи и время попусту не трать,
Пройдет весна — ты лета ждешь, но зимняя дремота есть!

Отшельник выбрал свой удел, он предпочел его иным,
Другому в душу ты не лезь — свое ведь в каждом что-то
есть.

На свете есть не ты один, — нам заповедали отцы,
И чтобы выйти в дольний мир, у всех свои ворота есть!

Любого, кто не схож с тобой, ты наперед не порицай,
Пойми, у каждого свой нрав и прихоти без счета есть.

С любовью рядом — как бальзам, всё скопище мирских
скорбей,
В любви спасенья нет, в беде — хоть голос доброхота
есть.

Коль станут счастливы в любви все те, кто ведает
любовь,
То солнце каждому зажечь у Нихани охота есть!

1913

Мнится мне, на зло обмана та, что я люблю, похожа,
На коварный рок измены, на беду мою похожа.

Лишь откроет покрывало, и оно на злые сети,
Что кладут предел бесславный моему житью, похоже!

Обо мне не спросишь даже, всё во мне — сплошная рана.
Ты на хитрую и злоую, я не утаю, похожа.

Милосердия не дарят мне глаза твои — нарциссы;
На убийцу ты — ресницы ведь сродни копьё — похожа!

Нет! Сама ты не жестока и меня терзать не станешь, —
То соперники внушают злобу всю твою, похоже.

Может быть, ей юный возраст оценить любовь мешает
Иль она на ту, чью скромность я не сознаю, похожа?

Ты, Нихан, напрасно дружбы так упорно домогался:
Ей внимать уж надоело твоему нытью, похоже!

1913

Как сердцем измучен я, взглянуть только раз пришла бы!
 Чадру, что скрывает лик, откинув от глаз, пришла бы!

Украшив глаза сурьмой, на плечи спустивши косы,
 Влюбленным гибнуть от ссор давая наказ, пришла бы!

Играя нежной рукой и так изящно ступая,
 Чтоб томный павлиний взор от зависти гас, пришла бы!

Соперников кровь пролей — твой путь, как цветник,
зардеет.
 И пусть никого твой взор от смерти б не спас, —
пришла бы!

Жемчужины слов слетят с чарующих губ-бутонов —
 Пред ними и попугай умолкнет тотчас! — Пришла бы!

Я болен уж много дней — недугом сражен в разлуке.
 О пери! Пока я жив, пока не угас, пришла бы!

Стыдишься Нихана ты, зовешь его жалким нищим, —
 Он золото жизни дать готов хоть сейчас, — пришла бы!

1913

Мир — зиндан для тех, кто выпил чашу мудрости до дна:
Каждый миг отравлен скорбью, и печалью жизнь полна.

Пусть на дереве ворона хрипло прокричит сто раз,
Всё равно вороний голос восхитить не может нас.

Но, пленившись звонкой трелью, держат в клетке
Соловей сладкоголосый, каждому судьба своя!^{соловья, —}

Встречного приняв за друга, тайн своих не выдавай:
Если вдруг беда случится, он обманет, так и знай.

Дружбу подлеца отвергни, в этой дружбе чести нет.
Тот, кто слеп, не видит солнца и не ценит самоцвет.

Не по праздничным одеждам мудрых в мире узнают.
Для души обитель — тело, сердце — истины приют.

Будь твой враг ничтожней мошки — берегись беду
Помни: может мир огромный искра малая зажечь.^{навлечь,}

Смысла нет в речах невежды, нет добра в его словах.
Сердце черное тюльпана скрыто в алых лепестках.

Сил не трать, Нихан! Невежду не исправишь всё равно,
Ведь ему величье мира видеть небом не дано!

1913

Безутешно-горьких стонов разве не слыхала ты?
Или слез моих кровавых видишь ныне мало ты?

Лишь соперникам свиданье дарит твой лучистый свет,
Ну а я горю от боли — эту боль наслала ты!

Раны в печени увидишь — горестной разлуки след,
Коль вонзишь мне в грудь ресницы острием кинжала ты.

Спору нет, расцвел бы камень от моих обильных слез,
Но досель явить участие к ним не пожелала ты.

У тебя — беспечной птахи — было б в день по сотне
жертв,
Кабы только жертву жизни сердцем награждала ты!

Я сказал: «Сколь ты жестока, ядовита, неверна!»
«Ты всего еще не знаешь», — мне в ответ сказала ты.

Я сказал: «А что же будет, коли милость ты пошлешь?»
«То, что есть, считай за милость», — гордо отвечала ты.

Я сказал: «Рази же насмерть и избавься от меня»,
На меня, однако, стрелы расточать не стала ты.

Обхватив главу руками, прочь отправится Нихан,
Если злой его печали даже не внимала ты.

1913

Кос волнистых запах пряный мне сумбуль степной
напомнил,
 И цветник пыланьем ярким о тебе весной напомнил.

Пред тобою даже солнце и луна в смущенье меркнут,
 Мне твой алый рот, о пери, розу красотой напомнил.

Попугай сладкоречивый в клетке щебетал и прыгал,
 Он тебя мне очень ясно милой болтовней напомнил.

Родинка на белой шее, как султанша, горделива...
 Вот цветник, где ты гуляла, — он мне рай земной
напомнил.

Пава шла в саду весеннем — так мила, нетороплива, —
 Мне ее прелестный облик о тебе тоской напомнил.

Все, кого я только вижу, чахнут от любви жестокой,
 Может быть, об этих муках я своей судьбой напомнил?

Ты пируешь в окруженье воздыхателей счастливых —
 Про сердечную обиду мне ваш пир ночной напомнил.

Не приходишь ты к Нихану, осторожная и злая!
 О судьба! Про эти муки кто бы пери той напомнил?

1913

О сердце, друга по себе, весь мир пройдя, сыскать
 И спутника, чтоб верным был, найти себе под стать
 сумей,
 сумей!

Пока мертвящий иней лет тебе не выбелил усов,
 Цветущий сад земных утех со всех сторон познать
 сумей.

Нет сердца, чуждого любви, подругу в мире отыщи,
 Найти в ней взору — красоту, а сердцу — благодать
 сумей!

В ком чувства спят, тебе — не друг; ты птицу сердца
 не неволь,
 Над лугом страсти в сотый раз ее в полет пускать
 сумей.

Святош лукавых сторонись, ищи друзей среди гуляк,
 Служи им с верностью — их тайн нести благую кладь
 сумей.

Не пьющему нектар любви вовек наперсником не будь,
 Ступай за кравчим в кабачок, веселье отыскать сумей.

И, хочешь или нет, Нихан, удел для всех — покинуть
 мир:
 Что ни свершишь, а славных дел оставить всем печать
 сумей!

В непроглядной этой жизни светит месяц ясный где?
Где душа моя? Где сердце? Облик твой прекрасный
где?

Не твоя ль пустая прихоть мотылька в огне спалит?
Я один во мраке ночи, светоч мой алмазный где?

Нет покоя ранним птицам от моих горючих слез,
Где же, где он — час рассвета и луч солнца красный
где?

Дождь пройдет — и зеленеют благодатные луга,
Лью дожди из глаз: ты — свежесть зелени атласной —
где?

Здесь, в обители печали, ждать ли счастья хоть на миг?
Расцвели уста любимой радостью всечасной где?

О невежественный лекарь, не тебе меня лечить!
Ты беспомощен — излечат мой недуг ужасный где?

Здесь с лихвой вкусивший горя, ныне камень я грызу.
Где теперь надежды сердца? Час мой сладкогласный
где?

Оглянись, Нихан, и ты ведь будешь взят сырой землей.
Где друзья твои, где годы, твой порыв напрасный где?

1913

О виночерпий, ты вина влюбленному Меджнуну дай,
Дабы безумный не узрел свой день грядущий невзначай.

Я ради милой позабыл про всё, чем этот мир богат,
И для себя среди пустынь уединенный выбрал край.

Душе неведом был покой, вовек я счастья не видал,
Я только сеял и не знал, какой созреет урожай.

Никто не властен из людей свою могилу миновать,
И неизбежный смертный час встречает и бедняк и бай.

Приходят лепеты любви с весенней песней соловья,
А у зимы порядок свой — где знать ей, что для розы май!

Ты сам не ведаешь себя — раскрой же очи, Нихани!
К чему дела твои ведут, бесстрастным взором распознай.

1913

Людскому сердцу должно знать, что наполняет небосвод.
Доволен будь бегущим днем, не думай, что нас завтра
ждет.

Что ни свершится на земле, всё для людей один обман —
Где днесь Лукман, где Искандер, и Авиценна где живет?

Бесчестным душам никогда не стоит тайны открывать:
Едва раскроется бутон, листва тотчас же опадет!

Не проливай над розой слез и не рыдай, как соловей:
Цветущий сад в конце концов судьбина клеткой обернет!

Багряный, точно кровь, тюльпан недаром услаждает
взор,
И, значит, лучше промолчать, хоть кровь из печени
течет.

В свой срок из капелек дождя растут в скорлупках
жемчуга,
Но не подвинется скала, хоть ливень льет, хоть дождь
сечет!

Чураясь недостойных слов, избрал молчанье Нихани:
Посмотришь — вся в крови река, едва раскроет рыба
рот!

Пери есть, на бровь которой лук охотника похож.
Бесприютный и несчастный, быть ей парой я не гожд.

Всё внутри перегорело на огне моей любви,
И горячий дух кебаба застит нынче горло сплошь.

Кто в разлуке с ненаглядной боль терпел, как я, весь век?
Не сыскать нигде второго, чтобы был со мною схожд.

Кто свиданья с ней добьется на единый даже миг,
Если — чуть ее увидишь — неизбежной смерти ждешь?

На порог благословенный я к ней голову сложд
И от сердца ядовитый отводить не буду нож!

Я спросил: «А где же совесть, что аллахом нам дана?
Отчего ты так жестока? Что же нрав твой нехорош?»

Говорит она с улыбкой, наклоняясь к Нихани:
«Хочешь жить — простишься с любовью, жизнь отдай —
любовь найдешь!»

1913

Ты — сама красота, как у пери твой лик,
Описать тебя — нем и бессилён язык.

Стрелы глаз твоих — словно недремлющий страж,
А без них, верно б, мир от покоя отвык.

Но нектар твоих уст не вливал в меня жизнь,
В злых упреках иссяк их живящий родник.

В лук жестокой рукой она стрелы кладет,
Никому нет спасенья от жалящих пик!

Легкий стан ее с нежною пальмой сравню —
Где взять лучше сравненье? — Мой разум поник.

Прядь кудрей я хотел у нее попросить, —
Засмеялась: и этого ты б не достиг!

О, яви мне, творец, милосердьё твоё —
Как постигнуть её совершенства тайник?

Жар и пламя тех стонов, что жгут Нихани,
Даже сталь не могла бы стерпеть ни на миг!

1913

Безумец, жаждущий любви, всегда томим надеждою,
Достойная сказаний страсть живет одним — надеждою.

Весь день томится мотылек мечтой об искрах пламени,
Приходит ночь — и гибнет он, в огне палим надеждою.

В саду бутоны уст твоих манят и закрываются,
Но утро к страждущим придет и будет им надеждою!

Вовек влюбленных не страшил клинок твоей жестокости:
Ведь и в предвестье смерти мы дышать хотим надеждою!

Едва покинешь ты, Нихан, порог своей возлюбленной,
И обернется сто грехов врагам твоим надеждою!

1914

Говоря: «Таких красавиц в мире больше нет», —
 На себя такую ношу не взвали, мой свет, смотри,
 смотри!

Каждым волосом пленяешь ты влюбленные сердца,
 Хитро их порабощаешь, ловишь в сети бед, смотри!

В эти локоны умело ты запутываешь их,
 Не смущай людей напрасно, пусть не смотрят вслед, —
 смотри!

У тебя ресницы — стрелы, брови выгнуты, как лук,
 Не подмигивай так томно, слушай мой совет, смотри!

Эти губы — как бутоны, часто их не раскрывай —
 Соловья и попугая да минует вред, смотри!

Ты жемчужными зубами жемчугов не посрами —
 Не снижать на перлы цену мудрый дай обет, смотри!

То кокетством привлекая, то пуская нежность в ход,
 Птицу-горлицу не мучай, не сомни букет, смотри!

А с лица покров снимая, ты людей не убивай,
 Пусть они не погибают от твоих побед, смотри!

Тем, кто сердце обнажает пред твоею красотой,
Стрелы гнева и презренья ты не шли в ответ, смотри!

Ведь всегда влюбленный ранен, в неизбывной он тоске,
Добавлять не нужно горя, злых вести бесед, — смотри!

Хоть любовь сожгла Нихана, сокрушила навсегда,
На тебя же обернуться может твой навет, — смотри!

1914

Превыше шахской красота дана ее приметам,
Но столько прелести земной лишь ей дано при этом.

Нацелясь стрелами ресниц и брови выгнув луком,
Привычно поражать людей глазам, красой согретым.

Она прищуром властных глаз разит влюбленных
Ее лицо в венце кудрей красой сродни букетам. насмерть,

Сто тысяч бедствий источать в один лишь миг единый
Привычно зовам ее глаз, лукавым их обетам.

Она затмит и соловьев сладкоречивым пеньем:
Когда слова текут из уст, дано им быть шербетом.

Разъята печень на куски — они висят, как нити:
Ей любо гребнем их чесать, в нутро мое продетым!

Тебе в удел дано, Нихан, молить любви и счастья
И льнуть к возлюбленной своей всегда — зимой и летом!

1914

Быть верным вероломной — бесполезно,
Пылать к ней страстью томной — бесполезно.

В степи любви и мук бродить Меджнуном,
Скитаться, как бездомный, бесполезно.

Когда в любви не встретишь чувств ответных,
Жить страстью неумной бесполезно.

Когда к твоим страданиям равнодушны,
Влачить их груз яремный бесполезно.

Соперника, когда он лицемерит,
Встречать надеждой скромной бесполезно.

Хоть к горлу меч — молить о снисхожденье
Ту, что с душою темной, бесполезно.

Раскаиваться, что терпел жестокость,
Потом в тоске истомной бесполезно.

И если ты, Нихан, стремишься к правде,
Дружить с той вероломной бесполезно.

1914

Луноликие, как много вы несете нам тревог,
Сколько пыток и мучений жребий любящим предрек!
Вы подвергли сердце гнету, я от страсти изнемог.
Чернобровые, скажите, ну какой вам будет прок,
Если тысячи влюбленных рано кончат жизни срок?

Умираю я в разлуке, сердцу горя не унять.
Не увиделся с любимой, не успел ее обнять —
Мне соперники мешали о беде моей сказать.
Ты была добра со всеми, всех пускала на порог,
Лишь когда меня встречала — взгляд был холоден
и строг.

Обещала, говорила: «Не покину никогда...»,
А сама исчезла быстро — я не ведаю куда.
Я горю — не стать бы пеплом, извела меня беда.
Видно, с самого начала был твой замысел жесток, —
Обрекала на страданье, мне же было невдомек.

Не смогу я примириться, если милая уйдет;
Пред соперником склониться, если милая уйдет!
Ах, слезам горючим литься, если милая уйдет!
Не могу молитвы доброй вознести, всевышний бог,
И тогда печальным будет горьких дней моих итог!

О делах ее негожих я услышал от людей,
Эти люди не клеветают, не несут пустых вестей!

Значит, больше не смогу я никогда встречаться с ней!
Чья душа не огорчится, встретив подлость и порок?
Даже умных от ошибок бог, увы, не уберег!

На мольбы мои и вздохи, если я молить начну,
На хвалы и обещанья, если я хвалить начну,
На кровавые рыданья, если слезы лить начну, —
Не добиться мне ответа! Надо мной суровый рок —
Слова милая не держит, я скитаюсь, одиночек.

Что же делать, если нету на главе моей венца?
Если пошлины-поборы возрастают без конца?
Где бедняк отыщет выход? — Нет, взгляни, на нем лица.
С дорогóй не разлучайте, чем я гнев судьбы навлек?
Как в соперниках спесивых радость злобную зажег?

Раб безвестный и печальный, нелюбимый Нихани,
Вас дарящий звонкой славой нелюдимый Нихани,
Пишет песни, пишет сказки одержимый Нихани.
Старики твердят, что в саже тот измазаться не мог,
Кто к котлу не приближаться мудрый дал себе зарок!

1914

Стрелой любви я был пронзен твоей рукою,
 Горячей кровью обагрён — твоей рукою.
 Я обречен на боль, на стон — твоей рукою,
 Повергнут в прах, сметен, сожжен — твоей рукою,
 Твоим бездушьем я сражен, твоей рукою.

Ты мне оставила в удел одни печали,
 С тех пор страдания одни меня встречали.
 В тревоге дни свои влачу, живу в опале,
 Меня давно глаза твои не замечали,
 Соперник гостем в дом введен твоей рукою!

Будь снисходительна, пойми мои страданья,
 Меня молчаньем не томи, услышь рыданья.
 Тебе, неверной, — крик души, ее стенанья,
 О, сжался, горечь заглуши, назначь свиданье, —
 Смотри — в шафран я превращен твоей рукою!

О лунолика! С тобой страшна разлука,
 Я потерял давно покой, — сплошная мука
 Слать к небу вздох печальный свой, страдать
без звука.
 Твой смех веселый на пирах тому порука,
 Что счастья я навек лишен твоей рукою!

Ты обесчестила меня, в твоей я власти,
 Мне не избавиться никак от жгучей страсти,

Ты сердце бедное мое рвала на части,
Я погибал, но не слышал я слов участия,
А мой соперник вознесен твоей рукою!

Твоя душа со мною — врозь, а с ним — одина.
Ах, нежность, грация твоя — как у павлина.
Сладкоречива ты была, всех бед причина,
Ты за грехи меня кляла — я пал безвинно;
От встреч с тобой я отрешен твоей рукою!

В плену томится Нихани, покрыт позором,
Красивым сдался он словам, фальшивым взорам.
На лик, прекрасный, как луна, глядит с укором,
Твоим поверил он словам, посулам скорым —
Мир в ложь пустую превращен твоей рукою!

1914

Шел я как-то по дороге и девицу повстречал,
 Были очи — как блеснувший в тьме судьбы моей кинжал.
 Луноликую увидев, я от страсти задрожал
 И об этом драгоценной тихим голосом сказал.

Я сказал: «Пусть жертвой ляжет пред тобой моя душа,
 Повелительница мира, до чего ты хороша!
 Пленник твой, в слезах кровавых созерцаю не дыша...
 Над поверженным ты сжался, о тебе лишь я мечтал!»

Мне, смеясь, она сказала: «Не слоняйся, глуп не будь,
 Ты рыдаешь понапрасну, не терзайся, глуп не будь.
 Приглянись мне, бродяга, не пытайся, глуп не будь, —
 Разве нищему скитальцу бог меня предназначал?»

Я сказал: «А если стану я рыдать, то, может быть,
 Если душу пожелаю я отдать, то, может быть,
 Если сам себя сумею я продать, то, может быть,
 Заслужить смогу улыбку той, что выше всех похвал?»

Мне в ответ она сказала: «Не добьешься ты того,
 Даже шахский трон во прахе милосердья моего.
 Тысяч сто имей жемчужин — ты не справишь торжество,
 Прядь волос моих не купишь — слишком выкуп будет
 мал!»

Я сказал: «Когда впервые твой увидел чудный лик —
Занялось любовью сердце, стал беспомощен язык,
Долгий стон моих молений неба ясного достиг,
„Будь, о небо, милосердно!“ — я в отчаянье взывал».

И тогда она сказала: «О рыдающий, ответь,
Как в красавицу такую ты влюбиться мог посметь?
Я стройна и черноброва — нелегко тебе смотреть?
Ты таких сладкоречивых, верно, в жизни не встречал?»

Я сказал: «Конец терпенью, я от страсти изнемог,
Потерял внезапно разум, у твоих простерся ног.
Если ты меня не слышишь, пусть мой стон услышит бог,
Он, быть может, не позволит, чтоб в мученьях я сгорал!»

Мне в ответ она: «Рыдаешь? — Не великая печаль,
Если в муках ты сгораешь, мне совсем тебя не жаль!
Можешь даже обезуметь — я уйду спокойно вдаль,
А умрешь — я не заплачу, пусть бы вовсе ты пропал!»

Я сказал: «Скитальца сердце не круши, тебя молю!
Если даже всех пророков за себя просить пошлю,
Их воспользуюсь словами — я ведь так тебя люблю, —
Неужели и тогда бы я напрасно изнывал?»

Говорит она: «Уж раз ты преградить сумел мне путь,
Я объятия раскрою — хоть однажды счастлив будь!
Умирать тебе не надо, пусть вольтется радость в грудь,
Ты сочувствия достоин, если столько ты страдал...»

Для свершения желаний много надобно иметь,
Золотых монет и тканей много надобно иметь,
И коней резвее ланей — много надобно иметь,
И одежду, и верблюдов, — где б ты это всё достал?»

Я сказал: «Ого! Спасибо за любовь — да будет так!
Видно, мне уж не встречаться с милой вновь — да будет
так!

Женихов тебе богатых, пей их кровь! Да будет так!
Мне же хватит приключений, я от них уже устал».

Засмеялась, словно дверью громко хлопнула. Стоял
Нихани и вслед смотрел ей, долгим взглядом
провожал.
«За меня, за горемыку, не пойдет...» — он понимал,
Извинился за ошибку, по дороге зашагал.

1914

54. НАУКУ ПОСТИГАЙ!

Как можешь сказать, чем люди живут и мир животных
каков?
На эти вопросы один ответ — науку постигай!

Свойства вещей и творений узнать желанье к тебе
придет —
Стремись к познанию с юных лет, науку постигай!

Невежества мрак человека гнетет, как землю объемлет
ночь.
Разуму знания — как солнца свет: науку постигай!

Когда у тебя есть мечта и цель и хочешь ты их достичь,
Над книгой склоняясь, встречай рассвет — науку
постигай!

Чтоб истина эта в твоих устах обычной стала для всех,
Нихан, ты и сам исполняй свой завет — науку постигай!

1914

55. ОБ УЧЕНЬЕ И НЕВЕЖЕСТВЕ

Будешь знаньями богат —
Все дела пойдут на лад:
Для ученого ни в море,
Ни на небе нет преград!

Будешь знаньем небогат —
Много понесешь утрат:
Побредешь в степном просторе
Как скотина — наугад.

Если грамотными будем,
Добрый мир построим людям,
Участь славную себе
И другим тогда добудем!

Если ж неучами будем,
На беду себя осудим:
Будем только соль глотать,
Сладкой пищи вкус забудем.

Просветимся — наш народ
Скоро славу обретет:
Воздадут нам в дальних странах
Уваженье и почет.

Неучу, наоборот,
Слепота — один исход:
Побредет, пути не видя,
Да и в яму попадет!

Одолеем твердь наук —
Всё подвластно нам вокруг:
Сила знания нам поможет
Излечить любой недуг.

Будет разум глух и туг —
Всё уйдет у нас из рук:
Одолеем нас болезни,
Будет жизнь — сплошной недуг.

Силу знания привлечем —
Всё нам будет нипочем,
Тьму невежества погубим —
Насмерть поразим мечом!

1914

56. ШКОЛА

О науке, нравах, знаньях издавна радела школа.
Будет в них успех высокий — знай: свершит то дело
школа!

Как цветник, дождем политый, пышно зелень распускает,
Так цветущий сад прогресса орошать умела школа.

Школа — как рудник бездонный славы, радости
и счастья:
В двух мирах даст всё, что надо для души и тела,
школа.

Ведь народ, лишенный знаний, обречен бесславно
гибнуть, —
Потому у всех народов и почет имела школа!

Школа — верная опора для наук и просвещения,
Из своих сокровищ дарит мудрость без предела школа.

Посмотри: вокруг сто тысяч созданных трудом
предметов!
Как плоды на древе жизни их взрастить сумела школа.

Мы с людьми сомкнемся, сделав человека человеком,
Если будет к свету знаний приобщать нас смело школа!

1914

57. УЧИСЬ!

Значенье предметов, что видят глаза, к чему
прикасаются руки,
Постичь невозможно дотоле, пока тебе будет чуждо
ученье.

Есть золото в недрах земли, серебро — от глаз человека
сокрыты.
Сокровища эти непросто найти — для этого нужно
ученье!

Когда ты желаний, что в сердце горят, свершенья
скорейшего хочешь,
Запомни: поможет тебе избежать дорожек окружных —
ученье!

Оставь развлеченья, пиры, озорство — то жизни пустая
растрата:
Ты в юности больше старайся собрать бесценных
жемчужин ученья.

Мой сын, если хочешь почет заслужить, высокого места
достигнуть,
То в школу иди и упорно учись — навеки будь дружен
с ученьем!

1914

58. КНИГА

Родник живой воды, душе отрада — книга!
Разумному, как жизнь, даст всё, что надо, книга.

Начало всех начал, бесценный перл дерзаний,
Недугам — как Лукман, страде услада — книга.

Поверженным сердцам — как лунный свет во мраке,
Целебный пыл души и светоч взгляда — книга!

От всех неожиданных бед надежная защита,
Невежеству и злу, как меч, преграда — книга!

Кто в пору юных дней приложит к ней старанье,
Тому всегда во всем быть другом рада книга!

1914

Наука — путь к любой заветной цели.
Будь знанья — мы б и к звездам взмыть сумели!

Когда бы школ и знаний нам хватало,
У нас врачей могло бы быть немало!

Когда б у нас ученье было в силе,
Мы сами бы философов взрастили!

Одно лишь знанье может быть вожатым,
В пути к прогрессу другом быть и братом!

1914

62. ЧЕРЕПАХА И СКОРПИОН

Выбрала в друзья во время оно
Черепаша злого скорпиона.

В путь пошли, стянув ремни потуже,
Скорпион с подругой неуклюжей.

Хвастаться он начал перед нею:
«Я любезней всех и всех вернее.

Нашей дружбе предан я всецело,
Связаны мы, как душа и тело!»

До реки добрались оба друга.
Скорпион затрясся от испуга.

«Плывать, — говорит, — я не умею,
А в разлуке с горя захирею».

— «Что ж, садись на черепашую спину,
Я тебя в несчастье не покину!»

Сел на черепаху скорпион,
А кругом вода со всех сторон.

Выпустил он жало и с размаху
Поразить собрался черепаху.

Черепаша так и задрожала:
«Для чего ж ты выпускаешь жало?»

Отвечает скорпион: «Мне надо
Выпустить наружу каплю яда.

Хоть и велика твоя услуга,
Но тебя ужалю я, подруга!»

И сказала черепаха скорпиону:
«Поступаешь ты не по закону.

Ты за дружбу платишь мне враждою,
Но тебе вражда грозит бедою».

Отвечает скорпион со злобой:
«Обещал я верным быть до гроба

И дождусь, исполнив обещанье,
Твоего последнего дыханья!»

Так бы и пропала черепаха,
Да втянула голову от страха,

А потом нырнула в глубину,
И пошел дружок ее ко дну. . .

А мораль такая этой басни:
Вероломный друг врага опасней.

1914

63. ПРАВДИВЫЙ МАЛЬЧИК

Однажды некий мальчуган из школы шел домой.
Вдруг два прохожих перед ним: мол, погоди, постой!

«Послушай-ка меня, малыш, — сказал один, — скажи
Мне слово лжи. Я дам теньгу тебе за слово лжи».

Подумал мальчик и сказал: «Ака, за деньги кто ж
Ложь покупает? Видно, вам самим привычна ложь.

И если много лжи у вас — чем покупать мою,
Не лучше ль будет вам тотчас всю распродать свою?

А если мало будет вам, не хватит вашей лжи,
Просите друга своего: твою, мол, одолжи».

«Хвалю, — прохожий отвечал. — Видать, ты не простак!»
И отдал мальчику теньгу в подарок, просто так.

Отсюда ясно: тот, кто лжи совсем не признает,
Кто правду говорит всегда — удачлив будет тот.

1914

Стремись правдивым быть, мой сын, —
От лжи язык свой убережь.
Ведь есть присловье: кто правдив,
Тому не рубит шею меч!

1914

65. МАТЬ

Когда мы вступаем на жизненный путь,
Прибежище нам — материнская грудь.

Ночами встает беспокойная мать
Ребенка кормить, в колыбели качать.

Она его носит, прижавши к груди,
А сколько нелегких забот впереди!

Мать, жертвуя жизнью и сердцем любя,
Нам всё отдает, забывая себя.

А если болезнь приключится нам вдруг,
Мать средство найдет одолеть наш недуг.

Кто больше, чем мать, состраданьем горит? —
Любовь ее к детям прочнее, чем щит!

Сыновний свой долг нам нельзя забывать —
Служить ей утехой и радовать мать.

1914

Вот старший и подумал так: «Беда невелика,
Что станет черной у меня лишь правая щека.

Другую я намажу сам, поди узнай потом!»
Намазал щеку и стоит, дрожит над котелком.

А остальные малыши спокойно ждут, когда
Придет отец. Для них и впрямь невелика беда.

Вот вывел их отец наверх, поставил у окна,
Глядит — вся левая щека у старшего черна.

И старший тоже посмотрел на братьев на своих
И — ах! — увидел, что белы, как прежде, щеки их.

И отдал старший теткин рубль, заплакав от стыда,
И с той поры чужое брать не смел он никогда.

Отсюда ясно: кто крадет, кто подлостью живет,
Тот сам себя когда-нибудь в позор и стыд введет.

1914

67. НАЧАЛО АЗАРТНЫХ ИГР

Хоть и был Хашимджан еще мал,
Но он в «камешки» часто играл.

Вот «чет-нечет», нет меры утехам,
Перешел он к биткам и орехам.

А привыкнув выигрывать, он
Потерял и покой свой, и сон.

Лет тринадцати спозаранку
Уже резался он в «орлянку».

Игр не счесть: и «четыре пустых»,
И «ашички», и много других.

Повзрослел и себе на горе
Игроком стал отпетым вскоре.

Всё спустил он — и сад, и дом,
Умер, греясь чужим огнем.

Тот, кто начал играть, понемножку
Соскользнет на дурную дорожку.

Мальчик мой, ты в игру не спеши,
Чтоб бродягой не стать, как Хашим.

1914

Не понял никто, что у них на глазах происходит,
И к грозному шаху обоих несчастных приводят.

«Что значит всё это?» — спросил он у вора с укором,
И тот отвечал с виновато опущенным взором:

«Я с самого детства, мой шах, воровать научился,
И вором я стал, и к тому ремеслу пристрастился.

И всё, что я крал, я домой приносил неизменно,
И мать говорила: «Спасибо, сынок мой бесценный!»

Ни разу она мне «Будь честным, сынок» не сказала,
Должна вот за это она поплатиться сначала».

Тут поняли все, что бесчестные стоят друг друга,
И страшная кара обоим была по заслугам.

Зависит от нас, от родителей, очень во многом,
Каким будет сын, по каким устремится дорогам.

69. СПОР ПЛОДОВ

УРЮК

Круглобокий урюк золотой,
Отливая в лучах желтизной,
Оторвавшись от ветки, упал.
Вставши, поднял он крик такой:

«Эй! Со мной кто сравнивается тут?
Может, ты, горе-ягода — тут?
Не кичись, раздавлю я тебя,
Пусть твой цвет и краса сгниют!

Твои ягоды — шарики бус.
Хоть и нравится людям твой вкус,
Пользы нет от тебя никакой,
Ты ничтожен, как мухи укус.

Посмотри на мою красоту,
Мою яркость, мою круглоту!
Поспеваю я позже тебя,
Но, как сахар, я таю во рту.

Свежий, я — угощенье весны,
А сушеный — отрада зимы,
Мои зернышки в сласти кладут —
Так приятны они и вкусны.

Покороче я речь поведу:
Я — единственный в этом саду.
Освещаю собою я сад,
Словно месяц, у всех на виду!»

ЧЕРЕШНЯ

А черешня, тот крик услышав,
Раскраснелась, на землю упав,
Так урюку она говорит,
Вверх зеленую ручку подняв:

«Эй, урючная ты голова,
Твоего не унять хвостовства!
Ты в саду открываешь базар,
Но твои бесполезны слова.

Поспеваешь ты позже других.
А плоды? — Резь в желудке от них.
Чуть поспев, размякают они,
Скверный запах идет от сухих.

Меня люди черешней зовут,
Сладко-красной, утешной зовут.
Увидавши меня средь листвы,
Люди фруктов иных не сорвут.

Слаще меда и сахара я.
Ярко-красная шкурка моя
Прогоняет недуги людей,
Сок целебный сладчайший тая.

Покороче я речь поведу:
Лучший плод я в весеннем саду.
Как рубин озаряю я сад,
Пламенея у всех на виду!»

ВИШНЯ

Вишня, с ветки услышав тот спор,
Наклонилась, потупивши взор.
Обернулась к черешне она
И такой повела разговор:

«Эй, черешня хвастливая, врешь,
Распалясь, небылицы несешь.
Ты на скромную вишню взгляни
И живой от стыда не уйдешь!

От тебя толк какой может быть,
Если плод твой нельзя засушить?
Кто попробует свежий твой плод,
Лихорадку тот может схватить.

А вишневую сладость мою
Кто попробует, скажет «люблю».
Я в своих полновесных плодах
Солнца сладкий напиток таю.

Вестник первой любви — мой цветок.
Белоснежен он, как мотылек,
Исцеляет сердечную боль
Освежающий алый мой сок.

Покороче я речь поведу:
Я — посланница солнца в саду,
Превращусь я в варенье зимой,
В каждом доме любовь я найду!»

1914

70. РАМАЗАН

Наступил благословенный праздник рамазан,
Он для радости и счастья небесами дан.

Дни святого рамазана тишиной полны,
И прощать друг другу люди все грехи должны.

Но сегодня праздник светлый что нам может дать? —
Мусульманина не тешит веры благодать.

Богачи друзьям богатым раздают закят,
Хитрецы толкуют ловко древний шариат.

Бедняки ж не о закяте спорят меж собой:
Видишь — это слуги бая гонят их камчой.

Участь бедняков — скитанья, горе и нужда,
Ранят, как кинжал, попреки, давит грудь беда.

Лишь невежество — причина, что в стране моей
Топчет бай за корку хлеба жизнь и честь людей.

Богатеи в пестрых платьях предо мной прошли,
Словно все соцветья в небе взяли для земли.

А бедняк дрожит и стонет, он и нищ и наг:
Нищету и рабство в долю получил бедняк.

Безысходно горе в сердце, и глаза — в слезах,
Бесприютным и несчастным доля — стон и страх.

Так зачем же, мусульманин, ставишь ты предел
Для талантов благородных, для высоких дел?

Ты не думай, что тиранство будет жить в веках:
Может стать бедняк владыкой, нищим — гордый шах!

Пусть властитель-мусульманин подданных блюдет:
Тот властитель справедливый, кто щадит сирот.

Верность истине в деяньях мы должны хранить,
Только правдой жажду знания можно утолить.

Эй, Нихан! Ты с мусульманством наживешь греха:
С виду все благочестивы, а внутри — труха!

(1914)

71. СВЯТОЙ ИШАН ГОВОРИЛ

«Коль ем, так до отвала ем,
Коль сплю, так храп мой слышен всем.
Клянусь перед лицом небес,
Мое призванье — послушанье.

Людей за полы не ловлю,
«Отдай, пожертвуй» — не воплю,
Но если мне дают — беру,
Не отвергать же подаянье!

В делах своих не тороплюсь,
На запах шашлыка не мчусь,
И так, заметив, пригласят.
Я что? Ведь это их желанье!

Без приглашения на той
Не попрошусь. Я не такой.
Но как же можно не пойти,
Коль шлют мне слезные посланья?

Я до подарков не охоч,
Прошу, молю: «Не надо! Прочь!»
Насильно дарят. Как же быть?
Терплю от бога испытанье.

Я дал бы этим всем грехам
Отпор. А что, коли и впрямь,
Кто хлеба-соли не берет,
Тот слепнет тут же в наказанье?

И как же им откажешь тут?
И днем несут, и в ночь несут.
Невинен я, свидетель — бог,
Беру по принуждению дань я.

Где спор, где шум — я в стороне.
Не лезу: дайте, мол, и мне.
А просят дар принять — приму,
Чтоб им не причинить страданья.

Нет, я не уверял людей,
Что я колдун иль чародей.
Но просят: «Полечи вола!» —
Что ж делать? Шепчешь заклинанье.

И любят все меня и чтут,
Зовут святым. Так что же тут,
Коль даже девушки хотят
Мое услышать назиданье.

Всегда при мне мое перо,
К чему же не свершить добро —
Не дать просящим талисман,
Чтоб отогнать недомоганье?

Любя друзей, терпя врагов,
Я каждому служить готов.
А спросят: «Плата какова?» —
Нельзя же отвечать незнаньем».

Так говорил ишан-пачча
Нихану. Если ж сгоряча
Откажется от слов своих,
То лживым будет отрицанье!

Апрель 1916

72—75. ПИСЬМА

1

ПИСЬМО ЮНОШИ

Тысячу приветствий, о джаным,
В сердце я своем произнесу.
Тихо речь я поведу, джаным,
Про твою лукавую красу.

Как о горе мне сказать своем,
О сердечной пламенной тоске,
Чтобы ты расслышала, о чем
Плачет мандолина вдалеке?

Выбрал я узорчатый атлас,
Я халат портному заказал,
На тебя взглянул я только раз
И навеки сердце потерял.

Ласточки на дереве сидят,
Песни распевают о любви.
Хоть меня не любишь ты, манят
Твои брови и глаза твои.

Не взойдет звезда на небосклон,
Если солнце не покинет высь.
О красавица, оставь свой сладкий сон
И на голос сердца отзовись!

Речка катит светлую струю,
Звездам в речке весело блистать.
На дорогу выйду я твою,
До рассвета буду поджидать.

Дальний гром на небесах гремит,
Тучи бродят в темной вышине.
Мое сердце бедное горит —
Девушка забыла обо мне.

Солнце всходит в голубой дали,
Путники проходят по стране.
Девушка, мой голос слышишь ли?
Спросишь ли хоть раз ты обо мне?

Снег не тает, не цветут цветы,
Если не приходит в мир весна.
Знаешь ли, подруга моя, ты,
Что тоскою грудь моя полна?

Камни катятся с вершин седых,
Гул землетрясения растет,
Если имя, нежное как стих,
Твое имя кто-то назовет!

Я прошу — мне милость окажи
Иль своей немилостью убей,
Но неправды слова не скажи,
Не посмейся над судьбой моей.

Я прошу, красавица, прочесть
Грустное письмо моей души.
Если капля сожаленья есть,
Прочитав, ответ мне напиши.

2

ПИСЬМО ДЕВУШКИ

От души произнесу «салям»
Юноше, писавшему письмо,
К цели милой поведу калям,
К вам — любви пославшему письмо.

Если любит розу соловей,
Как ему у роз других гостить?
Если мне любимый всех милей,
Как смогу другого полюбить?

Разве могут плов и чай кипеть,
Не смешавшись, в одном котле?
Разве можно сердца два иметь,
Двух иметь любимых на земле?

Сердце у меня одно, джаным,
Клятва тоже у меня одна.
Сердце то — тобой полно, джаным,
Клятва та — навек тебе дана.

Сердце чистое отдавший мне,
Мое сердце ты возьми в ответ!
Строки верности пославший мне,
Мой ответный получи привет!

Не печалься обо мне, джаным,
Не горюй напрасно вдалеке.
День и ночь — пред взором ты моим,
День и ночь я о тебе в тоске.

Если и разлюбишь ты меня,
Буду я тебя любить всегда.
Если и забудешь ты меня,
Я не позабуду никогда.

Буду по дорогам я блуждать,
Все пути земные обойду,
Буду я всю жизнь тебя искать,
Жизнь покину, если не найду.

Если гром на небесах гремит,
Если тучи бродят в вышине —
Значит, ты, любимый мой джигит,
Не умеешь радоваться мне.

Может, образ девушки другой
Вызвал горькие слова твои?

Где любовь — там вера, дорогой,
Если нет доверья — нет любви.

Ты один в моей душе, в судьбе,
Больше нет мечтанья у меня.
Лишь прижаться в нежности к тебе —
Больше нет желанья у меня.

Я сто раз прочла письмо твое,
Отвечаю я от всей души.
Прочитай, джаным, письмо мое
И ответ скорее напиши.

8

ПИСЬМО ЮНОШИ

Разве осенью это считают,
Если свеж по-весеннему цвет?
Разве девушкой ту называют,
У которой любимого нет?

О сладчайшем свиданье мечтая,
На тропинках тебя стерегу.
Я тебя полюбил, дорогая,
И забыть никогда не смогу.

Ты рукой своей, нежной и белой,
Не касайся тяжелых вещей. . .
Мне, любимая, больно не делай,
Не раздаривай ласку очей.

Не носи, дорогая, браслеты,
Чтоб потом не болела рука. . .
Днем и ночью я думаю: где ты?
И снедает мне душу тоска.

Не носи ты атласного платья —
Сдавит нежное тело оно. . .
Как могу о любви рассказать я? —
Сердце бедное страсти полно.

Не сверкай золотыми серьгами —
Уши больно оттянут они.
Разожгла ты в душе моей пламя, —
Полюби же меня, не казни.

Алым розам в садах распускаться,
Чувствам в сердце вздыматься твоим...
Нам бы, милая, за руки взяться
И бродить бы с тобою вдвоем!

Опечаленный горькой судьбою,
Ожидать я часами готов,
Чтобы свидеться только с тобою
Возле розовых этих кустов.

Руки милой в волненье сжимая,
О беде рассказал бы своей,
Молчаливо сидел бы, играя
Переливами черных кудрей!

А когда зазвенит мандолина,
Ты, любимая, песенку спой —
И развеется в сердце кручина,
Если сжалишься ты надо мной.

Ах, придет ли свершенье желаний?
На меня благосклонно взгляни...
Или так — средь тоски и страданий
Пролетят мои годы и дни?

Лишь письмом твоим сердце согрето,
Слово каждое радует в нем...
Я тебе написал — и ответа
Жду в тревоге и ночью и днем.

4

ПИСЬМО ДЕВУШКИ

Разве это зимою считают,
Если снега не видно вокруг?
Разве мблодцами называют
Тех, кто юных не любит подруг?

Если так я тебя полюбила,
Мне любовью ответь на любовь...
Мысль одна лишь меня полонила:
Как нам встретиться, свидеться вновь?

Будь же счастлив и верен надежде,
Приходи на меня посмотреть.
Не скажи: «Я любил тебя прежде...» —
Оставайся влюбленным и впредь.

Милый, письма твои получая,
Я обмана боюсь, плутовства!
Вдруг слова: «Я люблю, дорогая» —
Это просто пустые слова?

Поклянись, что не любишь другую,
Что другая не любит тебя...
Хоть твердишь ты: «Нет, нет!» — я ревную,
Одиноко брожу я, скорбя.

В двадцать лет увлечешься другою
И забудешь совсем про меня.
Я ж вовек не расстанусь с тобою,
Буду помнить до смертного дня.

Не заснуть мне. Пишу я и плачу,
Сердце словно сгорает в огне.
Ах, пошлет ли судьба мне удачу?
Что ж она так сурова ко мне?

Если нам не избежать разлуки,
Если вдруг ты оставишь меня —
Не снесу я позора и муки,
Без тебя не прожить мне и дня!

И о чем бы порою ночью
Я ни думала, глядя во тьму, —
Ты, любимый, встаешь предо мною,
Все стремленья — к тебе одному.

Застилается взор мой туманом,
Я пишу и горю от стыда:

Ты, наверное, ложью-обманом
Захватил мое сердце тогда.

От страданий мой разум затмился,
Я страдаю одна в тишине,
Говоришь, что совсем истомился,
А приходишь так редко ко мне!

Пусть счастливою будет дорога!
Ты меня не забудь, дорогóй,
Не оставь же, побойся хоть бога, —
Не отдай свое сердце другой.

Апрель 1916

76. ПРИШЛА ПОРА ДЛЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Есть ли крупица разума у нас?
К нам тщетно истины взывает глас,
Мы правды не храним в своих делах,
Хотя о ней толкуем всякий час.
Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

Духовник наш подарка взять не прочь,
По свадьбам рыщет он и день и ночь.
Народу своему такой мудрец
Желал ли хоть когда-нибудь помочь?
Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

Вот и мулла — двуличный плут — идет.
Эй, берегись духовника, народ!
Сначала он обчистит твой карман,
А после дочь твою себе возьмет.
Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

К чему тебе науки, жирный бай?
Копи богатства, тощих пожирай!
Дом опечатан, в горе вся семья,
Бедняк уходит в Мекку, в дальний край.
Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

Купец в делах берет большой размах,
Не знает он, что значит слово «страх»,
Ни правил, ни законов он не чтит,
Зато его подстерегает крах.

Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

Чиновникам законы не указ,
Для них добыча — всё, что есть у нас.
Кто честен, тот извечно терпит гнет,
В чести одна безнравственность сейчас.

Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

Детишкам что? Их друг — бумажный змей,
Они и не видали букварей.

Виною их родители тому:
Себя сгубили, сгубят и детей!

Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

Нихан — один — судьбы не повернет,
Хоть воплями он глотку надорвет.
Пока мы не познаем вкус наук,
Дней счастья не дождется наш народ!

Для просвещения пришла пора,
Науки нам откроют путь добра.

77. СПОР

Мужчины

Девушки наши не учатся, мудрых не знают наук,
Тонут в невежестве женщины, вечный во взорах испуг.
Словно печальные узницы, дома живут, как в плену.
Сердце дождется ль прозрения? Снимут ли с глаз
пелену?

Девушки

Вы говорите, с невежеством девушки свыклись давно
И о своем положении будто нам знать не дано.
Мы безответные узницы, взоры туманит слеза,
Пылью мазаров наставники нам ослепили глаза.

Мужчины

Девушки в школах не учатся, тратят бессмысленно дни,
О роднике просвещения даже не знают они.
Мать почитать мы обязаны, жизнь нам дарует она,
Гордость и честь материнская в ваших делах не видна.

Девушки

Знание — свет, но для жепщины школы у нас еще нет.
Разве из тьмы заточения мы бы не вышли на свет?
Пусть материнскою гордостью сердце горит, как алмаз,
Что ж этой чести и гордости вы не научите нас?

Мужчины

Время летит быстрокрылое, сон оковал их сердца,
День ли проходит томительно, длится ли ночь без конца,

Слова не слышат призывного, души темны и пусты,
Свадьбы, наряды и пиршества — в этом их жизнь и мечты.

Д е в у ш к и

Что ж вы наш сон не развеете и не прогоните тьму?
Нет в этом мире, наверное, дела до нас никому.
Да, не хватает нам знания, — можно ль за это винить,
Если и зов просвещения некому нам объяснить?

М у ж ч и н ы

Где же у них любознательность, где же энергия, страсть?
Душу пленила покорную тьмы и невежества власть.
Мать — это честь своей нации, светлого знания родник,
В давнем долгу у народа вы, долг этот очень велик.

Д е в у ш к и

К знанию стремление страстное нам удалось сохранить,
Нет у нас только умения, чтобы свой долг оплатить.
Пусть же святые наставники держат пред миром ответ,
Если для узницы-женщины доступа к знаниям нет.

М у ж ч и н ы

Разум дружил с поэтессами и управлял их пером,
Знает народ их творения и поминает добром,
Славились мудрыми песнями, пламень стиха не угас, —
Пусть же теперь их творения служат примером для вас.

Д е в у ш к и

Есть поэтессы, и голос их ясен и звучен, как гром,
Жизнью для истины жертвуя, служат народу пером.
Тех, кто погибли в мучениях, нужно добром помянуть,
Пусть же останется в памяти тяжкий и гордый их путь.

78. ИШАНЫ

Что толковать, такой удел им дан!
Дела ишанов — жадность и обман.
Одну лишь цель преследуют ишаны:
Чужим добром набить себе карман.

У них как будто доля нелегка,
В постах и бденьях святость велика.
На деле же они сожрать готовы
Последнюю лепешку бедняка.

О святости улемов говорят,
Но в святости улем ишану брат.
Вглядишь в дела их, речи их послушай —
Сердца у них от жадности горят.

Суды, наветы, тяжбы — вот их страсть,
В чинах друг друга обойти стремясь,
Сцепившись из-за места мударриса,
Они друг друга втаптывают в грязь.

Бесстыдны лица этих лжесвятых,
Обжорство, праздность сладостны для них.
Попасть на той, надеть халат поярче —
Вот цель и смысл существования их.

1916

79. ЕСЛИ СТРАДАНИЯ — СУДЬБА БЕДНЯКА. . .

Если страдания — судьба бедняка,
Знай, что невежества сила крепка.
Лень, нерадивость — причина беды,
Власть непробудного сна велика,
Сердце и разум темны.

Бай бедняка подковал, как коня,
Крепко в загривок впилась пятерня,
Пойлом, объедками кормит его,
Нет для покоя ни ночи, ни дня, —
Раны на сердце видны.

Связаны мы по рукам и ногам,
Кто пожелает помочь беднякам?
Нищенство стало уделом для нас,
Нет от нужды избавления нам,
Мы никому не нужны.

Мы, словно дети, без дела живем,
Бьем в барабаны и песни поем.
Если огонь нам руки не обжег,
Мы беззаботно играем с огнем, —
Знания нам не даны.

Коль мы молчим о несчастьях своих,
Кто же тогда нас избавит от них?
Век просвещения придет и для нас,
Кончится мрак, ненавистей и лих, —
Злые развеем мы сны!

1916

80. ХВАЛА

Коль отрекся ты от пиршеств, зуб себе переломи
И на коврик для молитвы шкуру падали возьми!
Ты — подвижник, ты — затейник, и звучит везде хвала
Никогда не знавшей гребня пегой бороде! Хвала!

Не уйти ль тебе в пустыню, если все богатства — прах?
Перейди на корм подножный и живи себе в горах!
Ты — подвижник, проповедник, и тебе звучит хвала!
Зоб твой, мудростью наполнен, как мешок висит, —
хвала!

Если деньги и богатства не нужны, зачем тужить?
Брось, ишан, свое занятие — для чего себя томить?
Ты — пророк велеречивый, и словам пустым — хвала!
Отравил людей ты ленью — всем делам твоим хвала!

Днем блистая благородством, всюду ищешь ты почет,
По ночам ты хлещешь пиво, пена по усам течет.
Ты — подвижник, ты — добытчик, проповедник наш, —
хвала!
Никому ни крошки хлеба, ни гроша не дашь, — хвала!

Чтобы стать богатым, знатным, туго набивай кошну.
Лицемерье — путь к богатству, — береги свою казну.
Ты горланишь на мазаре громче всех других, — хвала!
Продает твоя община дочерей своих, — хвала!

Иль тебе мазара мало, что ты рыщешь по домам?
Коль халата не подарят, ты его утащишь сам!

Ты — подвижник, ты — добытчик, и делам твоим — хвала!
Лень, и лживость, и коварство мы в тебе почтим, —
хвала!

Что за чудные заботы богом посланы ему!
Для боев перепелиных и науки ни к чему!
В драке одержал победу твой лихой петух, — хвала!
От лихой собачьей драки захватило дух, — хвала!

1916

81. НАШИ СОВЕТЫ

Приготовь, бедняк, подарок и муллу зови на той.
Для себя охапку сена принесешь ты в дом пустой, —
Добродетель и смиренность нам святой отец внушил.

Пусть кузнец бежит в пивную грош последний пропивать.
Если вдруг не хватит денег, можно всё добро продать, —
Не жалея, что дом свой пропил и семейство разорил.

Ворожи, ишан почтенный, дуй на воду, всех ругай,
Не жалея своей отравы, только деньги собирай, —
Грех — не в грех, коль поканяем все грехи ты искупил.

Пусть сидит всю ночь на тое школ духовных ученик, —
Пить вино он пристрастился и курить кукнар привык,
И его в хмельном угаре сонм видений посетил.

.. У муллы по всем наукам мудрых знаний целый воз,
Но когда мы захотели предложить ему вопрос,
Побежал он так, что ветер пыль столбом за ним крутил!

1916

82. НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Мы непробудному покорны сну
И даже не приветствуем весну.
Лень и беспечность держат нас в плену,
Хотя давно проснулись все народы,
Хотя давно проснулись все народы.

В нас к просвещению стремленья нет,
Мы позабыли, что ученье — свет.
Что скажем мы грядущему в ответ?
В бездействии проходят дни и годы,
В бездействии проходят дни и годы.

Живем во тьме, нет знания у нас,
И разума мы не услышим глас —
Невежество мы копим про запас,
Хотя прогресс волнует все народы,
Хотя прогресс волнует все народы.

Вся наша жизнь проходит словно сон,
Нас окружила тьма со всех сторон,
Не слышим мы народа горький стон, —
Ему ж в удел даны одни невзгоды,
Ему ж в удел даны одни невзгоды.

Бай да ишаны испокон веков
В ладу живут, обычай их таков:
Семь шкур они сдирают с бедняков,
Хоть гложут камни нищие народы,
Хоть гложут камни нищие народы.

Для просвещения пора придет,
Мы оживем и двинемся вперед,
Когда учиться станет весь народ.
Посей добро, и всколосятся всходы,
Посей добро, и всколосятся всходы.

До новых дней, увы, нам дела нет
Под бременем безвременья и бед,
И разве вере нанесем мы вред,
Когда нас к лучшему изменят годы,
Когда нас к лучшему изменят годы?

Когда же ты, Нихан, уймешь свой плач?
К себе за пояс табакерку спрячь
И помни, время — это лучший врач.
Порвали б с жизнью прежнюю народы,
Порвали б с жизнью прежнюю народы!

1916

А вспомню я цветущие сады,
Товарищей весёлых, молодых —
Теряю разум, горем одержим,
О светлом счастье юных дней тоскую.

И горько мне: отпраздновать не смог
Я день рожденья твоего, сынок.
Слабею я. Где ты, моя Рахбар?
По младшей я из дочерей тоскую.

Бездомному работа тяжела,
Кто вызволит меня из сети зла?
Я ночью в думах не смыкаю глаз,
По радости спокойных дней тоскую.

Печален я, меня не обижай,
Бездомного, с другими не равняй.
Утешь меня, пошли письмо родным,
Пусть слышат вопль души моей — тоскую.

Когда ж, аллах, меня освободят?
Когда ж домой я возвращусь назад?
Несчастливого утешь и пожалей,
Измучен я бедой своей — тоскую.

1916

84. ПЕРЕДАЙ ПРИВЕТ

О, если увидишь отчизну, земляк,
Отцу дорогому привет передай.

И матери, коль она выйдет к тебе
Навстречу из дома, привет передай.

Сестре, что проплакала звезды-глаза
В тоске по родному, привет передай.

Ребяческий лоб поцелуй за меня,
Братишке меньшому привет передай.

Соседям, знакомым, кто стар и кто мал,
И каждому дому привет передай.

Скажи моей матери: сын твой здоров,
Скажи ей: вернется он, слез не роняй.

Скажи ей: разлуки тоску подави,
Любимого сына домой поджидай.

Чем сможешь, моей ты семье помоги,
Несчастную мать мою не покидай.

А если услышишь о смерти моей,
Прошу тебя, черного не надевай.

Коль кто-нибудь черную весть принесет —
Скажи, что неправда, семью утешай.

...Товарищам, сверстникам добрым моим,
Надеждою светлой сердца оживляй.

Приедет, скажи, невредим и здоров,
Вернется товарищ в родимый свой край.

Приедет, когда возвратится весна,
Сады зацветут и запенится сай.

Прошу тебя, души любимых людей
Ты черной кручины клеймом не терзай.

Назвав всех по имени, каждому ты
На родине дальней привет передай.

1916

Подобен тюльпану твой лик несравненный... Когда я
взглянул на портрет,
Я понял, что вновь обречен на страдания: судьба
отыскала мой след.

Безумная страсть овладела душою, лишился я воли и сна,
Ты вспыхнула яркой звездой предо мною и льешь
ослепительный свет.

Откинута дерзко твое покрывало, я цепью прикован
к тебе,
И брови, как стрелы, мне сердце пронзили! Найду ль
избавленье от бед?

И чтобы навеки забыть о страданиях, забыть всю тоску
по тебе,
Одно — умереть — мне осталось... Умру я, исполнив
печальный обет.

О небо! На миг прикоснуться губами к щеке этой нежной
позволь!
Таинственный голос «Ты гибнешь, безумный!» сказал
мне сурово в ответ.

Я видел Аравию, Персию видел, Египет, Стамбул
и Дамаск, —
Подобных тебе, моя пери, в скитаньях нигде не встречал
я, о нет!

1917

86. «КЕНГАШ»

Нам радует сердца наш молодой «Кенгаш».
Как свежий ветерок, смиряет зной «Кенгаш».
Вставай же, пробудись, забудь покой, «Кенгаш»,
Об утренней заре, о жизни пой, «Кенгаш»!

Пришла она, пришла желанная пора!
Вернула людям жизнь, отзывчива, щедра.
За этот дар живой, за свет ее добра
Благодари ее, хвали с душой, «Кенгаш»!

Чтоб к свету звать народ, упорным надо быть,
Неправде, темноте ни в чем не уступить.
И если будут гнать, и если будут бить —
Стой твердо на своем, железно стой, «Кенгаш»!

Пускай твоим словам внимает молодежь,
Зови ее к добру, клейми нещадно ложь.
Пускай твои дела врагов бросают в дрожь,
Отсталости былой дай смертный бой, «Кенгаш»!

Зови к познанию всех, зови к науке всех,
Пусть простофиль, невежд язвит твой острый смех.
Величье дружбы пой, сам не страшись помех —
И смело весь народ пойдет с тобой, «Кенгаш»!

Что лучше наших дней, свободных этих зорь?
Не мешкай на пути и шаг других ускорь.
Знай твердо цель свою, по мелочам не спорь,
Всегда во всем иди своей тропой, «Кенгаш»!

В раздумьях не томись, рискуй глупцам назло.
Всемерно умножай подписчиков число,
Покуда не доплыл, не оставляй весло.
Опора для тебя — читатель твой, «Кенгаш»!

1917

· 87. ДОРОГАЯ РОДИНА-МАТЬ

(Песня)

Не напрасно в час печали
Говорит народ:
«Непременно вслед за ночью
Утро настает».
Та, что, за детей страдая,
Скорбно слезы льет,
Просветлев, осушит слезы
Горя и забот.

Отчизна, мать любимая,
Не плачь, не плачь, скорбя!
Сердцам, тобою вскормленным,
Не позабыть тебя.

Сыновья твои сдержали
Верности обет,
Былью сделали мечтанья
Долгих трудных лет.
На последнем вздохе время
Горя, зла и бед.
Потерпи, уж близок вечной
Радости рассвет.

Отчизна, мать любимая,
Не плачь, не плачь, скорбя!
Сердцам, тобою вскормленным,
Не позабыть тебя.

Истощилось в нас доверье
К «пастырям»-лжецам,
К этим о народе лживо
Плачущим глазам.
Не печалься, мать родная,
Солнце светит нам.
Радуйся, судьбу вручая
Боевым сынам.

Отчизна, мать любимая,
Не плачь, не плачь, скорбя!
Сердцам, тобою вскормленным,
Не позабыть тебя.

Всех врагов твоих, чьи души
Злобны и черны,
Покарают, уничтожат
Храбрые сыны.
С теми светлыми сердцами,
Что тебе верны,
Будут дни твои счастливы,
Вечера ясны.

Отчизна, мать любимая,
Не плачь, не плачь, скорбя!
Сердцам, тобою вскормленным,
Не позабыть тебя.

88. ДА РАЗВЕ ТАК ОСТАНЕТСЯ?!

(Песня)

Да разве так останется навеки,
Да разве мрак останется навеки?!
Вам, жертвам похоти, корысти, злобы,
Блудливым псам, поверить можно ли?
Да разве будущее Туркестана
В руках сутяг останется навеки?!

Из тесной клетки вырвавшись на волю,
Мечтать о клетке птица может ли?
Эй вы, тираны, вашу власть сломавший
Пред вами вновь склониться может ли?
И то сказать: вы — хищники, а хищник
Кровавых дел стыдиться может ли?

Не испытавший тяжелой муки рабства
Понять всю сладость воли может ли?
Презренный трус, вздымая кверху знамя,
Стоять на бранном поле может ли?
И то сказать: с любимым сердцем слиться
В любви не знавший боли может ли?

Какой-нибудь народ на белом свете
Прожить без просвещения может ли?
Не оценивший чувства крепкой дружбы
Найти в ней упоенье может ли?
И то сказать: росую не умывшись,
Расцвествь цветок весенний может ли?

Нет, нет и нет! До листопада роза
Осыпать листья летом может ли?
Но и без листьев, если корни целы,
Погибнуть роза эта может ли?
И то сказать: водой пролиться чаша,
Когда воды в ней нету, может ли?

Народ от вас, от гнусных негодяев,
Не жаждать избавленья может ли?
Открыть глаза, завязанные вами,
Народ без просвещенья может ли?
И то сказать: нетопырю слепому
Дать солнце наслажденье может ли?

1917

II

(Октябрь 1917—1928)

89. ЭЙ, РАБОЧИЙ!

(Песня)

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

В руки долю возьми,
Наше время теперь,
Мы недаром снесли
Столько бед и потерь!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Будет счастлив батрак,
Горе мыкавший век,
Сбросит баев ярмо
Трудовой человек!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Не хотим прозябать:
Дорог труд бедняка!
Хватит кровь проливать
Ради хлеба куска!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Гнули спину века,
Знали тягостный гнет.
О, когда к нам, когда
Светоч воли придет?

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Избивала плетями
Нас байская власть,
Наша алая кровь
Непрестанно лилась!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Жирных баев долой!
Их сметем навсегда —
Мы дорогу дадим
Честным людям труда!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Землю с бою возьмем,
Эй, к оружию, батрак!
Вековечного рабства
Рассеется мрак!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев — долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

1917

90. МЫ — РАБОЧИЕ

(Песня)

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

От грузной ноши тяжело нам,
И кровь струится по плечам.
Они хотят, чтоб мы, как скот,
Подвластны были их бичам.

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

Богато баи все живут,
Богатство баям дал наш труд,
Но в благодарность нам за то
Они нас мучают и бьют.

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

Но мы хотим идти вперед,
Сотрем с лица кровавый пот,
Поднимем головы свои
Из праха, из-под ног господ.

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

Настало время, батраки!
С плеч сбросим бремя, бедняки!
Победа впереди встает,
Дороги наши далеки!

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

День этот — праздник для труда,
Да сгинет байство навсегда!
Бездомными нам не бродить
И не батрачить никогда.

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

Оружье нужно для борьбы,
На бой вооружимся мы.
Прогоним баев-кровопийц,
Защитников насилья, тьмы.

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

91. ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ!

(Песня)

Не унывай, сбылась мечта,
Советы пробудили нас.
Кровь не напрасно пролита:
Свободным стал рабочий класс.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд!

Вставай, забитый человек,
Теперь нельзя лениться нам.
Долой старье, долой навек
Чалмы, чадры и прочий хлам.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд!

Оставь сады, где тлен и прах.
Пускай зимуют там сычи,
А в наших молодых садах
Весна зажгла свои лучи.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд!

И свет зажжен, и сброшен гнет,
Всё то, что ждал, ты получил.
Кто против нас, пусть прочь идет,
Пусть держится за прах могил.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд!

1918

92. ЭЙ, ЭЙ, СТРЕЛЯЕМ!

(Песня)

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорубайся, кирка!
Подымайтесь, ряды рабочих,
Чтобы вам не проспать века!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Пробивайся в гранит, кирка!
Почему богачи покупают
По дешевке труд бедняка?

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорубайся, кирка!
Пусть рабочим будет дорога
К просвещению широка!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Пробивайся в гранит, кирка!
Тех, кто против нас выступает,
Расстреляем наверняка!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит пробивайся, кирка!
И для нас наступает время
Убедиться, как жизнь сладка.

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорывайся, кирка!
Чтобы враг был навек опрокинут —
За оружие, рабочих рука!

1918

93. ПРОСНИСЬ

(Песня)

Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Вечно здравствуй, власть Советов, — наших светлых дней
оплот!

Разорвав свои оковы, сбросим стародавний гнет.
Истинного просвещения широко раскрыта дверь,
Пусть культурно и свободно сын рабочего живет.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Сгиньте, баи-кровопийцы, сгинь, мулла, и сгинь, ишан,
Кисею в версту длиною накрутивший на тюрбан.
Наше время наступило, наш рассвет пришел, друзья,
Процветай и крепни, дружба всех рабочих и крестьян.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Пусть ученье в наших школах обостряет ум ребят,
Сгинут пусть гнилые нравы, суеверья, шарият.
Пусть из нашей молодежи вырастут учителя,
И в народе просвещение пусть они распространят.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Разве дни освобождения смогут снова к нам прийти?
Путь никто нам не укажет лучше этого пути!
Если мы от светлой цели отвратим свои глаза,
Разве след свершений наших смогут в будущем найти?

Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Нет, сегодня день не смеха, не забав сегодня день.
Личное сейчас — помеха. Общих дел сегодня день.
Стан перевязав покрепче, встань, трудящийся народ!
Знанья радостного веха — нам вот этот светлый день.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

1918

94. ТРУЖЕНИК

Грянул гром, раздались тучи,
Небо молния прожгла.
Эй, проснись, старик крестьянин,
На Восток весна пришла!

Льется дождь освобожденья,
Влажная земля щедра.
Снаряжай свой плуг, крестьянин,
Сеять хлеб пришла пора.

Алая заря сверкает,
Ветерки примчались с гор.
Открывай лозу, крестьянин,
Вешним почкам дай простор.

Над кустами выются птицы.
Эй, смотри: клюют они!
Встань скорей, старик крестьянин,
Птиц прожорливых гони.

Быстро лето подоспело,
Пролетит еще быстрей.
Эй, проснись, старик, покуда
Не дошло до зимних дней!

1918

95. ПРОСНИСЬ, РАБОЧИЙ!

Сколько ты веков в забвенье был,
Жернова тяжелые крутил,
За кусок лепешки подгорелой
Силу продавал и кровь струил.

Пробудись от сна, рабочий люд,
Времена великие идут!

Оскорблений ты немало снес,
Пролил ты немало горьких слез,
В жизни не носил одежды новой,
Голод ты и холод перенес!

Пробудись от сна, рабочий люд,
Времена великие идут!

Пусть, порабощен и угнетен,
Рабских дней изведал ты закон,
Но стремился к свету жизни новой,
К счастью новых радостных времен.

Пробудись от сна, рабочий люд,
Времена великие идут!

Пали угнетатели людей,
Над землей восходит новый день, —

Знать не будешь горя и печали,
Палок, и побоев, и плетей!

Пробудись от сна, рабочий люд,
Времена великие идут!

1918

96. НЕ ОТДАВАЙ СВОБОДЫ!

(Песня)

Воин в шапке меховой,
Лев страны родной!
Вражье сердце искромсай
Мощною рукой!

Старый дедовский завет
Пусть услышит рать:
Лев умрет, но никогда
Не вернется вспять!

Смелый воин, шире шаг,
Сбрось извечный гнет,
От расплаты подлый враг
Больше не уйдет!

Век за веком над тобой
Измывался бай, —
Нынче счета с ним сведешь,
Баю не прощай!

Нам предатели грозят —
Мы их разобьем!
Уничтожим деспотизм,
Контру изведем!

Не увянет никогда
Сад свободного труда!

Ты свободу защищай,
Дни твои пришли.
Превратим в цветущий сад
Весь простор земли!

Выше взвей багряный стяг,
Радости исток!
Пусть увидят алый свет
Запад и Восток!

Дорог людям всех времен
Красный цвет твоих знамен!

1919

97. КРАСНОАРМЕЙЦАМ

(Хоровая песня)

Эй, вставайте в ряды, друзья!
Эй, настала пора атак!

Поднимите, несите вперед
Революции красный флаг!

Притеснителей всех, кровопийц,
Богатеев крушите стан,

Утвердите свободу вы
Для рабочих и для дежкан!

Будьте утреннею звездой
Неба вольности и добра,

Встав пред недругами горой,
Раздавите их, как гора!

Львы могучие, барсы, в бой!
Победить нам пришла пора!

1919

98. ЖИВИТЕ-ЗДРАВСТВУЙТЕ, РАБОЧИЙ И ДЕХКАНИН!

(Песня)

Живите-здравствуйте, рабочий и дехқанин!
Гоните кровопийц, пусть ваше солнце встанет!
Мы сбросили ярмо, кровавый гнет смели мы!

Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

Народу славные победы суждены,
Теперь учиться мы старательно должны,
Шагаем мы вперед, сильны, неумолимы!

Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

Учитесь грамоте, ловите знания свет!
Раскрыт пред нами мир, в котором рабства нет, —
Для радостных сердец все цели достижимы!

Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

Отважных воинов, рабочих и крестьян
Родная партия слила в единый стан, —
Былого призраки уйдут невозвратно!

Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

1919

99. РУБАН

Влюбленный болью мук томим всегда,
Любимая — не с ним, с другим всегда.
Раз ей любовь всю радость отдала,
То должен кто-то несть и бремя зла!

1921

Для влюбленного вовеки нет своей любимой лучше,
А возлюбленной — влюбленный, страстью одержимый,
лучше!

Тьма невежества — погибель тем, кто ждет любви
высокой.
Свет немеркнущей надежды, знанием даримой, лучше!

Шейх, оставь чалму и четки — благочестия приметы,
Ты вином из звонкой чаши злую душу вымой лучше!

От измен любви не скрыться даже в тысяче пристанищ,
Жить совой среди развалин, от людей гонимой, лучше.

Ниязи отверг в неверье жаркий пламень преисподней.
Жар, что мотылек познает, пламенем палимый, лучше!

1922

101. СЕТОВАНИЯ ИШАНА

Стародавних дней отрада где теперь?
Мрак мечети, ложь обряда где теперь?
Благость прежнего уклада где теперь?
Мной обманутые чада где теперь?

По лугам мои бродили табуны,
Стерegli их днем и ночью чабаны.
Людям были мои тайны не видны.
Этих добрых дней услада где теперь?

Где земля моя, сады и цветники?
Только вспомню — сердце рвется на куски!
Вина где теперь, что были так сладки?
Женщины с покорным взглядом где теперь?

Шли с мольбой ко мне, с молитвой шли они,
Целовали мой подол в былые дни.
Те красотки, что лишь бровью шевельни, —
Приходили прямо на дом, где теперь?

Был пророком я и раем торговал,
У глупцов последний грошик выдирал.
Сам теперь для всех глупцом презренным стал.
За святой товар награда где теперь?

Горе мне, как взяли власть большевики,
Я — как пес, в помойке ищущий куски.
От людей мне униженья нележки,
Мой заступник — черт из ада — где теперь?

(1926)

102. ПРИЗНАНИЯ ОПОЗОРЕННОГО

Дядя Чигирик живет, видно, без Корана,
Стыд и совесть потерял в поисках обмана.
Ныне грязью все меня поливают рьяно,
Хоть немного б отдохнуть, чтоб закрылась рана.
Видно, рок меня настиг, раз обидел Чигирик!

Опозорил Чигирик перед целым светом,
Я по улице иду, хоронясь при этом.
Я бы скрылся от людей по его советам,
Но живу, и он живет, а расстаться — где там!
Как в мои дела он вник, этот подлый Чигирик?

Я посмешищем для всех выставлен сегодня,
Это — худо для меня, хуже преисподней.
Тайны он мои раскрыл, занавес приподнял,
Встретил лишь сандал со мной вечер новогодний.
Ну и гнусный же старик, этот дядя Чигирик!

Припеваючи я жил, горестей не ведал,
И, червонцами хрустя, я полдня обедал,
И одерживал в любви легкие победы,
И не думал никогда, что наступят беды,
Если бы не поднял крик вездесущий Чигирик!

Что же делать, как мне быть, что это такое?
Вот уже и финотдел не дает покоя.
От молитв не будешь сыт, это ж не жаркое.
Оскорбляет Чигирик едкою строкою.
Душно! Хоть ложись в арык. Дал мне жару Чигирик!

Не нашел поддержки я у своих знакомых,
Не сочувствуют друзья — порази же гром их!
Те, с которыми гулял, принимал их дома,
Кто не верил никогда самому плохому,
Вдруг смогли поверить вмиг, что сказал им Чигирик!

Я вздыхаю, как старик, — что наделал Чигирик,
Я к такому не привык — больно жалит Чигирик,
Как он этого достиг — знает тайны Чигирик,
О аллах, ведь ты велик! Чтоб он сгинул, Чигирик,
Распроклятый Чигирик, неподкупный Чигирик!

(1927)

**103. ЖАЛОБЫ НАПУГАННОГО
«ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА»**

Получить бы мне совет дяди Чигирика!
Я погряз в пучине бед, горький горемыка.

Сколько лет я на виду как «ответработник»,
А теперь попал в беду, сбился с панталыка!

Обучил свою жену — власть над ней утратил:
Как ее ни припугну — не боится крика.

Март подходит, с паранджой жены сводят счета,
Как мне быть с Хайринисой, — вот ведь закавыка!

Если нет пути назад — жить, как прежде было, —
Значит — взять жену да в ад? — Это ж просто дико!

Будь она лицом плоха, был бы я спокоен:
Не было б тогда греха от такого «лика»!

Как мне быть — уйти совсем или примириться?
От беды я словно нем, стал почти зайка!

Как?! Ее лукавых глаз и речей что сахар
Вдруг всего лишиться враз? — Нет уж, извини-ка!

Что теперь ни предприму, как ни ухитрюсь,
Сам не верю никому — с мала до велика.

Дядя Чигирик, сосед! До прихода марта
Дай мне бедному совет, делом помощи-ка!

(1927)

104. ПЕСНЯ СВОБОДНЫХ ЖЕНЩИН

Подруги-женщины, идите к нам скорей,
Когда все вместе мы, то песня веселей.

В пылающий костер бросайте паранджу,
И станет мир вокруг нарядней и светлей.

Мы прославляем власть, что вызволила нас,
Давайте будем петь и танцевать смелей.

Свободы крылья нас вперед и в небо мчат,
В садах поем мы, как весенний соловей.

Веселый музыкант, настрой тамбур скорей,
Мы к радости пришли, мы на пиру у ней.

Мы — яркие цветы, расцветшие в саду,
Не пряча красоты, мы расцветем пышней.

Советская страна дала свободу нам,
Шагаем к цели мы сияющей своей.

Молчали сотни лет, как бессловесный скот,
А ныне обрели мы звание людей.

Желанный день настал: тюремщиков своих
Всех выбросили мы из наших светлых дней.

Попробуй только муж к свободе путь закрыть —
Свободны мы уйти — ведь нет былых цепей.

Теперь открыто мы сверкаем красотой,
Ревнивцам всем назло — пора им быть умней.

А если оскорбит презреньем кто-нибудь,
Сумеет отомстить, мы нынче всех сильней.

Чтоб миру подарить цветенье всех искусств,
Мы к знаниям идем, и нет пути верней.

Мы овладеть хотим всей мудростью наук,
И счастьем быть тогда во много раз полней.

Раскрой свои глаза, ты ныне — человек,
В сиянии зари свет радости твоей.

(1927)

**105. ПРИЗНАНИЯ ИШАНА АЗИМХОДЖИ,
СЫНА ИШАНА ТАШХОДЖИ**

Я строго уразу держу,
Хотя себя не утружу.
Всегда правдивым надо быть,
Сейчас всю правду вам скажу.

Я строго уразу держу,
С ифтара на ифтар хожу.
Халат в подарок получив,
За дастарханами сижу.

Я строго уразу держу,
Читать Коран в дома спешу,
Мне бы кары опередить —
Я подношеньем дорожу.

Я строго уразу держу,
Священным саном дорожу.
Замят богатый получив,
К своим червонцам приложу.

Повесив голову свою,
Притворные я слезы лью.
Потом в укромном уголке
Добычу, словно пес, жую.

Законом божеским живя,
Урвать побольше нороя,
Я капиталец сколотил —
Людей обманываю я.

И чем темнее мой народ,
Тем больше мне перепадет.
Пока живу на свете я,
Пустым не будет мой живот.

Я строго уразу держу,
А между тем с едой дружу.
И за понюшку табаку
Я пост продам и не тужу!

(1927)

106. ГОЛОС ЖЕНЩИН

Тяжко сидеть взаперти, душу терзая кручиной,
Хватит, отцы, дочерьми вам торговать, как скотиной.
Бросьте надежды питать — этого больше не будет!

Нет, не забава для нас с душею порвать паранджою,
Время иное пришло, стали мы вольны душою.
Время не движется вспять — старого больше не будет!

Сколько веков нам пришлось быть для богатых утехой!
Нас не удержишь теперь, окрики нам не помеха.
Можете не угрожать — прошлого больше не будет!

Чтобы в бесправии жить, не к чему было родиться,
Ваша чалма, богачи, в саван пускай превратится!
Твердо мы можем сказать — прежнего больше не будет!

(1927)

107. УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Сними чиммат, открой лицо, для всех прекрасной будь,
Оковы на куски разбей, им неподвластной будь!

Кинжалом знания порази невежество и тьму,
Науке, мудрости мирской всегда причастной будь!

Поблекшему во тьме лицу дай радостью цвести,
На торжестве мужей наук ты розой красной будь!

Невежества и рабства яд тебе дают муллы,
Ты ханжество их обличай и в речи страстной будь!

Заставь их лица почернеть от злобы и стыда,
Для всех, кто женщину не чтит, стрелой опасной будь!

Из тьмы чиммата, как из туч луна, блесни лицом,
Из темной жизни выходи, зарею ясной будь!

Лучи учености возьми, а не сурьму для глаз,
Войди в дворцы наук, искусств — для всех прекрасной
будь!

22 февраля 1927

108. СЕГОДНЯ 8 МАРТА

Эй, эй! Паранджа, чужеземная штука,
замараны руки твои!
К нашим узбекским женщинам
близко не подходи,
подальше от них отойди!

Эй, мулла, от века и до века
отдавал ты женщин наших бекам
и другим власть имущим, поганым,
похотливым эмирам и ханам.

Хватит тебе наших женщин калечить,
кончились дни бесправные!
Ну-ка, взвали ты себе на плечи
все эти саваны длиннорукавные,
как ишак, напрягись, рылом в землю уткнись
и плетись...

Эй ты, украсивший башку свою корчагой,
крадущийся кошачьим шагом,
ты грабил нас, теперь платись за это.
Надежды потеряв, плетись, свой рок кляня,
нечистый сыч, смущенный ярким светом
сегодняшнего праздничного дня.

Эй, все вы с ним, служители аллаха!
Теперь сердца у вас от страха
дрожат.
Все вы — халфа, мюриды и муршиды —
катитесь в ад!

Эй, блудливый жирный бай,
с рожей, словно барабан,
с носом длинным, как сурнай,
грязный куль, набитый салом!
Теперь отошли твои времена,
новое время настало.
Теперь тебе небольшая цена —
ты стоишь не больше, чем грязи ком,
а может, и меньше.
Теперь покупать ты не будешь
девушек наших и женщин.
Теперь ты не сможешь людей угнетать,
прислугу держать, батраков держать,
чужое добро к рукам прибирать.
Тюрьмой не сможешь теперь грозить,
всех без разбора не сможешь бранить.
Горе тебе, шелудивый бай!
Ко всем чертям проваливай, бай!
Девушек наших не трогай,
к себе на мельницу — жадность молоть —
иди своей дорогой!

Сегодня тебе не праздник — беда!
Скоро в могилу уйдешь навсегда.
Дни свои поскорей доживай,
вместо коня шест оседлай,
грехи свои на плечи взвали,
скачи подальше от нашей земли,
здесь тебе делать нечего!

Видишь: женщины сбросили паранджу, славят свою
свободу.
Теперь уж они не наденут чиммат тебе, подлецу, в угоду.
Ты на них не пяль своих подлых глаз,
заройся под свой разбитый лабаз,
совесть свою за грош продавай,
горечь своей неизбежной кончины
пей, шелудивый бай!

Эй, домла!
Теперь и к тебе черная доля пришла.

Зубами палец свой прикуси,
смерти у бога проси.
Совсем от людей закрой свою рожу негожую,
плачь, вопи, бороду рви, на пук соломы
похожую.

Увидев сбросивших паранджу,
делай, как я скажу.
Слушай меня, зараза-проказа,
слушай, ослепший от новой зари:
жри свой терьяк, кок-чай завари,
стан свой покрепче перевяжи,
посох свой наготове держи, —
скоро тебе отправляться в то место,
откуда нету пути назад, —
в ад!

Но слушай еще один мой совет:
когда ты пойдешь на тот свет,
чимматы и паранджи с собой забери,
вместе с ними в аду сгори.

Эй вы, паранджи и чимматы!
Отправляйтесь туда, откуда пришли!
В Мекку свою уходите,
там и вредите!

Март 1927

109. ПОЗДРАВЛЯЮ!

Настала весна, отшумели метели,
Долой воронье, соловьи прилетели.
Смеясь
и резвясь,
мчит ручей напролом.
Молнии блещут,
грохочет гром.
Сверкают улыбки.
От чуткого сна
Природа освобождена.
Завесы долой!
Льется свет над землей.
Чалмы и халаты
мулл туповатых,
черти-угодники,
наглые сводники,
И ады, и раи,
дервишей пенье,
вопли юродивых, озлобленье,
коварство, обман,
клятвы, дурман
навечно с приходом весны
как будто вихрем унесены.
Монархи, троны,
тираны, короны,
поборы, налоги,
кнут, цепи, остроги,
разврат, суесловье,
потоки крови,

110. ПРЕДАТЕЛЯМ «ХУДЖУМА»

Служащие есть такие: жен решив освободить
(То есть, говоря по чести, вовсе воли их лишить),
Пикнет лишь жена — грозит ей: «Не хочу с тобою жить!
А расскажешь — так из дому выгоню за эту прыть!»
Знать, хотят они для женщин быт старинный возродить.

И не снилось, что придется женщине свободу дать,
Что придется — страшно молвить! — паранджу в сундук
убрать.
Что ж придумать, чтобы места теплого не потерять?
Лицемеры разрешили в праздник лиц не покрывать,
На одном лишь из десятка вечеров открытой быть!

Эй, чинуши! Вы ж не люди, а набитые портфели!
Разве женскую свободу защитили б вы на деле?
Вы — вороны, как же львами называться вы посмели?
Даже ваши партбилеты убежать от вас хотели,
Чтоб в КК об исключеньи вас из партии просить!

6 марта 1928

111. НА СМЕРТЬ ТУРСУНАЙ

Чистота была в каждом уголке,
Платье вымыто, сохло на шнурке,
А предатель-муж мне готовил нож,
Смерть моя была у него в руке.

Лепестками дней жизнь моя цвела,
Я порою спать от счастья не могла,
А убийца-муж, как ночной злодей,
Мне нанес удар в грудь из-за угла.

Бой неравный был. В четырех стенах
Никого друзей. Только смертный страх.
Только муж-палач. Только в сердце нож.
Только цвет надежд, превращенный в прах.

Пользу принести жаждала стране,
А взамен того — стыд и горе мне:
Не смогла свою волю защитить,
Жертвой стала я в мужней западце.

Нет, не надо слез! Траур ни к чему.
Распознать врага у себя в дому,
Продолжать борьбу, сестры, надо вам,
Гибель Турсунай учит вас тому.

Сверстницы мои! Вам вперед идти
С зоркостью в глазах, с мужеством в груди,
Чтобы никакой Хаджикул не мог
Встать у молодой жизни на пути.

Май 1928

112. СЛАВА ЖЕНЩИНАМ

(Песня)

О человечества краса, о радость взгляду, слава!
Свобода очень вам к лицу. Сто раз вам кряду слава!

О, как идет вам быть в строю, волною за волной
Идти, как воины в бою, на старый мир войной.
Идти со знаменем в руках, омытых алой хной,
Иль, розами горя, сидеть в беседе круговой,
Вбирая просвещенья свет — сердце отраду. Слава!

Поэтов лучшие стихи вам в дар принесены,
Затмила ваша красота блеск солнца, свет луны.
Но втрое в этот вольный век вы краше стать должны,
Настойчивы в своих делах, в стремлениях сильны,
Чтоб вам всегда за подвиг ваш была в награду слава!

Очнитесь ото сна, пришла пора свободных дней,
Гоните знахарей-лжецов, гоните ворожей.
Лукавство, зависть, темноту — подальше от дверей!
Не за красу одежд почет ищите у людей,
И в жизни много раз еще вам даст усладу слава!

1928

113. СОРВАННЫЕ ЦВЕТЫ

В крови лежала Сурмахон,
Лицом как хлопок побелев,
А люди шли со всех сторон,
И пал на Қараджана гнев,
И суд приговорил его
К расстрелу, — это он убил
По наущению того,
Кто руки, как всегда, умыл.

Убита мужем Таджихон,
Утих ее последний стон,
Еще сочилась кровь из ран,
Тех, что нанес ей Юсуфджан.
Он руки кровью обагрил,
Но «так и надо» говорил,
Не зная правды, как слепой,
Ножом расправившись с женой.

Абдукадыр убил жену
За мнимую ее вину.
Жестокий, он в полночный час
Не внял мольбе горящих глаз,
Словам жены своей не внял.
Он до зари над ней стоял
И, зная, что грозит расстрел,
Со страхом на людей смотрел.

Восьмое марта. Женский день.
Она упала на пути —

Рассек ей голову кетмень:
Хотела знамя понести.
А Мелибай, что совершил
Убийство это, осужден.
Его сурово осудил
За преступление закон.

Идет из школы Рузи-ой,
Уже витает смерть над ней.
Она букварь к груди рукой
Прижать старается плотней.
Ее встречает Эркабай
Ударом острого ножа.
Теперь он стонет: «А-я-йя»,
В ладонях голову зажав.

О Кумушхон я расскажу.
Она сорвала паранджу,
Она поверила в мечту,
Ей стала жизнь невмоготу.
И Иргашбай убил ее,
И угодил за то в тюрьму,
И жалость, словно острие,
Теперь пронзает мозг ему.

А Ойниса, чей звонкий смех,
Бывало, радовал нас всех,
С застывшей на устах мольбой
Убита мужем Абдуллой.
«О сжался! — плакала она. —
Не знаю, в чем моя вина».
Ест Абдулла тюремный хлеб,
От слез теперь он полуслеп.

Порядок ненавиза наш,
Ишаны, муллы входят в раж.
Они взбесились и кричат,
Но лжив призыв их «Газават!»
Но есть мужья — им разум дан, —
Что встали за свободу жен.
И вот зарезан Кадырджан
С женой своей Хадичахон.

Эй вы, ишаны-богачи,
Вы думаете — всё молчи?
Валить на бога хватит вам,
Не верим больше мы словам.
Пусть ложь рассеется как дым,
Довольно крови — жить хотим!
Вам никого из нас не жаль,
Убит — какая в том печаль!
От нечисти очистим свет,
Вам в нашей жизни места нет!

1928

114. ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

И ш а н

Эй, преданные мне ислама сыны!
В Совет избрать вы меня должны!
На этом свете, как и на том,
На пути истинного бога святом
Я все затруднения вам облегчу,
Грехов прощение исхлопочу.

Б а т р а к

Ты голову нам теперь не морочь!
Друзья, гоните мошенника прочь!
Нас обмануть он хочет, лжец,
Пускай о нас не хлопочет, подлец!
Шкуру с нас он будет сдирать,
Что ни год, по девушке брать,
Кровью заставит нас плакать он.
Эй, негодяй, проваливай вон,
Не то я так поддам под зад,
Что дух из тебя я вышибу, гад!

Б о г а т ы й д е х к а н и н

Меня изберите — вот мой совет, —
Друга у вас надежнее нет.
В доме моем для вас готов
До самой смерти и чай и плов.
Ушли от меня земля и вода,
Но при голове — и беда не беда.
Уж как-нибудь я в добрый час
Заработком обеспечу вас.

Издольщик

Гоните его! Ведь это волк!
Его избирать какой нам толк?
В наш трудовой забравшись двор,
Он сеять начнет меж нами раздор,
В ход пустит угрозы и клевету,
Чтоб закабалить опять бедноту,
Чтоб снова нам нищими, темными стать,
Бродягами бездомными стать.
Знаем, дармоед, твои дела!
Прочь, покуда башка цела!

Учитель старой религиозной школы

Эй, люди, сбившиеся с пути!
Вам лучше меня никого не найти.
А я с божьей помощью ваш исполком
Сумею сделать своим кошельком.
Знанием нашей веры святой
Я напою, как живой водой,
Ваших детей, чтоб они потом
Благочестивым шли путем.

Учитель новой, советской школы

Гоните его, распутника, вон!
Сам же из мулл-кровососов он!
Твари нет паскудней его,
Шайтан отшатнется от блудней его,
От грязных, мерзких его затей.
Прочь, растлитель, губитель детей!
Я так тебя в брюхо поганое пну —
Света не взвидишь! Убирайся, ну!

Бывший староста

Выбрать меня советую вам,
Полезен буду за это я вам!
По-русски читать, писать могу,
Очень этим я вам помогу.
Советская власть — так Советская власть, —
Было бы что в карманы класть.
Много иль мало я заслужу —
Спасибо каждому я скажу.

Председатель домового комитета

Гоните его от ваших ворот!
Он с вас не только шкуру сдерет,
Глаза ваши вырвет он из глазниц,
Ни бровей не оставит, ни ресниц,
Отнимет всё, что у вас в дому, —
Последнюю тряпку, подстилку, кошму,
И кошек, и блошек, и, наконец,
Он саван стащит с вас, подлец.
Труп ваш до самых костей изгрызет
И кости жадно обсосет.
Сгинь, зараза старая, ну!
Не то я башку твою отверну.
В лепешку твой нос, урод, превращу,
В плевательницу твой рот превращу.

Торговец

Выберите меня, для вас я клад!
Вам угождать всегда я рад.
В кооперативе ли буду торчать я,
В Узбекторге ли — обувь и платье
Достанутся вам по дешевой цене.
За это сдавать вы будете мне
Третьего сорта хлопок и шелк,
 Как первый сорт. . .
 На счетах — шелк,
Сдал — принял, подписан счет,
И разница в мой кошелек течет.

Дехканин-средняк

Ни-ни, его не пускайте в Совет.
Торгаш он последний и дармоед.
Шесть дней не пройдет, как очистит склад, —
Не сосчитаешь потерь и утрат.
Что днем прилипнет к его рукам,
То ночью продаст он байским сынкам.
Мы будем работать и горевать,
Чтоб мог он бездельничать и пировать!
Помните: овцам не долго жить,
Коль с ними волк начнет дружить!
От меня пощады не ожидай —
Всё племя твое изведу, негодяй!

Снятый с должности
бывший председатель исполкома
Выбирайте меня, выбирайте меня!
Ведь мы с вами — вроде родня.
Вы все для меня равно хороши,
Служить я вам буду от всей души.
А тот, кто против меня пойдет,
Шею себе на этом свернет!

Ремесленник

Эй, ты что — угрожаешь нам?
Нет, не вернуться твоим временам!
Вот я сейчас в избирком схожу
И за решетку тебя засажу!
Гоните его, нахала, вон!
Коль снова избранным будет он,
То обнаглеет тогда вконец
Двуличный этот пройдоха и лжец.
О власти советской петь соловьем
Он будет на заседаниях днем,
А по ночам — ходить в мечеть
И, как ишак, покаянно реветь:
«Прости меня, милосердный алла,
Ведь тайно я сын твой верный, алла!»
Слышишь, проваливай, к нам не лезь,
Не то как стукну — кончишься здесь!

Комсомолец

Чего разговаривать с ними тут!
Пускай скоты эти все пропадут!
Мы выберем честных, хороших людей —
Дехкан, батраков и кустарей!

Член комитета кишлачной бедноты

Наш надежный вожак — Хал-ака,
Он в обиду не даст бедняка.
Джурабай кончил курсы — его изберем
В новый Совет секретарем.

Представитель отдела
народного образования
Джура учился, и потому
Почетная должность в Совете — ему!

Все

Коль учиться будем мы,
Тоже в люди выйдем мы.
Давайте выберем Хал-ака,
Товарища нашего — большевика.
А эти — возьми их всех чума! —
Пускай от злобы сойдут с ума!
Эй, пролетарий, дехканин, батрак,
Не слушайте подлых вражеских врак!
Мы новой жизнью теперь заживем
В государстве своем трудовом!

Ноябрь 1926

**115. ОТВЕТ НА ЖАЛОБЫ ИШАНА,
ЛИШЕННОГО ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТВОВАТЬ
В ВЫБОРАХ ПЕРВИЧНЫХ СОВЕТОВ**

С одной стороны сцены до несуразности неуклюжий ишан с большой книгой под мышкой. На нем четыре халата, подпоясанные пятью поясными платками. Поверх всего накинута светло-желтая шерстяная чекмень. На голове ишана — огромная чалма. В стороне за низеньким столиком что-то пшшет бывший батрак.

Ишан

Но почему ж вы, братец, нас
Не избираете сейчас?

Ведь мы же добродетельны, ведь нас в конце концов
Все знают как достойнейших, мудрейших мудрецов.
Нас уважают в городе, нас любят в кишлаке...

Батрак

(обращаясь к публике)

Откуда это пугало с корчагой на башке?
Смотри-ка, сколько тут добра истрачено не впрок:
И тридцать четвертей сукна, и кисеи моток.
А в четках каждой бусинке молитва придана:
Одна для привлечения дехканского зерна,
Другая — чтобы золото «почтеннейших» привлечь...

(Ишану)

Ну, а с тобой, ишан, у нас короткой будет речь.
Тебе словами хитрыми обмана не избыть,
Коварства, блуда, жадности, дурмана не избыть.
Личиной послушания обманывал ты нас.
Сейчас не по душе тебе, дрожишь, подлец, сейчас!

116. ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

- Куда девался прежний урожай?
- Уплыл в карман он к баям да ишанам.
- А этот урожай куда пойдет?
- На пользу всем рабочим и дехканам.

- Что прежний урожай тебе давал?
- Гнет, рабство, голод, тягостную долю.
- А этот урожай что даст тебе?
- Единство, силу, изобилье, волю.

- Эй, батрак, скажи мне, как ты будешь землю получать?
- Я комиссии земельной крепко ухвачу полу.
- А коль бай скандалить станет, что ты сделаешь,
батрак?
- Придержу его за пояс и сверну ему скулу.

- Эй, батрак, а что с землею будешь делать ты теперь?
- Сделаю страну богатой, собирая урожай.
- Ну, а как с почтенным баем? Как ему, бедняге, жить?
- Глину твердую кусая, пусть подохнет жадный бай!

Бай и его жена

- Растяпа лохматобородый, ведь я говорила не раз,
Чтоб землю ты продал. Теперь бы хоть золото было
у нас.
- Молчи! Не выматывай душу. И так потерял я покой.
Черт, видно, меня надоумил связаться с такою женой.

Ох, если бы землю, как деньги, подальше
упрятать я мог!
Да нет! И от власти влетело б, и дело бы вышло
не впрок.
А если на чье-нибудь имя ее перевести? Но на чье?
Кому же доверюсь я? К людям пропало доверье мое.

Насмешливые приветствия после собрания:

На лестницу похожему,
Косому, краснорожему,
Как мерин неуклюжему,
Нескладному, негожему
Домла-пачче привет!
Измятому, точно базарное мыло,
На тухлую дыню похожему рылом,
Почтенному баю привет!

Кривому да кичливому,
Как баба говорливому,
Ленивому, блудливому
Ишан-пачче привет!

Подковой согбенному, стертому так,
Как в шапке дервиша поганый медяк,
С глазами, как пара лягушек вертлявых,
Шныряющих влево, шныряющих вправо, —
Шейху святому привет!

Напялившим шубы из лис и енотов,
Идущим с прислугой, с роднею без счета,
Зовущим на помощь чилтанов, пророков
И всяких иных чудотворцев Востока,
«Интеллигентам» привет!

А в т о р — б а т р а к а м

Батраки, чайрикеры, с земельной реформой вас
поздравляем!
Вам она Октябрем для богатства и счастья дана!
С новым знанием, с новым трудом поздравляем
Вас, обретших свободу отныне на все времена!

Поздравляем почтенного бая и всех, кто плетется за баем,
Если чуть заикнется, наган ему — дулом под нос.
Пусть-ка он с кетменем сам всю тяжесть труда испытает,
А не хочет — пусть сдохнет, как старый взбесившийся пес!

1926

117. ДУЭТ

А т ы н б и б и

Ночь уходит, светает,
Солнце в небе опять.
Сердце в радости бьется,
Слез никак не сдержать.

Приходи же, любимый,
Хочешь — душу бери.
Дай взглянуть мне на лик твой,
Что яснее зари.

Д ж и г и т

Вам, атынбибиджан, я
Приношу свой привет!
Я брожу здесь, гуляя,
Я пришел к вам чуть свет.

Всё на свете забыл я,
Утром есть я не стал.
Всё томлюсь и страдаю:
Я ведь не опоздал?

А т ы н б и б и

Слава богу, что рано
Ты явился ко мне,
Уходить и не думай,
Вся горю я в огне.

И тебе, мой любимый,
Душу я отдаю.
И цветов для тебя я
Насбираю в раю.

Д ж и г и т

Вы сказали «любимый»,
О атынбибиджан!
Плач ваш душу терзает,
Стонет сердце от ран.

Ваших слов не пойму я,
Ведь джигит я простой.
Не казните меня вы.
Взор туманя слезой.

А т ы н б и б и

Говорю «полюбила» —
Значит, нравишься ты.
Оттого я и плачу,
О тебе все мечты.

Я тебя полюбила
Всей любовью моей.
Полюби меня, милый,
Сердце дружбой согрей.

118. ВОРОНЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Б а й

Перед тобою — бай! Не узнаешь?
Мне опротивел твой скулеж.
А ну — давай! А ну — отдай!
Где деньги? Больно стали прятки!
Отдашь мне дочь и все пожитки.
Давай! Отдай! Давай! Отдай!
Постой, я так тебя скручу...

(Показывает.)

Пролетарий

Не вой! Ишь, брюхо — как бурдюк.
Нажравшийся навозный жук!
Рабочей крови кровосос!
А ну, без разговоров
Валяй отсюда, боров!
Вот вырву бороду твою
И на тебя ее навью!

Б а й

На помощь! Бороду отдай!

Пролетарий

Тр-тр-тр-тр!

(Отрывает бороду и прицепляет ее ко лбу бая.)

Вот так тебя я проучу!

ЯВЛЕНИЕ 2

Ишан с двумя мюридами.

Ишан
(пролетарию)

Я — твой наставник, страж души.
Отдай мне всё и не греши.
А ну — давай! А ну — отдай!
Я за тебя молиться стану,
Чтоб не достался ты шайтану.

Мюриды
(вместе)

Давай и нам, давай и нам!
Не то — покажем мы тебе!

Пролетарий

А мне не надобен ишан.
Катись отсюда, драпай,
Ублюдок косолапый!
Прошла твоя пора, болван.
Ишь, нацепил-то четок —
Что шарлатан — трещоток!
Ш-ш-ш-ш!

(Передразнивает шурианье четок.)

Вот как задám тебе!

ЯВЛЕНИЕ 3

Мударрис

А ну — давай, а ну-ка дай!
Я всех людей учить привык,
Я всех пророков ученик.
А ну — отдай, а ну — давай,
Не то покаран будешь вмиг!

Пролетарий

Не ты ли, божий лизоблюд,
Блудливый пес и словоблуд?

Не ты ли смрадом свет затмил
И грязью всё измазал тут?
Как полетишь ты у меня!

(Делает жест руками.)

ЯВЛЕНИЕ 4

И м а м и м у э д з н и.

И м а м

Мы — люди божии для вас,
Готовьте денежки для нас.
Давай! Отдай! Давай! Отдай!
А не отдашь — и я не дам
Тебе прощенья в смертный час!
А ну — отдай, а ну — давай!

(Кривит рот в усмешке.)

Могу уйти, а ты — пропал!

П р о л е т а р и й

Иди ты прочь, мешок дерьма,
Пусть влипнет в грязь твоя чалма!
Пошел ты вон, пошел ты вон!
Довольно власть твою терпеть,
Ни крохи не урвешь ты впредь,
И плакала твоя мечеть!
А ну, пошел! А ну, пошел!
Тебя со света я сведу,
Наброшу на тебя узду!

И м а м

Но-но, потише, обормот!

П р о л е т а р и й

А ну, живей, собачий сброд!
Вот как поддам тебе под зад!

ЯВЛЕНИЕ 5

Мулла

Вот я! Я — самый главный тут,
Ведь мне подвластен страшный суд!
Давай и мне! Давай и мне!
Тягаться вздумали, щенки?
Потише, руки коротки!
А ну — давай, а ну-ка дай!
Отдашь — доволен буду я.

(Кладет руку на грудь.)

Пролетарий

Проваливай, поганый гад,
Лизавший у богатых зад!
Чеши отсюда, прочь беги!
Ты нас судом пугать-то рад,
Да просчитался, супостат!
А ну, пошел! А ну, пошел!
(Ударяя его кулаком в плечо)
Вот как шарахну я тебя!

ЯВЛЕНИЕ 6

Казий, законник, муфтий, их прихлебатель.

Казий

(зрителям)

Ах, лучше б не был я судьей —
Приходит день последний мой!

(Пролетарию)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!
Ну кто бы денег мне принес —
Какой-нибудь заблудший пес!
Не дашь теперь — отдашь потом.

(Показывая свой пояс)

Смотри, свяжу да посажу.

Муфтий

Я — муфтий, мне теперь хана —
Вся сила дуракам дана.
Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

Вот чтоб мне окачуриться,
Коль я умнее курицы!

(Пролетарию)

А ну — давай, а ну-ка дай!
Тогда я всё тебе прощу
И все грехи тебе спущу.

Законник

Законы ведать мне дано,
Да власть моя прошла давно.
Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

Теперь и вол умней, чем я,
Меня не спросят всё равно.

(Пролетарию)

А ну — давай, а ну-ка дай!
Бродяга, вшивый шалопай,
Хоть вошь с одежды, а отдай!
Вот речь какую я веду.

Прихлебатель

(зрителям)

А я — помощник этих трех,
Служить им рад, пока не сдох.

(Пролетарию)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!
Тебе довольно жалких крох,
Возьму — и кончен разговор!
Да не скупись, давай мне всё —
Вот я подставляю мой подол.

Пролетарий

А ну, подальше, басмачи!
Как ни вопи, как ни кричи,
От вас и пес не убежит.
Ваш раззолоченный зуннар
И псу надеть — позор и стыд.
Иди, проваливай, иди,
А ну-ка, все отсюда вон!
Попробую отмыть водой.

(Льет воду туда, где они стояли.)

явление 7

Лекарь, знахарь, заклинатель.

Лекарь

*(держит в руках какие-то мешочки и пакеты,
зрителям)*

Я — лекарь, врачеватель бед,
Гожусь я свиньям на обед.

(Пролетарию)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

Бедняк болеет — я готов
Его спровадить на тот свет.

(Пролетарию)

А ну — давай, а ну-ка дай!
Вот здесь и снадобья со мной.

Знахарь

Я — знахарь, я за мзду большую
Здесь пошепчу, а там подую.
Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

Мое благое ремесло
Мне много славы принесло.

Я и волков сдружу с бараном,
(*складывает руки ладонями одна к другой*)

Вот так прилажу, и — конец!

З а к л и н а т е л ь
(*зрителям*)

Я изгоню любого беса,
Хоть и не знаю ни бельмеса!

(*Оглянувшись*)

А сам — увижу стрекозу,
От страха в сторону ползу.

(*Пролетарию*)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(*Играет на дугаре.*)

А ну-ка дай, а ну — давай!
Любого беса изгоню!

П р о л е т а р и й

Эй, вон отсюда, да живее!
Вы сами — бесы, джинны, змеи!
А ну-ка прочь, да побыстрее!
Сегодня здесь уж были биты
И болтуны и паразиты.
Проваливайте восвояси.

(*Берет горсть земли и бросает ее по ветру.*)

Вот так и вас смешаю с грязью. . .

... ЯВЛЕНИЕ 13

Колдун, ворожей, гадатель, ведун.

К о л д у н
(*Зрителям*)

Моя забота — колдовать,
Всегда обманывать и врать.

(Пролетарию)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

Совсем прокисшая квашня
И та — полезнее меня!

(Пролетарию)

А ну-ка дай, а ну — давай!
Не то ухлопаю вот так.

(Показывает.)

В о р о ж е й

Мое прозвание — ворожей.
Не слезу, хоть гони, хоть бей.

(Пролетарию)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

Когда найдется среди людей
Другой такой же паразит,
Бог его гневом поразит!

(Пролетарию)

А ну-ка дай, а ну — давай!
Смотри, угрожаю — и всё!

Г а д а т е л ь

Я — гадатель-предсказатель,
И колдун, и врачеватель.
Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

А по правде, для болезней
Никого нет бесполезней!

(Зажигает тряпку.)

Помашу, поговорю
Да и насмерть заморю.

В е д у н
(Зрителям)

Я и знахарь, и ведун,
Пустомеля и болтун.

(Пролетарию)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!

(Зрителям)

В голове моей, внутри, —
Лишь солома. Посмотри!

(Пролетарию)

А ну-ка дай, а ну — давай!
Я проведу беду,
Проведу и изведу.

П р о л е т а р и й

А ну, быстрее убегай-ка,
Бесовское отродье, шайка!
Вас ждет на бойне — кровь лизать —
Собака- Попрошайка.
Беги, беги, беги, беги,
Скорее убегай-ка!
Вот я вас всех...

... ЯВЛЕНИЕ 16

В о р, р о с т о в щ и к.

В о р и р о с т о в щ и к
(вместе, зрителям)

Я — ростовщик, а он воругоа,
Надежнее не сыщешь друга.
Кто с нами будет заодно,
Тому в аду придется туго.

(Пролетарию)

Давай! Отдай! Давай! Отдай!
А ну — давай, а ну-ка дай!
Мы вас свернем в бараний рог.

Пролетарий

Теперь над миром яркий свет,
Вам в этом мире места нет!
А ну-ка прочь, а ну-ка вон!
Всех паразитов-подлецов
Прогоним мы в конце концов!

1927

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание представляет собой наиболее полное собрание стихотворных произведений Хамзы в русских переводах.

В книгу включена значительная часть переводов, опубликованных ранее в следующих изданиях: Избранное. (Составитель Ю. Султанов), Ташкент, 1959; Сочинения в двух томах, т. 1. (Составители Ю. Султанов, Н. Ивашев, Б. Пармузин), Ташкент, 1960. Все эти переводы сверены с оригиналом по наиболее авторитетному изданию поэтических произведений Хамзы на узбекском языке: Хамза Хакимзода Ниёзий, Асарлар, т. 1, Тошкент, 1960. В переводы внесены некоторые уточнения с целью приближения их к оригиналу.

Некоторые из публиковавшихся прежде переводов в настоящий сборник не вошли и заменены новыми, выполненными специально для данного издания. Стихи из «Дивана», за исключением трех газелей, переведенных Э. А. Бабаевым, публикуются в новых переводах. Необходимость в них была вызвана тем, что в прежних русских переводах большая часть газелей не имела предредифной рифмы. Этот крупный недостаток вызвал справедливый упрек критики (см.: В. Левик, Верное слово — на верное место. — «Мастерство перевода», М., 1964, с. 98—99).

В предлагаемом сборнике, содержащем 118 произведений Хамзы, число впервые выполненных переводов — 29, число новых переводов, публикуемых взамен старых, — 38.

Сборник состоит из двух основных частей. Первая представляет дооктябрьское поэтическое творчество Хамзы (1907 — сентябрь 1917); вторая объединяет произведения, созданные в советское время (октябрь 1917—1928).

В первой части имеются три раздела, выделенные по жанровому и хронологическому признаку: 1. Диван лирических стихов (1907—1914), 2. Дидактические стихотворения (1914), 3. Песни (1916—1917). Вторая часть состоит из разделов: 1. Стихотворения; 2. Драматические сцены.

В соответствии с традициями узбекской поэзии стихотворения Хамзы, как правило, не имеют названий. В упомянутом узбекском издании стихотворениям поэта даны заголовки на основании их содержания. Эти названия сохранены и в настоящем издании для всех произведений, кроме стихотворений, написанных в традициях классической поэзии (газели, мухаммасы, рубаи).

Как видно из примечаний к узбекскому изданию сочинений Хамзы (т. 1, с. 245), в Музее литературы АН УзССР среди документов личного архива Хамзы имеется список стихотворений, включенных Хамзой в «Диван», с датами написания каждого из них. В настоящем сборнике датировка стихов «Дивана» осуществляется по узбекскому изданию произведений Хамзы, где даты указаны в соответствии со списком. В остальных случаях они определяются по времени первой публикации, что каждый раз оговаривается в примечаниях, а для не опубликованных при жизни Хамзы его произведений сообщаются даты, установленные Ю. С. Султановым.

В примечаниях к этому сборнику использованы данные, содержащиеся в комментариях к указанным выше изданиям Хамзы. Составитель считает своим долгом выразить Ю. С. Султанову признательность за помощь в работе.

Пояснения имен и названий, относящихся к истории мифологии и быту народов Средней Азии, вынесены в специальный словарь.

I

(1907—СЕНТЯБРЬ 1917)

ДИВАН ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОВ

Стихотворения, включенные в «Диван», при жизни поэта не печатались. Публикация их на языке оригинала (узбекском и таджикском) осуществлена Ю. С. Султановым по рукописи, найденной в 1949 г. народным поэтом Узбекистана Гафуром Гулямом (1903—1966) и хранящейся в настоящее время в рукописном фонде Института востоковедения имени Абурейхана Бируни АН УзССР. Всего «Диван» содержит 197 стихотворений (186 на узбекском языке и 11 — на таджикском), в том числе 150 газелей и 47 стихотворений других жанров (мухаммасы и др.). В настоящий сборник вошло 52 стихотворения «Дивана». Среди переводов, публикуемых впервые, — переводы 6 газелей, написанных Хамзой на таджикском языке (№№ 41—46).

24. *Не хожу я в мечеть, и меня проклинают ханжи, — пусть, как верности знак, пояс твой отмечает меня.* Ношение специального пояса отличало «неверных», то есть немусульман, от мусульман. Здесь пояс, как символ неверия, противопоставляется праведности мусульманина, посещающего мечеть.

32. *О капля, в раковине зрел, и жемчуг да появится!* У народов Ближнего Востока и Средней Азии существовало поверье, что жемчужины в раковине вызревают из попавших в нее капель весеннего дождя.

43. *В свой срок из капелек дождя растут в скорлупках жемчуга.* См. предыдущее примеч.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Произведения этого цикла были написаны Хамзой в период его работы в школе для составленных им учебников («Книга для чтения», «Легкая литература» и «Начальная книга для чтения»). При жизни поэта стихотворения эти не издавались. Названные учебники сохранились в рукописи, находящейся в настоящее время в архиве Института востоковедения АН УзССР. По этой рукописи и осуществлена Ю. С. Султановым публикация 16 дидактических стихотворений Хамзы.

68. «Кара за плохое воспитание сына» близка по содержанию стихотворению азербайджанского поэта Аббаса Сиххата (1874—1918) «Вор и его мать» (см.: Поэты Азербайджана, «Б-ка поэта», (Б. с.), М.—Л., 1962, с. 343), Оба они, возможно, восходят к общему источнику.

69. *Ягода — тут.* Речь идет о ягоде тутового дерева.

70. Впервые — газета «Садо-и Туркистон» («Голос Туркестана»), 1914, 10 августа. «Рамазан» — первое опубликованное произведение Хамзы. Формально оно не входит в цикл дидактических стихотворений поэта. Однако и по содержанию и по форме это стихотворение тяготеет к его дидактическим произведениям, примыкая к последним и хронологически.

ПЕСНИ

Стихи этого раздела были опубликованы Хамзой в Коканде в отдельных выпусках «Сборника стихов на мотивы национальных песен»: «Красная роза» (1916), «Белая роза» (1916), «Зеленая роза» (1916), «Алая роза» (1916), «Желтая роза» (1916), «Лиловая роза» (1917), «Душистая роза» (1919). Стихи, содержащиеся во всех выпусках, кроме последнего, написаны на мотивы и мелодии популярных узбекских, татарских, азербайджанских, уйгурских и русских песен. Тексты сборника «Душистая роза», кроме стихотворения «Да разве так останется?!», написаны на мотивы, сочиненные самим Хамзой.

76. *Бедняк уходит в Мекку, в дальний край.* Уйти в Мекку — значит отправиться в паломничество к мусульманским святым местам.

77. Написано в форме популярных в народе переключек-состязаний (диалогов-состязаний) — так называемых «айтышув». Ритмика стихотворения приспособлена к мотиву одной из татарских песен. *Словно печальные узницы, дома живут, как в плену.* Мусульманская религия предписывала женщинам не отлучаться из дома; разрешалось выходить на улицу лишь изредка и притом обязательно с закрытым лицом. *Пылью мазаров наставники нам ослепили глаза.* Здесь имеется в виду культ святых в исламе и почитание их гробниц — мазаров. *Разум дружил с поэтессами.* Поэтическое творчество женщин было распространенным явлением на Востоке. История узбекской литературы знает немало имен поэтесс, среди которых были и весьма яркие дарования — Джахан-атын Увайси (ок. 1790—

1855), Махлар-айим Надира (ок. 1792—1842) и др. *Тех, кто погибли в мучениях, нужно добром помянуть.* Одна из видных поэтесс — Махлар-айим Надира — была зверски убита по приказу бухарского эмира Насруллы.

83. Перевод стихотворения — сокращенный. Песня написана как бы от лица бедняка узбека, мобилизованного на тыловые работы по царскому указу от 25 июня 1916 г. *Сотский.* В оригинале — «юз-боши» — буквально: «сотник», «начальник сотни», то есть средний административный чин в дореволюционной Средней Азии; здесь — начальник отряда или группы мобилизованных.

84. Герой — исполнитель песни — узбек-бедняк, оказавшийся на чужбине вследствие мобилизации на тыловые работы. См. также предыдущее примеч. Написано на мотив одной из узбекских народных песен.

85. *Я видел Аравию, Персию видел, Египет, Стамбул и Дамаск.* Хамза в 1913—1914 гг. действительно побывал в Аравии, Египте, Малой Азии и Сирии.

86. «*Кенгаши*» («Совет») — название узбекского журнала, основанного после февральской революции в марте 1917 г. Хамза был редактором этого журнала, но после выхода первого номера, в котором и было опубликовано это стихотворение, вышел из состава редакции из-за конфликта с издателями — проджадидской организацией кокандских учителей.

88. Написано в первой половине 1917 г. Стихотворение направлено против националистически настроенной местной буржуазии, которая в союзе с джадидами и реакционным мусульманским духовенством стремилась использовать Февральскую революцию в своих корыстных, узкоклассовых интересах.

II

(ОКТАБРЬ 1917—1928)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Эта часть сборника объединяет произведения, созданные Хамзой после Великой Октябрьской социалистической революции. Написаны они не на всем протяжении указанного периода, а в два хронологически обособленных отрезка времени: в 1917—1922 гг. и в 1926—1928 гг. Песни «Эй, рабочий!», «Мы — рабочие», «Проснись», «Эй, эй, стреляем!» и «Труженик» опубликованы в сборнике «Душистая роза» (1919). Стихотворения «Признания опозоренного», «Жалобы напуганного „ответственного работника“», «Узбекской женщине», «Песня свободных женщин», «Сегодня 8 марта», «Признания ишана Азимходжи, сына ишана Ташходжи» и «Голос женщин» были опубликованы в газете «Янги Фаргона» («Новая Фергана») в январе — марте

1927 г. Стихотворения «Предателям „Худжума“», «Слава женщинам» и «Сорванные цветы» были опубликованы в той же газете в марте 1928 г. Стихотворения «Да здравствуют Советы!», «Проснись, рабочий!», «Не отдавай свободы!», «Красноармейцам», «Живите-здоровейте, рабочий и дехканин!», «Рубаи», «Для влюбленного во веки нет своей любимой лучше. . .», «Поздравляю» и «На смерть Турсунай» при жизни Хамзы не печатались. Они собраны и опубликованы Ю. С. Султановым.

99. Хорошо зная творчество классиков азербайджанской поэзии и увлекаясь, в частности, поэзией Мухаммеда Сулейман-оглы Физули (1498—1556), Хамза написал ряд стихотворений в подражание стихам Физули. Данное четверостишие-рубаи представляет собой вариацию на тему следующего рубаи, написанного Физули (подстрочный перевод): «Роза в бутоне — с шипами. Когда она распустится — у нее другой избранник. В определенный срок она претерпевает терзания от шипов, в урочное время — получает нектар исцеления».

100. Это стихотворение — единственная в послереволюционном творчестве Хамзы газель, написанная в традициях классической поэзии. Газель подписана одним из поэтических псевдонимов Хамзы — Ниязи («умоляющий», «взыскующий»).

101. Впервые — журнал «Муштум» («Кулак»), 1926, № 29. Стихотворение подписано псевдонимом Товонтешар («жук-плавунец», «водяной скорпион»).

102. Подражание стихотворению узбекского поэта Хислата «Что мне делать?». *Чигирик* (узб. чигрык — приспособление для очистки хлопка от семян, нечто вроде ворота) — название сатирического отдела газеты «Янги Фаргона» («Новая Фергана»).

103. *Чигирик* — см. предыдущее примеч.

106. *Хватит, отцы, дочерью вам торговать, как скотиной.* По законам шариата (см. Словарь) при вступлении девушки в брак за нее давался выкуп — калым. Отцы выбирали для своих дочерей женихов, часто руководствуясь при этом лишь соображениями выгоды.

108. *Эй ты, украсивший башку свою корчагой.* Подразумевается служитель мусульманской религии, у которого на голове большая чалма.

110. *КК* — в узбекском оригинале: «Контрольная Комиссия партии», т. е., очевидно, комиссия, учрежденная для очистки партийных рядов.

111. *Турсунай* — артистка узбекского театра. В мае 1928 г. она была зверски убита своим фанатиком-мужем. *Хаджикул* — имя мужа Турсунай.

113. Посвящено узбекским женщинам, погибшим в борьбе за свое равноправие.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

Произведения, вошедшие в этот раздел, кроме сценки «Ответ на жалобы ишана, лишенного возможности участвовать в выборах первичных Советов», опубликованы после смерти Хамзы по его рукописям Ю. С. Султановым.

114—115. Написаны во время кампании по выборам в местные Советы депутатов трудящихся в 1926 г.

116. Публикуемый отрывок — концовка сценки, написанной в 1926 г. В 1925—1929 гг. в Узбекистане проводилась земельно-водная реформа. В результате реформы сотни тысяч гектаров плодородных земель были переданы государством во владение безземельных и малоземельных дехкан. *Я комиссии земельной крепко ухвачу полу. Узбекское выражение «ухватить за полу» означает: неотступно следовать за кем-либо, цепляться за кого-либо.*

117. Единственный сохранившийся отрывок из оперетты «Черноволосая», написанной Хамзой в 1926 г.

На фронтиспise воспроизведена фотография Хамзы 1926 г. Оригинал хранится в рукописном фонде Хамзы в Институте востоковедения АН УзССР им. Абурейхана Бируни (Ташкент).

СЛОВАРЬ

Авиценна — европейская латинизированная форма имени великого арабского ученого-энциклопедиста (полное имя — Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина; ок. 980—1037). Таджик по происхождению, Авиценна писал главным образом на арабском языке, реже — на своем родном языке фарси. Основное произведение Авиценны — «Канон науки врачевания»; известны также философские, математические, филологические труды Авиценны и несколько стихотворных произведений. Имя и труды Авиценны пользуются легендарной славой на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Азра — возлюбленная Вамыка (см.), героиня несохранившейся поэмы, созданной поэтом Унсури, уроженцем Балха (XI в.). Азра — один из традиционных образов узбекского фольклора и классической узбекской поэзии, символ верной любви.

Ака — старший брат.

Атынбиби — почтительное название учительницы.

Атынбиджан — почтительно-ласкательное обращение к учительнице.

Ашички — от узбекского слова «ашик», косточка из коленного сустава задней ноги барана (альчик), употребляемая в специальной игре.

Бек — титул знатного лица, а также титул правителя какой-либо местности или города в среднеазиатских ханствах эпохи феодализма.

Вамык — возлюбленный Азры (см.), образ преданного и самоотверженного в любви человека.

Газават — война за веру, «священная» война мусульман против немусульман, так называемых «гяуров» (см.).

Гурия — райская дева, вечно молодая и вечно невинная. Согласно мусульманской мифологии, гурии предназначены для наслаждения праведников в раю.

Гяур — неверный, немусульманин, ишверец, безбожник.

Дастархан (дастурхан) — скатерть и угощение, подаваемое на скатерти.

Дервиш — странствующий мусульманский монах-отшельник.

Дехканин — крестьянин, земледелец.

Джаным — ласковое обращение.

Джинн — злой дух, бес.

Домла — учитель мусульманской духовной школы.

Домла-пачча. См. домла и пачча.

Заkyat — обязательный налог, взимавшийся мусульманской церковью как «очистительная» милостыня с верующих в размере $\frac{1}{40}$ доли имущества и дохода и формально представляющей собой пожертвование в пользу неимущих.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зулейха — легендарная красавица, стремившаяся соблазнить Юсуфа (см.).

Зуннар — пояс, носившийся немусульманами.

Зухра — название планеты Венера; имя героини сказания о Тахире (см.) и Зухре, образ безумно влюбленной девушки.

Имам — духовное лицо, под руководством которого мусульмане совершают молитву в мечети.

Искандер — Александр Македонский, один из популярных героев узбекского фольклора и классической поэзии.

Ислам — мусульманская религия, дословно — «подчинение», «проявление покорности», «предание себя (богу)».

Ифтар — ежевечернее разговение во время мусульманского поста ураза (см.), вечернее угощение.

Ишан — духовный наставник у мусульман Средней Азии.

Ишан-пачча. См. ишан и пачча.

Казий — судья, судящий по законам шариата (см.).

Калям — тростниковое перо.

Камча — кнут, плеть.

Кары — чтец Корана.

Кебаб — жаркое.

Кетмень — разновидность мотыги, отличающаяся широким лезвием.

Кок-чай — зеленый чай.

Кошма — войлок, войлочная подстилка.

Кукнар — наркотическое средство в виде сиропа, приготовляемого из сухих коробочек мака.

Лейли — имя героини широко распространенного в литературе и фольклоре народов Ближнего Востока и Средней Азии сказания о Лейли и Меджнуне (см.).

Лукман — легендарный мусульманский мудрец и врачеватель недугов.

Мазар — могила, гробница святого.

Меджнун — дословно «одержимый джиннами», «одержимый любовью»; имя героя сказания о Лейли и Меджнуне, послужившего сюжетом для поэм Низами, Навои и других поэтов. Имя Меджнуна — символ безрассудной, самоотверженной любви.

- Мекка* — город в Аравии, почитаемый мусульманской религией как священный.
- Михраб* — ниша в мечети в виде арки с полукруглым сводом, расположенная в направлении к Мекке (см.). При молитве мусульмане обращались лицом к михрабу. В поэтической традиции с михрабом сравнивались брови красавицы.
- Мударрис* — преподаватель медресе, духовного училища у мусульман.
- Мулла* — мусульманский священнослужитель.
- Муршид* — духовный руководитель, наставник у мусульман.
- Муфтий* — один из высших чинов мусульманского духовенства, толкователь шариата (см.), законовед, дающий заключения по религиозным и юридическим вопросам.
- Муэдзин* — служитель мечети, возглашающий с минарета начало молитвы.
- Мюрид* — последователь, ученик ишана (см.) или муршида (см.), налагавший на себя полный отказ от собственной воли и обет подчинения воле наставника.
- Паранджа* — старинная верхняя одежда узбекских и таджикских женщин в виде халата с ложными рукавами, прикрепленными к спине, закрывавшая женщин с головой.
- Пачча* — слово, употреблявшееся при почтительном обращении к старшим мужчинам и представителям господствующего класса.
- Пери* — волшебница, фея, мифическое существо, в поэзии — символ красавицы.
- Рамазан* — название девятого месяца мусульманского лунного года, рамазан — месяц мусульманского поста.
- Рубаи* — четверостишие в ираноязычной и тюркоязычной поэзии.
- Сай* — горный ручей, горная речка.
- Салям* — привет, приветствие.
- Сандал* — низкий столик, который ставится над сделанным в земляном или выложенном камнем полу углублением, куда кладут горячие угли для согревания ног.
- Сумбуль* — гиацинт, душистый цветок.
- Сурнай* — название народного музыкального духового инструмента, напоминающего флейту.
- Тамбур (танбур)* — музыкальный ударный инструмент.
- Тахир* — возлюбленный Зухры (см.), герой сказания, преданный и горячо любящий юноша.
- Теньга (танга)* — серебряная монета достоинством в 15 (Бухарское ханство) или в 20 (Ташкент, Фергана) копеек.
- Терьяк* — опиум.
- Той* — праздник, пир.
- Тюрбан* — чалма, головной убор мужчин-мусульман.
- Улем* — духовное лицо, ученый-богослов, один из высших чинов мусульманского духовенства.
- Ураза* — пост у мусульман.

Фархад — герой популярного сказания и поэм Навои и других поэтов, каменотес-горопроходец, возлюбленный Ширин (см.).

Халфа — старший среди учеников в старометодных религиозных школах, помощник учителя или муллы (см.).

Худжум — дословно «натиск», «атака»; так называлась кампания за раскрепощение женщин и отмену паранджи (см.), проводившаяся в Узбекистане в 1927—1928 гг.

Хырка — рубище, власяница, одеяние дервиша (см.).

Чайрикер — издольщик, работавший по найму на чужой земле и чужими орудиями за часть урожая.

Чекмень — верхняя одежда типа кафтана.

Чилтан — святой; первоначально — сорок неразлучных духов, которым приписывалась сверхъестественная способность предсказывать будущее.

Чиммат — покрывало для сокрытия лица женщины, изготовлявшееся из черных конских волос и носившееся вместе с паранджой (см.).

Шайтан — сатана, образ падшего ангела, ввергнутого богом в ад.

Шариат — свод мусульманских религиозных и юридических норм, основанных на Коране.

Шейх — духовный наставник, глава религиозной общины.

Ширин — героиня сказания о Фархаде (см.) и Ширин, образ преданной возлюбленной.

Юсуф — легендарный Иосиф Прекрасный, один из персонажей Ветхого завета. Легенда о Юсуфе и о любви к нему Зулейхи (см.) вошла и в состав Корана.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Безумец, жаждущий любви, всегда томим надеждою...» 99
«Безутешно-горьких стонов разве не слыхала ты?..» 91
«Будешь знаниями богат...» (Об ученье и невежестве) 113
«Был человек и четырех имел ребят. Пришла...» (Притча) 126
«Быть верным вероломной — бесполезно...» 103
- «В крови лежала Сурмахон...» (Сорванные цветы) 207
«В море слез я тону — твой огонь не пугает меня...» 77
«В непроглядной этой жизни светит месяц ясный где?..» 94
«Ввергнуть любящего в горе — разве можно так?..» 70
«Влюбленный болью мук томим всегда...» (Рубаи) 186
«Во тьме измен завеса слез в глазах когда появится...» 85
«Воин в шапке меховой...» (Не отдавай свободы) 182
Воронье («Перед тобою — бай! Не узнаешь?..») 221
«Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!..» (Проснись)
177
«Выбрала в друзья во время оно...» (Черепаша и скорпион) 121
- «Говоря: «Таких красавиц в мире больше нет», — смотри...» 100
Голос женщин («Тяжко сидеть взаперти, душу терзая кручиной...»)
197
«Грянул гром, раздались тучи...» (Труженик) 179
- Да здравствуют Советы («Не унывай, сбывась мечта...») 174
Да разве так останется?! («Да разве так останется навеки...») 165
«Девушки наши не учатся, мудрых не знают наук...» (Спор) 147
«Для влюбленного вовеки нет своей любимой лучше...» 187
Дорогая родина-мать («Не напрасно в час печали...») 163
Дуэт («Ночь уходит, светает...») 219
«Дядя Чигирик живет, видно, без Корана...» (Признания опозоренного) 190
- «Едва узрел я, как прошла ты одна...» 60
«Если страданья — судьба бедняка...» 150
«Если хочешь, чтобы в сердце был не мрак, а яркий свет...» 80
«Есть ли крупница разума у нас?..» (Пришла пора для просвещения)
145

- Жалобы напуганного «ответственного работника» («Получить бы мне совет дяди Чигирика!..») 192
 Живите-здравствуйте, рабочий и дехканин! 185
- Земельная реформа («Куда девался прежний урожай?..») 216
 «Значенье предметов, что видят глаза, к чему прикасаются руки..» (Учись!) 116
- «Изнемог ты от горя, но верь: дорогая придет..» 66
 Ишаны («Что толковать, такой удел им дан!..») 149
- «Как можешь сказать, чем люди живут и мир животных каков?..» (Науку постигай) 112
 «Как сердцем измучен я, взглянуть только раз пришла бы!..» 89
 Калям («Хоть черны его следы, сам он — истины светлее..») 120
 Кара за плохое воспитание сына («Случилось однажды, поймали какого-то вора..») 129
 «Кенгаш» («Нам радуется сердца наш молодой «Кенгаш»..») 161
 Книга («Родник живой воды, душе отрада — книга!..») 117
 «Когда мы вступаем на жизненный путь..» (Мать) 125
 «Когда я стал учиться, мне был другом школьных лет калям..» 119
 «Коль ем, так до отвала ем..» (Святой ишан говорил) 136
 «Коль отрекся ты от пиршеств, зуб себе переломи..» (Хвала) 151
 «Коль ранишь сердце — болью ран не упрекай меня..» 72
 «Кос волнистых запахов пряный мне сумбуль степной напомнил..» 92
 «Красавица! Страстью объят, о как по тебе я тоскую!..» 74
 Красноармейцам («Эй, вставайте в ряды, друзья!..») 184
 «Круглобокий урюк золотой..» (Спор плодов) 131
 «Куда девался прежний урожай?..» (Земельная реформа) 216
- «Лик твой — ясных зорь светлее, он сгубил и сжег меня..» 45
 «Лунолика моя, поскорее приходи..» 67
 «Луноликие, как много вы несете нам тревог..» 105
 «Людскому сердцу должно знать, что наполняет небосвод..» 96
- Мать («Когда мы вступаем на жизненный путь..») 125
 «Мир — зиндан для тех, кто выпил чашу мудрости до дна..» 90
 «Мнится мне, на зло обмана та, что я люблю, похожа..» 88
 «Мчись, о ветер, к лунолицой, пусть вспомнит про меня..» 83
 «Мы все — рабочие — живем..» (Мы — рабочие) 172
 «Мы непробудному покорны сну..» (Наше положение) 154
 Мы — рабочие («Мы все — рабочие — живем..») 172
- На смерть Турсунай («Чистота была в каждом уголке..») 205
 «Нам радуется сердца наш молодой «Кенгаш»..» («Кенгаш») 161
 «Настала весна, отшумели метели..» (Поздравляю!) 202
 «Наступил благословенный праздник рамазан..» (Рамазан) 134
 «Наука — путь к любой заветной цели..» 118
 Науку постигай! («Как можешь сказать, чем люди живут и мир животных каков?..») 112

- Начало азартных игр («Хоть и был Хашимджан еще мал. . .») 128
 Наше положение («Мы непробудному покорны сну. . .») 154
 Наши советы («Приготовь, бедняк, подарок и муллу зови на той. . .») 153
- «Не говори, что для людей во всем нужна корысть. . .» 79
 «Не кляни меня, отшельник, что пылать огнем я стал. . .» 81
 «Не напрасно в час печали. . .» (Дорогая родина-мать) 163
 Не отдавай свободы («Воин в шапке меховой. . .») 182
 «Не придирайся, сотский! Перенес. . .» (Тоскую) 156
 «Не унывай, сбывась мечта. . .» (Да здравствуют Советы!) 174
 «Не цветут в садах цветы до начала вешних дней. . .» 59
 «Но почему ж вы, братец, нас. . .» (Ответ на жалобы ишана, лишённого возможности участвовать в выборах первичных Советов) 215
- «Ночь уходит, светает. . .» (Дуэт) 219
- «О боже, пусть никто, как я, своей любимой не лишится! . .» 57
 «О ветер! Мечты мои вихрем завей. . .» 62
 «О виночерпий, ты вина влюбленному Меджнуну дай. . .» 95
 «О, если увидишь отчизну, земляк. . .» (Передай привет) 158
 «О лунолика моя, кому подобной в мире нет. . .» 68
 «О науке, нравах, знаниях издавна радела школа. . .» (Школа) 115
 «О пленительная! Страстью я томлюся до рассвета. . .» 76
 «О сердце, друга по себе, весь мир пройдя, сыскать сумей. . .» 93
 «О человечества краса, о радость взгляду, слава! . .» (Слава женщинам) 206
- Об ученье и невежестве («Будешь знаниями богат. . .») 113
 «Однажды некий мальчуган из школы шел домой. . .» (Правдивый мальчик) 123
 «От души произнесу „салам“. . .» (Письмо девушки. Письма, 2) 139
 Ответ на жалобы ишана, лишённого возможности участвовать в выборах первичных Советов («Но почему ж вы, братец, нас. . .») 215
- Перед выборами («Эй, преданные мне ислама сыны! . .») 210
 «Перед тобою — бай! Не узнаешь? . .» (Воронье) 221
 Передай привет («О, если увидишь отчизну, земляк. . .») 158
 «Пери есть, на бровь которой лук охотника похож. . .» 97
 Песня свободных женщин («Подруги-женщины, идите к нам скорей. . .») 193
- Письма (1—4) 138
 Письмо девушки («От души произнесу „салам“. . .». Письма, 2) 139
 Письмо девушки («Разве это зимою считают. . .». Письма, 4) 142
 Письмо юноши («Разве осенью это считают. . .». Письма, 3) 141
 Письмо юноши («Тысячу приветствий, о джаным. . .». Письма, 1) 138
 «Под небосводом мир простерт немислимым базаром. . .» 56
 «Подобен тюльпану твой лик несравненный. . . Когда я взглянул на портрет. . .» 160
 «Подруги-женщины, идите к нам скорей. . .» (Песня свободных женщин) 193
 Поздравляю! («Настала весна, отшумели метели. . .») 202

- «Получить бы мне совет дяди Чигирика!..» (Жалобы напуганного «ответственного работника») 192
- «Попроси у любимой, ветер, пусть, жалея меня, придет..» 47
- Правдивый мальчик («Однажды пекий мальчуган из школы шел домой..») 123
- «Превыше шахской красота дана ее приметам..» 102
- Предателям «Худжума» («Служащие есть такие: жен решив освободить..») 204
- «При тебе я — как луна, и пригожим вроде стал..» 71
- «Приготовь, бедняк, подарок и муллу зови на той..» (Наши советы) 153
- Признания ишана Азимходжи, сына ишана Ташходжи («Я строго уразу держу..») 195
- Признания опозоренного («Дядя Чигирик живет, видно, без Корана..») 190
- Притча («Был человек и четырех имел ребят. Пришла..») 126
- Пришла пора для просвещения («Есть ли крупица разума у нас?..») 145
- Проснись («Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!..») 177
- Проснись, рабочий! («Сколько ты веков в забвеньи был..») 180
- «Пусть бы ты свою жестокость мне дарила, — будь что будет!..» 51
- «Пусть никто о пери милой не скорбит наедине..» 84
- «Разве осенью это считают..» (Письмо юноши. Письма, 3) 141
- «Разве это зимою считают..» (Письмо девушки. Письма, 4) 142
- «Разрывайте, выстрелы, воздух..» (Эй, эй, стреляем!) 176
- Рамазан («Наступил благословенный праздник рамазан..») 134
- «Раскрой глаза, взгляни на мир — везде своя работа есть..» 87
- «Родник живой воды, душе отрада — книга!..» (Книга) 117
- Рубаи («Влюбленный болью мук томим всегда..») 186
- «Светоч мира — тот, кто вежлив, образован, благонравен..» 104
- Святой ишан говорил («Коль ем, так до отвала ем..») 136
- Сегодня 8 марта («Эй, эй! Паранджа, чужеземная штука..») 199
- Сетования ишана («Стародавних дней отрада где теперь..») 188
- «Сколь моя печальна доля, до чего она худая!..» 64
- «Сколько ты веков в забвеньи был..» (Проснись, рабочий!) 180
- Слава женщинам («О человечества краса, о радость взгляду, слава!..») 206
- «Служащие есть такие: жен решив освободить..» (Предателям «Худжума») 204
- «Случилось однажды, поймали какого-то вора..» (Кара за плохое воспитание сына) 129
- «Сними чиммат, открой лицо, для всех прекрасной будь..» (Узбекской женщине) 198
- «Солнцеликая! Мир земной, покрывало сняв, озари..» 86
- Сорванные цветы («В крови лежала Сурмахон..») 207
- Спор («Девушки наши не учатся, мудрых не знают наук..») 147
- Спор плодов («Круглобокий урюк золотой..») 131
- «Стародавних дней отрада где теперь..» (Сетования ишана) 188

«Стрелой любви я был пронзен твоей рукою...» 107

«Стремись правдивым быть, мой сын...» 124

«Такой красавице, как ты, в веках забвенья нет...» 49

«Твою жестокость за каприз никто принять не может...» 73

Тоскую («Не придирайся, сотский! Перенес...») 156

Труженик («Грянул гром, раздалась тучи...») 179

«Ты — сама красота, как у пери твой лик...» 98

«Тысячу приветствий, о джаным...» (Письмо юноши. Письма, 1) 138

«Тяжко сидеть взаперти, душу терзая кручиной...» (Голос женщин)
197

Узбекской женщине («Сними чиммат, открой лицо, для всех прекрасной будь...») 198

Учись («Значенье предметов, что видят глаза, к чему прикасаются руки...») 116

Хвала («Коль отрекся ты от пиршеств, зуб себе переломи...») 151

«Хоть и был Хашимджан еще мал...» (Начало азартных игр) 128

«Хоть черны его следы, сам он — истины светлее...» (Калям) 120

Черепаха и скорпион («Выбрала в друзья во время оно...») 121

«Чистота была в каждом уголке...» (На смерть Турсунай) 205

«Что стряслось? Я с красотою, мной ценимой, разлучен...» 78

«Что толковать, такой удел им дан!...» (Ишаны) 149

«Чуть тебя я увидал, несравненная моя...» 55

«Шел я как-то по дороге и девицу повстречал...» 109

Школа («О науке, нравах, знаньях издавна радела школа...») 115

«Эй, вставайте в ряды, друзья!...» (Красноармейцы) 184

«Эй, преданные мне ислама сыны!...» (Перед выборами) 210

Эй, рабочий! («Эй, рабочий!...») 169

«Эй, эй! Паранджа, чужеземная штука...» (Сегодня 8 марта) 199

Эй, эй, стреляем! («Разрывайте, выстрелы, воздух...») 176

«Я подобен мотыльку и огнем любви спален...» 61

«Я сказал: «Земная пери, мне, страдальцу, мук не надо...» 53

«Я строго уразу держу...» (Признания ишана Азимходжи, сына ишана Ташходжи) 195

«Я, точь-в-точь Меджнун безумный, на иной жить лад не в силах...»
46

СОДЕРЖАНИЕ

Хамза Хаким-заде Ниязи. *Вступительная статья С. Иванова* . . . 5

I

(1907 — СЕНТЯБРЬ 1917)

ДИВАН ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОВ

1. «Лик твой — ясных зорь светлее, он сгубил и сжег меня...»
Перевод С. Иванова 45
2. «Я, точь-в-точь Меджнун безумный, на иной жить лад не в силах...» *Перевод П. Карпа* 46
3. «Попроси у любимой, ветер, пусть, жалея меня, придет...»
Перевод С. Иванова 47
4. «Такой красавице, как ты, в веках забвенья нет...» *Перевод Э. Бабаева* 49
5. «Пусть бы ты свою жестокость мне дарила, — будь что будет!...» *Перевод П. Карпа* 51
6. «Я сказал: «Земная пери, мне, страдальцу, мук не надо...»
Перевод П. Карпа 53
7. «Чуть тебя я увидал, несравненная моя...» *Перевод П. Карпа* 55
8. «Под небосводом мир простерт немислимым базаром...»
Перевод С. Иванова 56
9. «О боже, пусть никто, как я, своей любимой не лишится!...»
Перевод С. Иванова 57
10. «Не цветут в садах цветы до начала вешних дней...» *Перевод П. Карпа* 59
11. «Едва узрел я, как прошла ты одна...» *Перевод П. Карпа* 60
12. «Я подобен мотыльку и огнем любви спален...» *Перевод П. Карпа* 61
13. «О ветер! Мечты мои вихрем завей...» *Перевод С. Иванова* 62

14. «Сколь моя печальна доля, до чего она худая!..» *Перевод П. Карпа* 64
15. «Изнемог ты от горя, но верь: дорогая придет!..» *Перевод С. Иванова* 66
16. «Луноликая моя, поскорее приходи!..» *Перевод П. Карпа* 67
17. «О луноликая моя, кому подобной в мире нет!..» *Перевод П. Карпа* 68
18. «Ввергнуть любящего в горе — разве можно так?..» *Перевод П. Карпа* 70
19. «При тебе я — как луна, и пригожим вроде стал!..» *Перевод П. Карпа* 71
20. «Коль ранишь сердце — болью ран не упрекай меня!..» *Перевод С. Иванова* 72
21. «Твою жестокость за каприз никто принять не может!..» *Перевод С. Ботвинника* 73
22. «Красавица! Страстью объят, о как по тебе я тоскую!..» *Перевод С. Иванова* 74
23. «О пленительная! Страстью я томлюся до рассвета!..» *Перевод К. Феноменова* 76
24. «В море слез я тону — твой огонь не пугает меня!..» *Перевод С. Ботвинника* 77
25. «Что стряслось? Я с красотой, мной ценимой, разлучен!..» *Перевод П. Карпа* 78
26. «Не говори, что для людей во всем нужна корысть!..» *Перевод С. Иванова* 79
27. «Если хочешь, чтобы в сердце был не мрак, а яркий свет!..» *Перевод С. Иванова* 80
28. «Не кляни меня, отшельник, что пылать огнем я стал!..» *Перевод П. Карпа* 81
29. «Коль хочешь знать, как я живу, о дорогая, поспеши!..» *Перевод П. Карпа* 82
30. «Мчись, о ветер, к луноликой, пусть вспомнит про меня!..» *Перевод С. Иванова* 83
31. «Пусть никто о пери милой не скорбит наедине!..» *Перевод П. Карпа* 84
32. «Во тьме измен завеса слез в глазах когда появится!..» *Перевод С. Иванова* 85
33. «Солнцеликая! Мир земной, покрывало сняв, озари!..» *Перевод А. Зырина* 86
34. «Раскрой глаза, взгляни на мир — везде своя работа есть!..» *Перевод П. Карпа* 87
35. «Мнится мне, на зло обмана та, что я люблю, похожа!..» *Перевод А. Зырина* 88
36. «Как сердцем измучен я, взглянуть только раз пришла бы!..» *Перевод С. Иванова* 89
37. «Мир — зиндан для тех, кто выпил чашу мудрости до дна!..» *Перевод Э. Бабаева* 90
38. «Безутешно-горьких стонов разве не слышала ты?..» *Перевод П. Карпа* 91
39. «Кос волнистых запах пряный мне сумбуль степной напомянил!..» *Перевод Э. Бабаева* 92

40.	«О сердце, друга по себе, весь мир пройдя, сыскать сумей...» <i>Перевод А. Зырина</i>	93
41.	«В непроглядной этой жизни светит месяц ясный где?..» <i>Перевод П. Карпа</i>	94
42.	«О виночерпий, ты вина влюбленному Меджуну дай...» <i>Перевод П. Карпа</i>	95
43.	«Людскому сердцу должно знать, что наполняет небосвод...» <i>Перевод П. Карпа</i>	96
44.	«Пери есть, на бровь которой лук охотника похож...» <i>Перевод П. Карпа</i>	97
45.	«Ты — сама красота, как у пери твой лик...» <i>Перевод С. Иванова</i>	98
46.	«Безумец, жаждущий любви, всегда томим надеждою...» <i>Перевод С. Иванова</i>	99
47.	«Говоря: «Таких красавиц в мире больше нет», — смотри...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	100
48.	«Превыше шахской красота дана ее приметам...» <i>Перевод С. Иванова</i>	102
49.	«Быть верным вероломной — бесполезно...» <i>Перевод С. Иванова</i>	103
50.	«Светоч мира — тот, кто вежлив, образован, благонравен...» <i>Перевод А. Зырина</i>	104
51.	«Луноликие, как много вы несете нам тревог...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	105
52.	«Стрелой любви я был пронзен твоей рукою...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	107
53.	«Шел я как-то по дороге и девицу повстречал...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	109

ДИДАКТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

54.	Науку постигай! <i>Перевод К. Феноменова</i>	112
55.	Об ученье и невежестве. <i>Перевод С. Иванова</i>	113
56.	Школа. <i>Перевод С. Иванова</i>	115
57.	Учись! <i>Перевод К. Феноменова</i>	116
58.	Книга. <i>Перевод С. Иванова</i>	117
59.	«Наука — путь к любой заветной цели...» <i>Перевод С. Иванова</i>	118
60.	«Когда я стал учиться, мне был другом школьных лет калям...» <i>Перевод С. Иванова</i>	119
61.	Калям. <i>Перевод С. Сомовой</i>	120
62.	Черепаша и скорпион. <i>Перевод С. Маришака</i>	121
63.	Правдивый мальчик. <i>Перевод В. Липко</i>	123
64.	«Стремись правдивым быть, мой сын...» <i>Перевод С. Иванова</i>	124
65.	Мать. <i>Перевод К. Феноменова</i>	125
66.	Притча. <i>Перевод В. Липко</i>	126
67.	Начало азартных игр. <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	128
68.	Кара за плохое воспитание сына. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	129
69.	Спор плодов. <i>Перевод С. Сомовой</i>	131
70.	Рамазан. <i>Перевод Э. Бабаева</i>	134

ПЕСНИ

71. Святой ишан говорил	136
72—75. П и с ь м а	
1. Письмо юноши. <i>Перевод С. Сомовой</i>	138
2. Письмо девушки. <i>Перевод С. Сомовой</i>	139
3. Письмо юноши. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	141
4. Письмо девушки. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	142
76. Пришла пора для просвещения. <i>Перевод Э. Бабаева и В. Липко</i>	145
77. Спор. <i>Перевод Э. Бабаева</i>	147
78. Ишаны. <i>Перевод В. Липко</i>	149
79. Если страдания — судьба бедняка. . . <i>Перевод Э. Бабаева</i>	150
80. Хвала. <i>Перевод Э. Бабаева</i>	151
81. Наши советы. <i>Перевод Э. Бабаева</i>	153
82. Наше положение. <i>Перевод Э. Бабаева</i>	154
83. Тоскую. <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	156
84. Передай привет. <i>Перевод С. Сомовой</i>	158
85. «Подобен тюльпану твой лик несравненный. . . Когда я взглянул на портрет. . .» <i>Перевод Э. Бабаева</i>	160
86. «Кенгаш». <i>Перевод В. Липко</i>	161
87. Дорогая родина-мать (<i>Песня</i>). <i>Перевод В. Липко</i>	163
88. Да разве так останется?! (<i>Песня</i>). <i>Перевод В. Липко</i>	165

II

(ОКТАБРЬ 1917—1928)

СТИХОТВОРЕНИЯ

89. Эй, рабочий! (<i>Песня</i>). <i>Перевод В. Луговского</i>	169
90. Мы — рабочие (<i>Песня</i>). <i>Перевод Н. Асеева</i>	172
91. Да здравствуют Советы! (<i>Песня</i>). <i>Перевод Н. Гребнева</i>	174
92. Эй, эй, стреляем! (<i>Песня</i>). <i>Перевод Н. Асеева</i>	176
93. Проснись (<i>Песня</i>). <i>Перевод В. Липко</i>	177
94. Труженик. <i>Перевод В. Липко</i>	179
95. Проснись, рабочий! <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	180
96. Не отдавай свободы! (<i>Песня</i>). <i>Перевод В. Луговского</i>	182
97. Красноармейцам (<i>Хоровая песня</i>). <i>Перевод В. Луговского</i>	184
98. Живите-здравствуйте, рабочий и дехканин! (<i>Песня</i>). <i>Перевод В. Луговского</i>	185
99. Рубаи. <i>Перевод С. Иванова</i>	186
100. «Для влюбленного вовеки нет своей любимой лучше. . .» <i>Перевод С. Иванова</i>	187
101. Сетования ишана. <i>Перевод В. Липко</i>	188
102. Признания опозоренного. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	190
103. Жалобы напуганного «ответственного работника». <i>Перевод С. Иванова</i>	192
104. Песня свободных женщин. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	193
105. Признания ишана Азимходжи, сына ишана Ташходжи. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	195

106. Голос женщин. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	197
107. Узбекской женщине. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	198
108. Сегодня 8 марта. <i>Перевод В. Липко</i>	199
109. Поздравляю! <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	202
110. Предателям «Худжума». <i>Перевод Д. Голубкова</i>	204
111. На смерть Турсунай. <i>Перевод В. Инбер</i>	205
112. Слава женщинам (<i>Песня</i>). <i>Перевод В. Липко</i>	206
113. Сорванные цветы. <i>Перевод Л. Хаустова</i>	207

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

114. Перед выборами. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	210
115. Ответ на жалобы ишана, лишённого возможности участвовать в выборах первичных Советов. <i>Перевод В. Липко</i>	215
116. Земельная реформа. <i>Перевод В. Липко</i>	216
117. Дуэт. <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	219
118. Воронье. <i>Перевод С. Иванова</i>	221
Примечания	231
Словарь	239
Алфавитный указатель	243

Хамза Хаким-заде Ниязи

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970,
256 стр. Тем. план вып. 1970 г. № 329.

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Н. П. Ракова*

Сдано в набор 13/X 1969 г. Подписано
в печать 19/I 1970 г. М 32630. Бумага 84×
108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 8+1 вкл. (13,54).
Уч.-изд. л. 8,74. Тираж 10 000 экз. Заказ
№ 1416. Цена 52 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

„БИБЛИОТЕКА ПОЭТА“

**Большая серия
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ**

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

«Стихотворная сказка (новелла)
XVIII — первой половины XIX века»

А. С. Хомяков

И. П. Мятлев

М. Л. Михайлов

Н. А. Добролюбов

«Стихотворная сатира
первой русской революции
(1905—1907)»

К. Д. Бальмонт

„БИБЛИОТЕКА ПОЭТА“

**Большая серия
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ**

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

«Ленин в советской поэзии»

«Русская силлабическая поэзия
XVII—XVIII вв.»

«Вольная русская поэзия
второй половины XVIII — первой половины XIX в.»

Н. Ф. Щербина
И. Л. Сельвинский

«Песни народов Дагестана»
